

[Polaris]

БОГ

ПЕЩЕР

Забытая палеонтологическая фантастика

Том V

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

L

Salamandra P.V.V.

БОГ ПЕЩЕР

**Забывтая
палеонтологическая
фантастика**

Том V

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Бог пещер: Забытая палеонтологическая фантастика. Том V. Сост. и прим. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 200 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. L).

Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Бог пещер» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу включены как классические произведения зарубежных авторов, так и поистине забытая палеофантастика 1880-1910-х гг. Многие вошедшие в антологию произведения впервые переведены на русский язык. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Authors, translators, 2014

© М. Fomenko, состав, комментарии, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

БОГ ПЕЩЕР

От издательства

Данный том «Забытой палеонтологической фантастики» оказался книгой юбилейной – это пятидесятый выпуск в серии «Polaris», начатой нашим издательством всего лишь год с небольшим назад. Состав его не совсем обычен: мы решили открыть книгу тремя классическими произведениями М. Твена, Г. Уэллса и А. Конан Дойля; их нельзя назвать в полной мере «забытыми», но и вспомнить о них совсем не мешает. Включен в книгу и сравнительно недавний рассказ, который призван напомнить читателю о непревзойденном достижении Конан Дойля в жанре «затерянных миров» и палеофантастики – «Затерянном мире» (к слову, тематика этого рассказа перекликается с нашей серией «Новая шерлокиана»). Остальные произведения, включенные в антологию «Бог пещер», были написаны и опубликованы в 1880-1910-х годах; большая часть их впервые переводится на русский язык.

Salamandra P.V.V.

Марк Твен

**ДВЕ КРАТКИЕ ЛЕКЦИИ
ПО НАУКЕ**

Лекция первая:

ПРЕДМЕТ ПАЛЕОНТОЛОГИИ

Что за благородная наука — палеонтология! И какой воистину божественной проницательностью обладают ее приверженцы!

Двадцать опытейших сыщиков тотчас, как только стало известно об убийстве Натана, прибыли на место происшествия, осмотрели труп убитого, обследовали отметины на шее и голове, бросились по кровавым следам, внимательнейшим образом изучили взломанный сейф, проверили окровавленные одежды, дюйм за дюймом исследовали странный, необычного вида, загадочный ломик. Они взяли на заметку похищенные брильянтовые запонки, установили слежку за всеми известными ворами и взломщиками с их подругами впридачу. В их распоряжении были сыщики со всего света, чтобы помочь отыскать и изобличить преступников; почта, телеграф, чтобы ускорить связь. Тут же на месте преступления они допросили под присягой пятьдесят свидетелей и держали их под рукой на всякий случай и выяснили все, что произошло вокруг натовского особняка за прошедшую, богатую событиями ночь, за исключением того единственного часа, в течение которого свершилось убийство.

Таким образом загадка была сведена почти на нет, а нитей и средств первейшего сорта для разоблачения преступников было, как мы видим, хоть отбавляй. И что же в результате? Ничего! Ломик так ни о чем и не сообщил, кровавые следы никуда не привели, и убийца не был найден. Не удалось даже установить, был ли убийца один или их было множество, был ли то мужчина или женщина, не удалось выяснить, каким образом проникли в дом и каким путем скрылись!

Читатель прекрасно понимает, почему невежды-сыщики плутают вокруг да около с целой связкой ключей и нитей, могущих привести к раскрытию тайны, и все же ничего не добиваются.

А теперь разрешите мне рассказать вам, что могла бы сделать наука. Дайте мне возможность продемонстрировать, каких успехов можно было добиться, если бы нью-йоркская полиция оказалась более дальновидной и привлекла бы к данному расследованию хотя бы одного серьезного ученого-палеонтолога вместо всей этой своры полицейских ищеек. Позвольте мне показать, как, не имея никаких других улик, кроме маленького осколка от того же железного ломика или четверти пинты воды, в которой были выстираны окровавленные одежды, любой мало-мальски грамотный палеонтолог тут же, не сходя с места, указал бы вам убийцу с той же безошибочной точностью, с какой он, найдя обломок кости неизвестного животного, воссоздаст это животное целиком и расскажет, какой длины был у него хвост и кого из своих ближних оно предпочитало на завтрак.

Геология установила, что земная кора состоит из пяти слоев, или страт. Мы живем на поверхности пятой. Геология учит нас — с научной достоверностью и точностью, — что каждый из этих слоев образовался за время от десятков тысяч до двух миллионов лет формирования или охлаждения. (Расхождения на несколько сотен тысяч лет для науки не суть важны.) Тот слой, что лежит сразу же под нашим, называется четвертичным, под ним лежит третичный и т. д. Каждый из этих слоев имел свой, только ему одному свойственный животный и растительный миры, и, когда выяснялось, что миссия его выполнена, данный слой со всеми своими животными и растениями прекращал работу, и под похоронный звон его засыпал новый, следующий слой, с новыми, более модно скроенными зверями и растениями. И так далее, и так далее.

Так вот, геологи Томпсон, Джонсон, Джоунс и Фергюсон утверждают, что наш слой прошел процесс формирования, равный десяти тысячам лет. Геологи Геркимер, Гильдебранд,

Вогс и Уолкер заявляют, что наш слой сформировался за четыреста тысяч лет. А третья группа геологов с такой же категоричностью настаивает, что наш слой образовался в течение одного-двух миллионов лет. Таким образом, у нас есть весьма четкое представление о возрасте нашего слоя.

Этих геологических данных нам вполне хватит для решения стоящей перед нами задачи. Палеонтологи Хукер, Бекер, Слосум и Хьюджес утверждают, что первобытный человек жил в четвертичном периоде, следовательно, он появился десять тысяч, а может, два миллиона лет назад. Палеонтологи же Говард, Паркинс, де Уорен и фон Хавкинс считают, что первобытный человек появился еще в третичном периоде, а значит, человек шествует по земле со времен столь отдаленных, что если бы нанизали идущие после единицы нули на веревочку, то их вполне хватило бы на ожерелье мастодонту — у вас не достанет воображения, чтобы представить себе те мириады веков, которые прошли с того момента.

А теперь, как вы догадываетесь, мы начнем загонять первобытного человека в угол, туда, где сможем, так сказать, схватить его за рога и рассмотреть с толком. Давайте «для простоты», как говаривал Гумбольдт, условимся, что первобытный человек появился восемьсот-девятьсот тысяч лет назад, а не, как убийца Натана, позавчера. Что нам известно, и как мы это установили? Слушайте внимательно, яведу открытия палеонтологии к нескольким пунктам:

1. Первобытный человек жил в четвертичном периоде, так как его кости найдены в пещерах вместе с костями ныне вымерших животных того периода, таких, как пещерная гиена, мамонт и т. д. ...

2. Несомненная древность костей первобытного человека доказывается, кроме того, их исключительной хрупкостью. Нет ни одной кости, которая, перенеся груз сотен веков, «была бы столь хрупкой». (Я цитирую авторитетнейшие научные источники. — М. Т.) Видимо, королевские скелеты, лежавшие в Вестминстерском аббатстве, рассыпались в прах только потому, что они были захоронены в свинцовых гробах, хотя и прошло всего каких-то восемьсот лет.

Кости не выносят свинцовых гробов, и нет лучшего способа, чем захоронять их в пещерах. Вот тогда-то, как установили палеонтологи, они переживут вас на миллионы лет, не претерпевая никаких особых неудобств.

3. Первобытный человек имел оружие, ибо вместе с его костями были найдены грубые, необработанные куски и осколки кремня, которые — палеонтологам это достоверно известно — первобытные люди считали ножами, а также найдены куски кремня грубой овальной формы с дыркой посередине, которые они по простоте душевной признавали за топоры. Эти предметы были обнаружены вместе с его костями в огромных количествах.

4. Первобытный человек носил одежду, ибо вместе с его костями найдены скелеты оленей «со все еще заметными у основания рогов надрезами, какие делаются в наши дни, когда мы подрезаем в этих местах шкуру, чтобы ободрать зверя». Мог бы палеонтолог, которого мы здесь цитируем, разыскать убийцу Натана?... Безусловно! Невежда стал бы утверждать, что, может быть, первобытный человек обдирали зверей не для того, чтобы самому одеваться, а чтобы накрыть шкурами свою хижину или вырезать ремень для тетивы лука, или, скажем, обменять их на стеклянные бусы и виски. Но палеонтолога не проведешь! Он знает, чего хотел первобытный человек.

5. Первобытный человек не только изобрел простые машины и вслепую двигался вперед, к цивилизации, как это доказывает изготовление кремневого топора, ножа и носильных одежд, он, кроме того, обладал заметным и несомненным творческим воображением, ибо вместе с его костями были найдены фигурки, выцарапанные на кости, смутно напоминающие рыб, и найден кабаньих клык, грубо вырезанный в форме птичьей головы «с проделанной в ней дыркой, чтобы он мог носить ее на шее». (Я цитирую авторитетные источники.) Как, по-вашему, смог бы этот палеонтолог запросто найти убийцу Натана?!

6. Первобытный человек «ел мясо диких животных в жареном виде...», ибо вместе с его костями найдены кости

диких зверей, «часть которых, видимо, подгорела несколько миллионов лет назад».

7. Первобытный человек «страстно обожал костный мозг» (я по-прежнему цитирую авторитетнейшие научные источники), ибо вместе с его костями нашли звериные кости, «расщепленные вдоль», «что доказывает, что их так раскололи для того, чтобы извлечь костный мозг, до которого наши далекие предки были весьма охочи» — так говорится в одной из статей журнала «Палеонтологические исследования». Мог бы автор сей статьи раскрыть тайны железного ломика и окровавленной одежды или нет?!

8. Первобытный человек был... людоедом (!), ибо в Италии, а также Шотландии вместе с его костями нашли детские кости, «которые были сперва тщательно очищены и обсосаны, чтобы насытить неутолимую страсть первобытного человека к костному мозгу, а затем обглоданы» (!). Как это ни ужасно, но это так. Пусть-ка какой-нибудь невежда попробует сказать, что их могли обглодать и обсосать собаки, когда палеонтолог исследовал все это и решил, что:

9. Первобытный человек не имел собак, ибо «никаких следов прирученных в то время собак не найдено».

10. Однако пещерная гиена обглаживала кости, ибо палеонтология доказала, что «на некоторых найденных во Франции костях видны следы, оставленные не зубами собаки, человека, кошки или мастодонта, а только зубами гиены». Причем палеонтология точно известно, что «гиена обглаживала кости уже после того, как их обглодал и обсосал первобытный человек», потому что тот был умнее ее, хотя откуда эти сведения — палеонтология предпочитает держать в секрете.

11. Первобытный человек имел кладбище, ибо «...вместе с огромным множеством поджаренных и обглоданных костей ископаемых животных была найдена масса людских костей и кремневого оружия».

Ах, какая прекрасная штука — жить в эпоху расцвета такой науки, как палеонтология! Ведь невежественный исследователь ни за что не сумел бы отличить доисторическое кладбище от доисторического ресторана!

12. После похорон первобытный человек всегда устраивал торжественные поминки и веселился до упаду, ибо «...ниже по склону холма, чуть поодаль от его кладбища, при раскопках обнаружена (зафиксирован один случай) кучка золы». Фон Розенштейн и ряд других ученых полагают, что такие банкеты устраивались до погребения, однако большинство палеонтологов сошлось на том, что они организовывались примерно неделю спустя после похорон.

13. Первобытный человек «изготавливал свои кремневые ножи и топоры каменным молотком...», причем некий английский палеонтолог доказал это на деле, с треском разбил всех инакомыслящих и заработал кучу аплодисментов и признание своих коллег, собственноручно смастерив кремневый топор каменным молотком. Бесспорен факт, что эти орудия настолько примитивны и бесформенны, что любой, кто даже с закрытыми глазами отколет кусок кремня, неизбежно получит в итоге, независимо от своего желания, доисторический каменный нож или топор. В случае, если скептик возразит, что хлеб можно резать топором, однако это вовсе не значит, что мы так и делаем, я отвечу, что такого рода аргумент мог бы решить спорный вопрос, если бы разговор шел о нашей эпохе; палеонтология же рассматривает дела давно минувших дней.

Теперь я перехожу к наиболее поразительному открытию палеонтологии — самому неожиданному и самому что ни на есть удивительному. Вот оно. Палеонтологи установили, что:

14. Первобытный человек верил в бессмертие, ибо «...зачем было бы ему иначе закапывать такое огромное количество кремневых ножей и топоров вместе с умершим, точно так, как это делают все дикари, желающие обеспечить своего любимого и безвозвратно утраченного человека средствами существования и развлечения в счастливой загробной жизни». Ну! Что скажете теперь, господин скептик, жалкий безмозглый ворчун? В этом грандиозном и поистине величественном доказательстве веры первобытного человека в бессмертие души вы увидели бы только свидетельство того, что доисторическое кладбище, доисторическая столо-

вая и доисторический арсенал оружия были нарочно собраны первобытным человеком в одно место, чтобы сэкономить на арендной плате. Идиот!

Наша лекция подходит к концу. Вы поняли теперь, как наука запросто расправляется с фактами?

Поняли, каким образом:

кости животных, расщепленные, обгоревшие и обглоданные, расположенные в четвертичном слое;

кости взрослого человека, к тому же «очень хрупкие»;

кости ребенка, без костного мозга, обглоданные;

куски кремня довольно странной формы;

несколько примитивно (по-видимому, нарочно) вырезанных фигурок;

кучка пепла;

оленьи рога с царапинами у основания;

отсутствие собачьих следов — все это и составляет как раз те нити и доказательства, в которых нуждается палеонтология, чтобы поведать миру чудеса о первобытном человеке; и не только поведать, но и показать:

какова была эпоха, в которой он жил;

какие орудия он имел;

какие одежды он носил;

каковы были его творческие склонности и способности;

чем он изготавливал свои орудия;

что за обряды были у него во время похорон;

какие части медвежьей туши или тела ребенка он предпочитал на завтрак, а какие — на обед;

какому зверю доставались объедки с его стола;

и, наконец, каковы были религиозные устои и взгляды у умершего и горячо оплакиваемого старого вождя всех этих ископаемых!

Прямо-таки до слез жалко, что убийца Натана не совершил своего кровавого деяния два миллиона лет назад — мне так хочется знать, кто же он, и как было дело.

(Часть моих палеонтологических выводов отличается в некоторых отношениях от тех, что были сделаны другими авторами в этой области, но на них я остановлюсь в следующей лекции. — М. Т.)

Заключительная лекция по палеонтологии:

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

1. Мои собратья-палеонтологи, найдя рядом с костями первобытного человека орудия («для использования на том свете»), обосновали его веру в бессмертие. Я считаю, что они сделали даже больше. Доказывая, что первобытный человек, чтобы достать костный мозг, всегда раскалывал кости животных вдоль, они, мне кажется, почти доказали, что он был полным ослом. Ибо зачем нужно было ему, чтобы извлечь костный мозг, ломать кость вдоль, когда любому, за исключением разве только ученого, известно, что гораздо легче расколоть ее поперек, да и бить так камнем по кости намного удобнее, причем всем ясно, что, в каком бы направлении эту кость ни ломать, костный мозг от этого хуже не станет?! Однако вопреки всякой логике этому первобытному увальню почему-то обязательно нужно было колоть ее вдоль — поступок, явно говорящий не в пользу его ума. Я должен обратить ваше внимание и на тот факт, что ни его роговые орудия, ни его кремневый нож, ни тем более его внушающий благоговейный трепет метательный диск, который он по своей наивности принимал за кремневый топор, не могли расколоть вдоль эту кривую, выскальзывающую из рук кость с достаточной легкостью, а ведь известно, что первобытный человек прежде всего думал об удобствах. Такова была его манера, если я знаю, о чем говорю, если же нет, какой я тогда палеонтолог!

2. Меня почему-то все время тревожит мысль, что те медведи, чьи кости лежали вперемежку с костями первобытного человека, они-то и были главными участниками пиршества, которые съели костный мозг, а заодно и тех зверей, коим оный принадлежал. Ничуть не боясь впасть в ересь, я могу высказать предположение, что, по всей вероятности, они съели и самого первобытного человека. Вот пе-

ред нами груда костей — человека и пещерного медведя, — лежащие попеременно, без каких-либо веских доказательств, свидетельствующих о том, что человек съел зверя раньше, чем тот съел его. И тем не менее палеонтология, производя сейчас, в пятом геологическом периоде, прокурорское дознание относительно каких-то там «ссор и недоразумений», происходивших в четвертичном периоде, прехладнокровно возлагает всю вину на человека и, мало того, утверждает, что есть данные, уличающие его в каннибализме. Я спрашиваю у беспристрастного читателя: разве не похоже все это на напраслину, возведенную на джентльмена, которого убили два миллиона лет назад и чьи родственники и друзья не в состоянии... Впрочем, это слишком для меня мучительная тема. Сегодня они говорят об ужасных манерах, звериных инстинктах и таком же аппетите первобытного человека, — где у нас гарантия, что завтра та же рука не обольет грязью мать этого бедняги?

3. А потом, если разбираться по существу, нет ничего столь сверхъестественного в исчезновении костного мозга из костей, пролежавших сотни тысяч лет, чтобы стоило из-за этого голову ломать, стараясь определить, куда и каким образом он мог исчезнуть. Почему бы ему, скажем, не выветриться под действием старения, естественного разложения или работы червей?

4. Если бы студенты спросили меня, почему палеонтологи называют первобытного человека людоедом, я бы ответил: потому, что они обнаружили следы его зубов на костях первобытного ребенка. Если бы студенты спросили, почему палеонтологи утверждают, что пещерная гиена обгладывала поджаренные на огне кости животных после того, как первобытный человек отобедал, я бы ответил, что на вышеназванных костях они нашли следы ее зубов. Но если бы меня спросили, каким образом палеонтологи отличают одни следы зубов от других на костях, пролежавших в пещере еще с тех незапамятных времен, когда были воздвигнуты эти вечные горы, я бы ответил: «Ей-богу, не знаю».

Каждый человек может оставить следы своих зубов на каком-нибудь свежем, еще не разложившемся субстрате, ко-

торый имеется иногда на костях, но чтобы он ухитрился оставить отметины своих зубов на самой кости, этого я еще не видывал. Пусть-ка какой-нибудь старательный студент попробует надкусить костяную ручку зубной щетки соседа и посмотрит, оставил ли он хоть какой-то автограф, который переживет века.

5. Нет ничего проще, чем проследить научный метод палеонтологии. Сошлюсь хотя бы на затасканную привычку доказывать огромный возраст ископаемых костей их «исключительной хрупкостью», а затем объяснять их чудесное сохранение тем, что они «затвердели» и превратились в камень, т. к. длительное время пребывали в известковых отложениях.

6. В знаменитой в палеонтологии пещере Ориньяк были найдены кости первобытных людей, остовы покрытых шерстью слонов, гигантских медведей, лосей и волков необычного вида, а также кости царственного мастодонта. И как вы думаете мои коллеги-палеонтологи называли это место? «Первобытное кладбище»! На каком основании? Почему именно кладбище?

Уважаемый читатель! Я тщательно изучил этот вопрос и установил следующий чрезвычайно существенный факт: палеонтологи не нашли в пещере ни одного могильного камня и никаких следов кладбищенской ограды! Так почему же они тогда называют эту пещеру кладбищем? Разве сваленные в кучу без разбора кости, людские и звериные, — обязательно кладбище?

Я завел этот разговор не ради того, чтобы показать себя. Я начал его с более благородной целью: дать увлечению палеонтологией учащейся молодежи новое, более серьезное направление. Я исследовал доказательства и теперь ничуть не сомневаюсь, что найденные в пещере Ориньяк предметы являлись остатками не первобытного кладбища, а первобытного зверинца. Я спрашиваю у мыслящего читателя: могло ли случиться, чтобы такие редкие создания, как обросший шерстью слон, гигантские, ни на что не похожие медведи, волки и т. п., оказались вместе просто так, а с ними заодно и два-три человека в комфортабельной, прос-

торной пещере с маленькой, низкой дверцей, годной лишь на то, чтобы служить зверинцем, куда пропускают сельских жителей по одному по билетам со скидкой на пятьдесят процентов для детей и слуг? Я лишь задаю этот вопрос честному читателю, а уж он пусть сам, как говаривал историк Иосиф Флавий, над ним попотеет. Если же меня попросят развить дальше эту мысль, то осмелюсь сказать, что, по моему мнению, зритель этого зверинца, дождавшись, когда хозяин и остальное зверье заснуло, устроил там всеобщую резню с целью ограбления. Последнее допускается почти одной шестой частью всех палеонтологов, отметивших (кстати сказать, с необычайным единодушием), что первая половина четвертичного периода необычайно благоприятствовала устройству различных общественных зрелищ — и в одном только этом факте вы почти найдете подтверждение преступным замыслам зрителя. Ежели меня попросят привести решающее, неопровержимое доказательство правильности моей догадки, я укажу на следующий весьма многозначительный факт: труп зрителя зверинца в пещере не найден, а денежный ящик с выручкой исчез! Думаю, сказанного вполне достаточно, чтобы у моих слушателей волосы встали дыбом.

Я не гонюсь за славой, пусть мне только воздадут должное. Если сочтут, что мне удалось пролить некоторый свет на загадку пещеры Ориньяк, то ничего, кроме признательности коллег-палеонтологов, мне не нужно; если нет — будем считать, что я ничего подобного не говорил.

7. Что касается несчастных жертв палеонтологии — каменного топора с кремневым ножом впридачу, то тут я вновь вынужден не согласиться с другими учеными. Я не думаю, что так называемый кремневый нож вообще является ножом. Мне все время кажется, что это просто напильник. Ведь ни один нож на свете не имеет столь позорно тупого лезвия. Если студенты попросят меня открыто сказать, на черта сдался первобытному человеку этот напильник, то я с присущей палеонтологии дипломатией отвечу: а на черта сдался ему такой нож?! Этой штуковиной он хоть что-то

мог бы опилить, но пусть меня повесят, если ему хоть раз удалось что-нибудь отрезать с ее помощью.

8. Что же до куска кремня овальной формы, который якобы и есть прославленный кремневый топор, то лично я никак не могу отделаться от мысли, что это не что иное, как обыкновенное пресс-папье. Если разгневанные коллеги-палеонтологи набросятся на меня и скажут, что у первобытного человека бумаги и в помине не было, я спокойно возражу: «А кто мог ему запретить таскать с собой пресс-папье, пока он не разживется где-нибудь бумагой? Дело-то личное!»

Впрочем, я человек покладистый. Если джентльменам будет угодно пойти на компромисс и назвать сию штуку окаменевшим городским бубликом или чем-нибудь еще более соответствующим истине, я возражать не стану, ибо первобытный человек, безусловно, нуждался в пище и вполне мог иметь при себе городской бублик, но уж никак не топор, подобный этому, которым масло отрезать и то нельзя, не раздавив.

Если кто-нибудь найдет в моих рассуждениях ошибку и скажет, что я перешел к выводам, не изложив полностью всей темы, и что такая вольтижировка не к лицу ученому, а затем присовокупит, что, обосновывая собственную точку зрения, я начисто отмел другую, противоположную, то я отвечу, что подобные вещи всегда практикуются в науке. Мы именно так и делаем — все ученые! Никто не сожалеет об этом больше, чем мы сами, но тут, право, помочь нечем. Сперва нам пришлось отказаться от нашего утверждения, что некое ископаемое животное являлось первобытным человеком, ибо впоследствии мы нашли множество зверей из отряда ящеровых и при первом же поверхностном рассмотрении увидели, что то, другое создание природы, также относится к этому отряду. Что нам оставалось делать? Превратить тысячи ящеровых в первобытного человека? Это была бы работа большая и сложная. Потому-то мы и превратили одинокого первобытного человека в ящера. Это был наиболее дешевый выход из создавшегося положения. Так мы всегда и продолжали делать. Каждый раз, когда у нас

возникала возможность утвердить что-то новое, мы поступались чем-то старым. Когда мы открыли пресловутый «ледниковый период» и раструбили об этом всему свету, нужно же нам было каким-то образом эвакуировать и спасти погибавших зверей. Ибо, сами понимаете, беспорядочное расселение видов, которое мы увязали со спецификой всемирного потопа, не могло дать ответа на железную политику дискриминации, проводимую ледниковым периодом, транспортировавшим с Северного полюса на юг, в Африку, только моржей, белых медведей и других арктических животных, не путаясь с другими «нечистыми парами». Так вот, едва мы успели привести в порядок ряд видов ископаемых животных, чтобы хоть как-то подкрепить гипотезу об этом ледниковом периоде, как вдруг является какой-то идиот с Берингова пролива с доисторическим слоном, проживавшим, видите ли, на Аляске несколько сот тысяч лет назад! Разумеется, нам пришлось вновь засесть за работу и расплачиваться за этого идиота. Представляете себе, каково это? Наука ничуть не меньше вас сожалеет, что в этом году она похожа на науку прошлого года не больше, чем та похожа на науку двадцатилетней давности. Но что поделаешь! Тут уж, как говорится, наука бессильна. Наука — это сплошное, непрерывное изменение. Она вечно развивается. Двадцать лет назад ученые смеялись над невежеством людей, которые, живя за двадцать лет до них, блуждали в потемках. Сейчас мы испытываем удовольствие, смеясь над смеявшимися.

Мы в конце концов нашли объяснение появлению этого слона, создав теорию, согласно которой Аляска во времена его существования была тропиками. Весьма вероятно, лет через двадцать новое поколение палеонтологов отыщет какого-нибудь другого слона, завалившегося вместе с окаменевшим айсбергом в одной из пещер четвертичного периода, и, если такое случится, ох, и сядем же мы с вами в калошу с нашей тропической теорией!

Герберт Уэллс

ОСТРОВ ЭПИОРНИСА

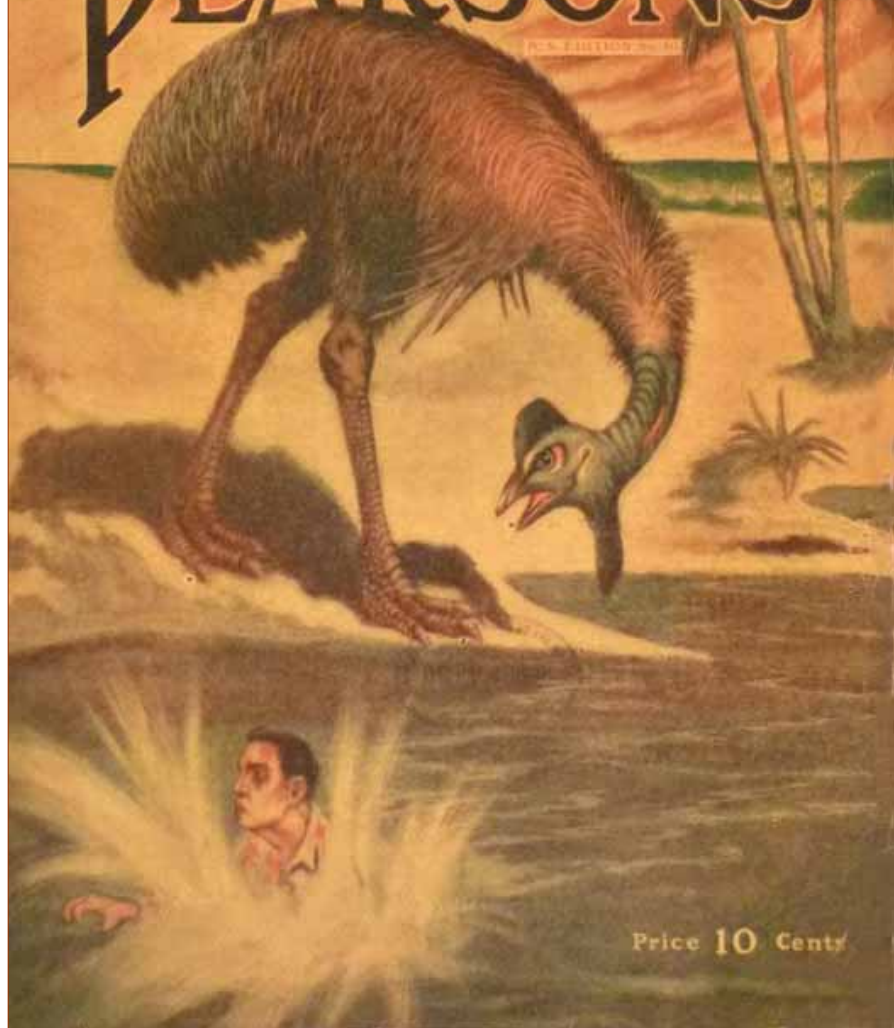
Рисунки В. Ермолова

The *Æpyornis* by H.G.WELLS

THE FEBRUARY

PEARSON'S

P. S. EDITION No. 101

Price 10 Cents

ОСТРОВ ЭПИОРНИСА

Человек со шрамом на лице перегнулся через стол и посмотрел на мои цветы.

— Орхидеи? — спросил он.

— Очень немного, — ответил я.

— Венерины башмачки?

— Да, главным образом.

— А чего-нибудь новенького не нашлось? Хотя вряд ли. Я побывал на этих островах двадцать пять, нет, двадцать семь лет назад. Если вы найдете здесь что-то новое, значит, это уж совсем новехонькое. После меня не осталось почти ничего.

— Я не коллекционер.

— Тогда я был молод, — продолжал он. — Господи! Сколько я колесил по свету! — Он как бы присматривался ко мне. — Два года пробыл в Индии, семь лет — в Бразилии. Потом поехал на Мадагаскар.

— Я знаю кое-кого из исследователей понаслышке. — Я уже предвкушал любопытную историю. — Для кого вы собирали материалы?

— Для Доусона. А скажите: вам не доводилось слышать такую фамилию — Батчер?

— Батчер, Батчер... — Фамилия смутно казалась мне знакомой, потом я вспомнил: «Батчер против Доусона». — По-

стойте! Так это вы судились, требуя жалованья за четыре года — за то время, что пробыли на необитаемом острове, куда вас случайно забросило?

— Ваш покорный слуга, — кланяясь, сказал человек со шрамом. — Занятный случай, правда? Я сколотил себе за это время небольшое состояньице, пальцем о палец не ударив, а они никак не могли меня уволить. Я часто забавлялся этой мыслью, пока жил на острове. И даже подсчитывал доходы, выкладывая из камешков огромные красивые цифры на берегу этого проклятого атолла.

— Как же это случилось? Я уже забыл подробности дела...

— Видите ли... Вы слышали когда-нибудь об эпиорнисе?

— Конечно. Эндрюс как раз занимается его новой разновидностью; он рассказывал мне о ней с месяц назад. Перед самым моим отплытием. Они, кажется, раздобыли берцовую кость чуть ли не с ярд длиной. Ну и чудовище это было!

— Еще бы! — сказал человек со шрамом. — Настоящее чудовище. Легендарная птица Рух Синдбада-морехода — ничто перед ним. И когда же они нашли кость?

— Года три-четыре назад, кажется, в девяносто первом году. А почему вас это интересует?

— Почему? Да ведь нашел я эту птицу, ей-богу, почти двадцать лет назад. Если б Доусон не заупрямился с моим жалованьем, они могли бы извлечь из этого немалую выгоду. Но что я мог поделаться, если проклятую лодку унесло течением?..

Он помолчал.

— Наверно, они нашли кости на том же самом месте. Это болото в девяносто милях к северу от Антананариво. Не знаете? К нему надо добираться вдоль берега на лодке. Постарайтесь вспомнить.

— Не могу. Но, кажется, Эндрюс говорил что-то о болоте.

— Значит, это оно. На восточном берегу. Там в воде есть какие-то вещества, предохраняющие от разложения. Не знаю уж, откуда они взялись. По запаху похоже на креозот.

Сразу вспоминается Тринидад. А яйца они нашли? Мне попадались яйца в полтора фута длиной. Это место со всех сторон окружено болотом. И в воде много соли. Да-а... Не легко мне пришлось в то время! А нашел я все совсем случайно. После этого я взял с собой двух туземцев и отправился собирать яйца в таком допотопном каноэ, связанном из отдельных кусков; тогда же мы нашли и кости. Мы прихватили с собой палатку и припасов на четыре дня и остановились там, где почва потверже. Вот сейчас вспомнилось мне все это, и сразу почудился странный, смолистый запах. Занятная была работа. Понимаете, мы шарили в грязи железными прутьями. Яйца при этом обычно разбиваются. Интересно: сколько времени прошло с тех пор, как жили эпиорнисы? Миссионеры утверждают, что в туземных легендах говорится о таких птицах, но сам я этого не слышал*. Однако те яйца, которые мы нашли, были совершенно свежие, как будто только что снесенные. Да, свежие! Когда мы тащили их к лодке, один из моих негров уронил яйцо, и оно разбилось о камень. Ох, и вздул же я этого малого! Яйцо было ничуть не испорченное, словно птица недавно снесла его, оно совсем не пахло тухлым, а ведь эта птица, может, уже четыреста лет, как сдохла. Негр оправдывался тем, что его будто бы укусила сколопендра. Впрочем, я отвлекся. Целый день мы копались в этой грязи, стараясь выудить яйца неповрежденными, вымазались с ног до головы в мерзкой черной жиже, и вполне понятно, что я был зол как черт. Насколько мне было известно, это единственный случай, когда яйца удалось достать совершенно целыми, без единой трещинки. Я видел потом те, что хранятся в лондонском Музее естественной истории; все они надтреснутые, скорлупа склеена, как мозаика, и некоторых кусочков не хватает. А мои были безукоризненные, и я собирался по возвращении выдуть их. Не мудрено,

---

* Насколько известно, ни один европеец не видел живого эпиорниса, не считая сомнительных утверждений Мак-Эндрью, который побывал на Мадагаскаре в 1745 году. (*Прим. автора.*)

что меня взяла досада, когда этот идиот погубил результат трехчасовой работы из-за какой-то сколопендры. Здорово ему досталось от меня!

Человек со шрамом вынул из кармана глиняную трубку. Я положил перед ним свой кисет с табаком. Он задумчиво набил трубку.

— А другие яйца? Довезли вы их до Англии? Никак не могу припомнить...

— Вот это-то и есть самое необыкновенное в моей истории. У меня было еще три яйца. Абсолютно свежих. Мы положили их в лодку, а потом я пошел к палатке варить кофе; оба мои язычника остались на берегу: один возился, залечивая укус, другой ему помогал. Мне и в голову не могло прийти, что эти негодяи воспользуются случаем, чтобы устроить мне пакость. Видимо, один из них совсем одурел от яда сколопендры и от моей взбучки — он вообще был довольно строптивый — и подговорил другого.

Помню, я сидел, покуривая, кипятил воду на спиртовке, которую всегда брал с собой в экспедиции, и любовался болотом, освещенным заходящим солнцем. Болото все было в черных и кроваво-красных полосах — красота да и только! На горизонте виднелись подернутые серой дымкой холмы, над которыми небо полыхало, словно жерло печи. А в пятидесяти шагах от меня, за моей спиной, чертовы язычники, равнодушные ко всему этому безмятежному покою, сговаривались угнать лодку и бросить меня одного с трехдневным запасом провизии, холщовой палаткой и маленьким бочонком воды. И вдруг я услышал, как они завопили; поглядел, — а они в своем каноэ (настоящей лодкой его и не назовешь) были уже шагах в двадцати от берега. Я сразу смекнул, в чем дело. Ружье у меня осталось в палатке, да и пуль вдобавок не было, одна только мелкая дробь. Негры это знали. Но у меня в кармане лежал еще маленький револьвер; я его вытащил на ходу, когда бежал к берегу.

«Назад!» — крикнул я, размахивая револьвером.

Они о чем-то залопотали между собой, и тот, который разбил яйцо, ухмыльнулся. Я прицелился в другого, потому что он был здоров и греб, но промазал. Они засмеялись.

Однако я не считал себя побежденным. Нельзя терять хладнокровия, подумал я и выстрелил еще раз. Пуля прожужжала так близко от гребца, что он даже подскочил. Тут уж он не смеялся. В третий раз я попал ему в голову, и он полетел за борт вместе с веслом. Для револьверного выстрела недурно. От каноэ меня отделяло ярдов пятьдесят. Негр сразу скрылся под водой. Не знаю, застрелил я его или же он был просто оглушен и утонул. Я стал орать и требовать, чтобы второй негр вернулся, но он сжался в комок на дне челнока и не отвечал. Пришлось мне выпустить в него остальные заряды, но все мимо.

Должен вам признаться, что положение мое было самое что ни на есть дурацкое. Я остался один на этом гиблом берегу, позади меня — болото, впереди — океан; после захода солнца стало холодно, а черную лодчонку неуклонно уносило течением. Ну и проклинал же я и доусоновскую фирму, и джэмраховскую, и музеи, и все прочее! Я звал этого негра вернуться, пока не сорвал голос.

Мне не оставалось ничего другого, как поплыть за ним вдогонку, рискуя встретиться с акулами. Я раскрыл складной нож, взял его в зубы и разделся. Едва войдя в воду, я сразу потерял из виду каноэ, но плыл я, по-видимому, наперерез ему. Я надеялся, что негр, страдая от укуса, не сможет управлять рулем, так что лодка будет плыть все в том же направлении. Вскоре я снова ее увидел, примерно к юго-западу от себя. Закат уже потускнел, сгущались сумерки. На небе проглянули звезды. Я плыл, как заправский спортсмен, хотя ноги и руки у меня скоро заныли.

Все-таки я догнал каноэ, когда звезды усыпали все небо. Когда стемнело, в воде появилось множество каких-то светящихся точек, сами знаете, фосфоресценция. Порой у меня даже кружилась от нее голова. Я не мог разобраться, где звезды и где вода и как я плыву, вверх головой или вверх ногами. Каноэ было черное, как смола в аду, а рябь на воде под ним — как жидкое пламя. Я, конечно, побаивался лезть через борт. Надо было сначала выяснить, что будет делать этот негр. Видимо, он лежал, свернувшись клубком, на носу, а корма вся поднялась над водой. Лодка медленно вер-

телась, будто вальсировала. Я схватился за корму и потянул ее вниз, думая растормошить негра. Затем я взобрался в лодку с ножом в руке, готовый к броску. Но негр даже не шелохнулся. Так я и остался на корме маленького каноэ, а течение несло его в спокойный фосфоресцирующий океан; над головой были сплошные звезды, а я сидел и ждал, что будет дальше.

Много времени прошло, прежде чем я окликнул негра по имени. Но он не ответил. Я сам был до того измучен, что боялся к нему приблизиться. Так мы и плыли. Кажется, я раза два вздремнул. Когда рассвело, я увидел, что негр уже давно мертв, весь распух и посинел. Три яйца эпиорниса и кости лежали посредине челнока, в ногах у мертвеца — бочонок с водой, немного кофе и сухарей, завернутых в номер кейптаунского «Аргуса», а под телом — жестянка с метиловым спиртом. Весла не было, и я не нашел ничего, чем его заменить, если не считать этой жестянки, и решил плыть по течению, пока меня не подберут. Осмотрев тело, я поставил диагноз: укус неизвестной змеи, скорпиона или сколопендры, — и выбросил негра за борт.

После этого я напился, поел сухарей, а затем осмотрелся вокруг. Когда человек ослабевает так, как я ослабел тогда, зрение у него, вероятно, притупляется; во всяком случае, я не видел не только Мадагаскара, но и вообще никакой земли. Я разглядел лишь удалявшийся к юго-западу парус, очевидно, это была какая-то шхуна. Но сама она так и не показалась. Наступило утро, солнце уже поднялось высоко в небе и начало меня припекать. Господи! У меня чуть мозги не сварились. Я пробовал окунать голову в воду, а потом мне попался на глаза номер «Аргуса»; я лег плашмя на дно и накрылся газетой. Замечательная вещь — газета! До того времени я ни одной не дочитал до конца, но, удивительное дело, когда человек остается один, он способен дойти бог весть до чего. Я перечел этот окаянный старый «Аргус», кажется, раз двадцать. Смола, которой было обмазано каноэ, дымилась от зноя и вздувалась большими пузырями.

Течение носило меня десять дней, — продолжал человек со шрамом. — Когда рассказываешь, выходит, будто это пустяк, верно? Но каждый день казался мне последним. Наблюдать за морем я мог только утром и вечером: такой был вокруг нестерпимый блеск. После первого паруса я три дня не видел ничего, а потом на судах, которые мне удавалось заметить, не видели меня. Примерно на шестой вечер меньше чем в полумиле от меня проплыл корабль; на нем ярко горели огни, иллюминаторы были открыты — весь он был точно огромный светляк. На палубе играла музыка. Я вскочил и долго вопил ему вслед... На второй день я продырявил одно из яиц эпиорниса, по кусочкам очистил его с одного конца от скорлупы и попробовал его; к счастью, оно оказалось съедобным. Оно оказалось с легким привкусом, — не испорчено было, нет, а просто напоминало утиное. На одной стороне желтка было круглое пятно, около шести дюймов в диаметре, с кровавыми прожилками и белым рубцом лесенкой; пятно показалось мне странным, но в то время я еще не понял, что оно значит, да и не мог быть особенно разборчивым. Яйца мне хватило на три дня, я ел его с сухарями и запивал водой из бочонка. Кроме того, я жевал кофейные зерна — как укрепляющее. Второе яйцо я разбил примерно на восьмой день и — испугался.

Человек со шрамом умолк.

— Да, — сказал он, — там был зародыш. Вам, вероятно, трудно этому поверить. Но я поверил, ведь я видел его собственными глазами. Это яйцо пролежало в холодной черной грязи лет триста. Тем не менее ошибиться было невозможно. Там оказался... как его?.. эмбрион, большеголовый, с выгнутой спиной; в нем билось сердце, желток весь ссохся, внутри скорлупы тянулись длинные перепонки, которые покрывали и желток. Получилось, что я, плавая в маленьком каноэ по Индийскому океану, высиживал яйца самой крупной из вымерших птиц. Если б старик Доусон это знал! Такое дело стоило жалованья за четыре года... Как по-вашему, а?

Но еще до того, как показался остров, мне пришлось съесть это сокровище, все до последнего кусочка, и черт знает, до чего это было противно! Третье яйцо я не трогал. Я просматривал его на свет, но при такой плотной скорлупе трудно было разобрать, что там внутри; и хотя мне казалось, будто я слышу, как пульсирует кровь, может быть, у меня просто шумело в ушах, как бывает, когда приложишь к уху морскую раковину.

Затем показался атолл. Он как бы всплыл из воды вместе с восходящим солнцем, неожиданно, совсем рядом. Меня несло прямо к нему, но когда до него осталось меньше полумили, течение вдруг свернуло в сторону, и мне пришлось грести изо всех сил руками и кусками скорлупы, чтобы попасть на острова. И все-таки я добрался. Это был самый обыкновенный атолл, около четырех миль в окружности; на нем росло несколько деревьев, бил родник, а лагуна так и кишела рыбой, главным образом губанами. Я отнес яйцо на берег, выбрав подходящее место, — достаточно далеко от воды и на солнце, чтобы создать для него самые благоприятные условия; затем вытащил на берег каноэ, целое и невредимое, и отправился осматривать остров. Удивительно, до чего тоскливы эти атоллы! Как только я нашел родник, у меня пропал всякий интерес к острову. В детстве мне казалось, что ничто не может быть лучше и увлекательнее, чем жить Робинзоном, но мой атолл был скучен, как сборник проповедей. Я ходил по нему в поисках чего-нибудь съедобного и предавался раздумью; но, уверяю вас, еще задолго до того, как кончился этот первый день, меня уже одолела тоска. А ведь мне очень повезло: едва я высадился на сушу, погода переменилась. По морю, с юга на север, пронесся шторм, краем захватив остров; ночью пошел проливной дождь и завыл ветер. Каноэ сразу перевернулось бы, уж это как пить дать.

Я спал под каноэ, а яйцо, к счастью, лежало в песке, в стороне от берега. Первое, что я тогда услышал, был такой грохот, словно на днище обрушился град камней; меня всего обдало водой. Перед этим мне снилось Антананариво, я сел и стал звать Интоши, чтобы узнать у нее, какого черта

там шумят, протянул было руку к стулу, на котором обычно лежали спички, и тут только вспомнил, где я. Фосфоресцирующие волны катились прямо на меня, словно хотели меня поглотить, кругом было темно, как в аду. В воздухе стоял сплошной рев. Тучи висели над самой моей головой, а дождь лил так, будто на небе началось наводнение и кто-то вычерпывал воду, выливая ее за край неба-свода. Ко мне приближался огромный вал, извивающийся, как разъяренная змея, и я пустился бежать. Затем я вспомнил о лодке, и как только вода с шипением отхлынула, помчался к ней, но она уже исчезла. Тогда я решил посмотреть, цело ли яйцо, и ощупью добрался до него. Оно было в безопасности, самые бурные волны не могли докатиться туда; я уселся рядом с ним и обнял его, как друга. Ну и ночка это была, господи боже ты мой!

Шторм улегся еще до утра. Когда рассвело, от туч уже не оставалось ни клочка, а по всему берегу были разбросаны обломки досок, так сказать, останки моего каноэ. Но теперь мне хоть нашлась какая-то работа. Я выбрал два дерева, росших рядом, и соорудил между ними из остатков лодки нечто вроде шалаша для защиты от штормов. И в этот день вылупился птенец.

Вылупился, сэр, в то время, когда я спал, положив голову на яйцо, как на подушку! Я услышал сильный стук, меня потрянуло, и я сел, — конец яйца был пробит, и оттуда выглядывала забавная коричневая головка.

«Ну-ну! — сказал я. — Добро пожаловать!»

Птенец понатужился и вылез наружу.

На первых порах он оказался славным и дружелюбным малышом величиной с небольшую курицу, совсем как любой другой птенец, только покрупнее. Он был грязно-бурый, покрытый какими-то серыми струпами, которые вскоре отвалились, открыв редкое оперение, пушистое, как мех. Трудно передать мою радость, когда я его увидел. Робинзон Крузо и тот не был так одинок, как я, уверяю вас. А тут у меня появился такой забавный товарищ. Птенец смотрел на меня и мигал, поднимая веки вверх, как курица, потом чирикнул и сразу принялся клевать песок, как будто вылу-

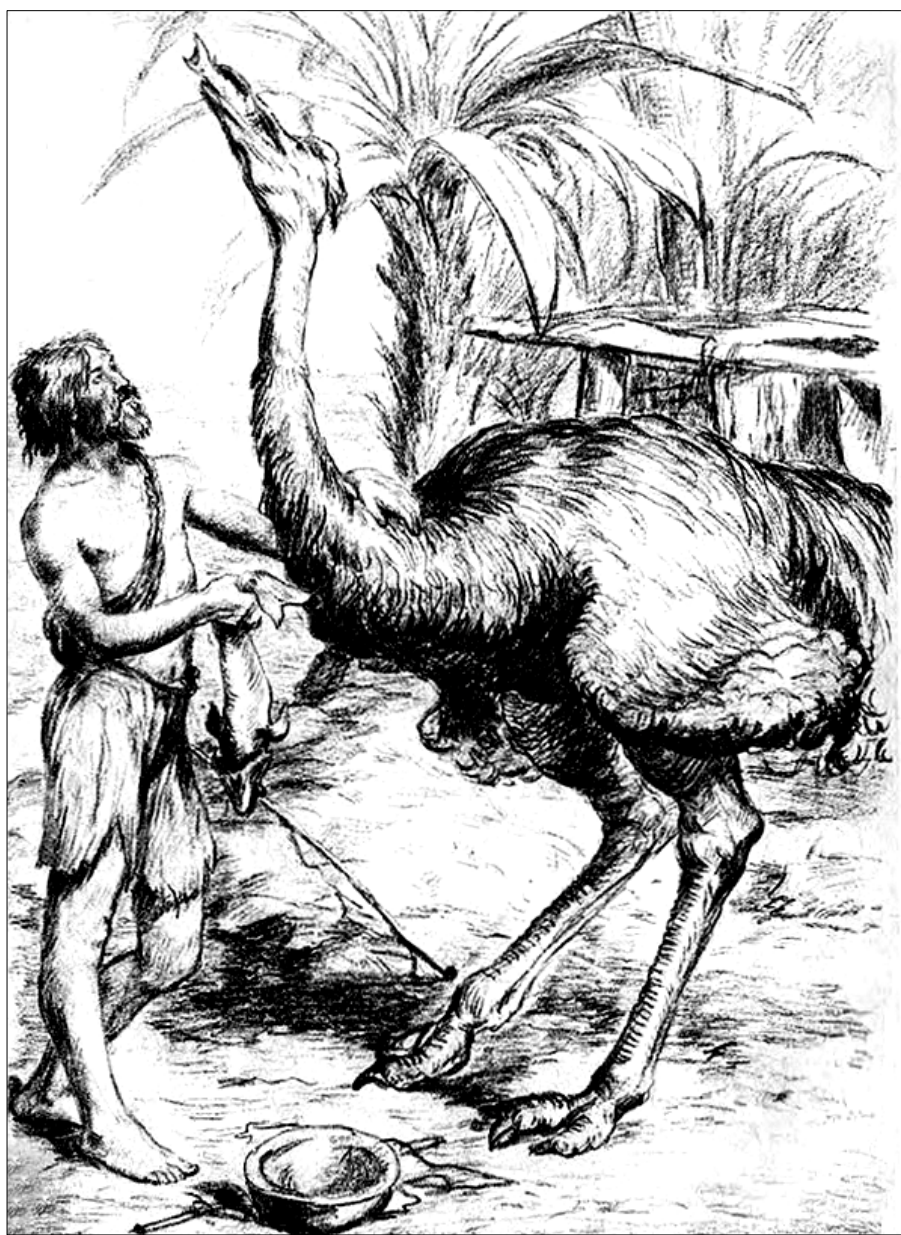

питься с опозданием на триста лет было для него сущей безделицей.

«Привет, Пятница!» — сказал я; еще в каноэ, увидев, что в яйце развивается зародыш, я решил: если птенец вылупится, он, конечно, будет назван Пятницей. Меня немножко беспокоило, чем я его буду кормить, и я дал ему кусок сырого губана. Он проглотил его и снова разинул клюв. Это меня обрадовало: ведь если бы он при подобных обстоятельствах оказался чересчур разборчив, мне пришлось бы в конце концов съесть его самого.

Вы не можете себе представить, каким занятым был этот птенец эпиорниса. С первого же дня он не отходил от меня ни на шаг. Обычно он стоял рядом и смотрел, как я ловлю рыбу в лагуне; я делился с ним всем, что мне удавалось выудить. И к тому же он был умницей. На берегу, в песке, попадались какие-то противные зеленые бородавчатые штучки, похожие на маринованные корнишоны; он попробовал проглотить одну из них, и ему стало худо. Больше он на них даже и не глядел.

И он рос. Рос чуть ли не на глазах. А так как я никогда не был особенно общительным, его спокойная, дружелюбная натура вполне устраивала меня. Почти два года мы были так счастливы, как только это возможно на необитаемом острове. Зная, что мне накапливается у Доусона жalousь, я отбросил прочь все деловые заботы. Иногда мы видели парус, однако ни одно судно не приблизилось к нашему острову. Я развлекался тем, что украшал атолл узорами из морских ежей и всяких причудливых раковин и кругом по берегу выложил: «Остров Эпиорниса», — очень аккуратно, большими буквами, как делают надписи из цветных камешков у нас на родине, возле железнодорожных станций; кроме того, я выложил математические вычисления и разные рисунки. Часто я лежал и смотрел, как моя птичка важно расхаживает около меня и все растет, растет; если я когда-нибудь выберусь отсюда, думал я, вполне можно будет заработать на жизнь, показывая эту птицу. После первой линьки она стала красивой: с хохолком, голубой бородкой и пышным зеленым хвостом. Я все ломал себе

голову, имеют ли Доусоны право претендовать на нее или нет. Во время штормов или в период дождей мы лежали в уютном шалаше, построенном из остатков каноэ, и я рассказывал Пятнице всякие небылицы про своих друзей на родине. А после шторма мы вместе обходили остров, проверяя, не выкинул ли океан чего-нибудь на берег. Словом — идиллия. Если бы еще немного табачку, ну просто райская была бы жизнь.

Но к концу второго года что-то стало не ладиться в нашем маленьком раю. Пятница достиг тогда почти четырнадцати футов росту; у него была большая, широкая голова, по форме похожая на кирку, и огромные коричневые глаза с желтым ободком, посаженные не так, как у курицы, по разные стороны головы, а по-человечьи — близко друг к другу. Оперение у него было красивое: не темное, почти траурное, как у страусов, а скорее как у казуара. Он начал топорщить гребешок при виде меня и важничать, в общем, проявлять признаки скверного характера...

А однажды, когда рыбная ловля оказалась довольно неудачной, моя птица стала ходить вокруг меня в какой-то странной задумчивости. Я решил, что, может быть, она наелась морских огурцов или еще чего-нибудь, но, как оказалось, она просто показывала мне свое недовольство. Я тоже был голоден и, когда наконец вытащил рыбу, хотел съесть ее сам. В то утро мы оба были не в духе. Эпиорнис схватил рыбу, а я стал гнать его прочь и стукнул по голове. Тут он и накинудся на меня. О боже!..

Эта птица клюнула меня в лицо. — Он показал на свой шрам. — А потом стала лягаться. Прямо как ломовая лошадь! Я вскочил и, видя, что она не унимается, побежал что есть мочи, прикрыв обеими руками лицо. Но проклятая птица, несмотря на неуклюжие ноги, мчалась быстрее скакуна и все лягала меня и долбила своей киркой по затылку. Я бросился к лагуне и забрался в воду по самую шею. Птица остановилась на берегу, потому что не любила мочить лапы, и стала кричать пронзительно, как павлин, только более хрипло, а потом принялась расхаживать взад-вперед по берегу. Сказать по правде, довольно-таки унижительно было

видеть, как это ископаемое сделалось хозяином положения. Голова и лицо у меня были в крови, а тело — тело сплошь покрылось синяками.

Я решил переплыть лагуну и на время оставить птицу одну, чтобы она утихомирилась. Там я залез на самую высокую пальму и стал все это обдумывать. Кажется, в жизни я не был еще так оскорблен. Какая черная неблагодарность! Я был для нее ближе родного брата. Высидел ее, воспитал. Этакую большую, неуклюжую, допотопную птицу! Я, человек, царь природы и все такое.

Я думал, что через некоторое время она сама это поймет и устыдится. Думал, что, если мне удастся наловить вкусных рыбок и я как бы случайно подойду и угощу ее, она образумится. Я не сразу понял, какой мстительной и сварливой может быть птица вымершей породы. Воплощенное коварство!

Не буду рассказывать обо всех уловках, которые я применял, чтобы снова усмирить птицу. Это свыше моих сил: даже теперь я сгораю со стыда, когда вспоминаю, как пренебрежительно обращалась со мной эта музейная диковинка и как она избивала меня! Я пробовал применить силу и стал бросать в нее с безопасного расстояния обломками кораллов, но она только проглатывала их. Потом я метнул в нее раскрытый нож и чуть не распростился с ним, хотя он был слишком велик, чтобы она могла его проглотить. Пытался я взять ее измором и перестал удить рыбу, но она научилась отыскивать на берегу после отлива червяков, и ей этого хватало. Добрую половину суток я проводил, стоя по шею в лагуне, а другую половину — наверху, на пальмах. Однажды пальма оказалась не очень высокой, и когда птица настигла меня там, ох и полакомилась она моими икрами! Положение стало совершенно невыносимым. Пробовали вы когда-нибудь спать на пальме? Меня мучили ужаснейшие кошмары. И к тому же какой позор! Эта вымершая тварь бродит по моему острову с надутым видом, словно герцогиня, а я не имею права ступить ногой на землю. Я даже плакал от усталости и досады. Я прямо заявил ей, что не позволю какому-то дурацкому анахронизму гоняться за мной

по пустынному острову. Пускай разыскивает какого-нибудь мореплавателя своей собственной эпохи и клюет его, сколько вздумается. Но она только щелкала клювом, завидя меня. Этакая огромная уродина, одни ноги да шея!

Сколько все это тянулось, даже не хочется говорить. Я убил бы ее раньше, но не знал способа. В конце концов я все же сообразил, как мне ее прикончить. Так ловят птиц в Южной Америке. Я сплел свои рыболовные лесы с водорослями и лианами и сделал крепкий канат ярдов в двенадцать длиной или даже больше, а к обоим концам привязал по большому коралловому обломку. На это ушло довольно много времени, потому что постоянно приходилось то лезть в лагуну, то забираться на дерево — смотря по обстоятельствам. Наконец я раскрутил этот канат над головой и запустил им в птицу. Сначала я промахнулся, но во второй раз канат обвился вокруг ее ног. Она упала. Канат я бросил, стоя по пояс в лагуне, а как только птица свалилась на землю, выскочил из воды и перепилил ей горло ножом...

Мне даже теперь неприятно об этом вспоминать. А в ту минуту я чувствовал себя убийцей, хотя так и кипел от злости. Я стоял над ней и видел, как кровь течет на белый песок, как ее сильные длинные ноги и шея дергаются в агонии. Ах, да что говорить!..

После этой трагедии одиночество, как проклятие, нависло надо мной. Боже мой, вы даже представить себе не можете, как мне не хватало этой птицы! Я сидел около ее трупa и горевал; меня пробирала дрожь, когда я оглядывал свой унылый атолл, на котором царило безмолвие. Я вспоминал, каким славным птенцом был этот эпиорнис, когда вылупился, и какие симпатичные, забавные повадки были у него, пока он не озлобился. Кто знает, если б я его только ранил, я, вероятно, сумел бы его выходить и привить ему дружеские чувства. Будь у меня какой-нибудь инструмент, чтобы выдолбить яму в коралловом атолле, я похоронил бы эпиорниса. Мне казалось, что я расстался с человеком, а не с птицей. Съесть ее я, конечно, не мог бы, и поэтому опустил в лагуну, где рыбки начисто ее обглодали. Я даже не оставил себе перьев. А потом какому-то типу,

путешествовавшему на яхте, в один прекрасный день вздумалось поглядеть, существует ли еще мой атолл.

Он явился как раз вовремя, потому что мне стало так тошно на пустынном острове, что я уже раздумывал, не зайти ли мне просто подальше в море и там покончить со всеми земными делами или поесть этих зеленых штучек...

Я продал кости человеку по фамилии Уинслоу, торговавшему поблизости от Британского музея, а он, по его словам, перепродал их старику Хэверсу. Хэверс, видимо, не знал, что они превосходят по своим размерам все, что было до сих пор найдено. Поэтому они привлекли к себе внимание только после его смерти. Птицу называли... эпиорнис... как это дальше, вы не помните?

— *Aeryornis vastus*, — подсказал я. — Забавное совпадение: ведь именно об этих костях упоминал один мой приятель. Когда был найден скелет эпиорниса с берцовой костью длиной в ярд, считалось, что это уже предел, и его называли *Aeryornis maximus*. Потом кто-то раздобыл другую берцовую кость в четыре фута шесть дюймов или больше, и та птица получила название *Aeryornis titan*. Затем, после смерти старика Хэверса, в его коллекции нашли ваш *vastus*, а потом нашелся *vastissimus*.

— Уинслоу так и говорил мне, — сказал человек со шрамом. — Если найдутся еще новые эпиорнисы, он думает, что какую-нибудь ученую шишку хватит удар. А все-таки странные истории случаются с людьми, правда?

Артур Конан Дойль

УЖАС РАСЩЕЛИНЫ ГОЛУБОГО
ДЖОНА

Иллюстрации Г. Раундтри

УЖАС РАСЩЕЛИНЫ ГОЛУБОГО ДЖОНА

Этот рассказ был обнаружен в бумагах доктора Джеймса Хардкастля, скончавшегося от чахотки четвертого февраля 1908 года в Южном Кенсингтоне. Лица, близко знавшие покойного, отказываясь давать оценку изложенным здесь событиям, тем не менее единодушно утверждают, что доктор обладал трезвым, аналитическим умом, совершенно не был склонен к фантазиям и потому никак не мог сочинить всю эту невероятную историю.

Записи покойного были вложены в конверт, на котором значилось: «Краткое изложение фактов, имевших место весной прошлого года близ фермы Эллертонов в северо-западном Дербишире». Конверт был запечатан, а на его оборотной стороне приписано карандашом:

«Дорогой Ситон! Возможно, вы заинтересуетесь, а может быть, и огорчитесь, узнав, что недоверие, с каким вы выслушали мой рассказ, побудило меня прекратить всякие разговоры на эту тему. Умирая, я оставляю эти записи; быть может, посторонние отнесутся к ним с большим доверием, нежели вы, мой друг».

Личность Ситона установить не удалось. Могу лишь добавить, что с абсолютной достоверностью подтвердилось и пребывание покойного мистера Хардкастля на ферме Эллертонов, и тревога, охватившая в то время население этих мест вне зависимости от объяснений самого доктора.

Сделав такое предисловие, я привожу рассказ доктора дословно. Изложен он в форме дневника, некоторые записи которого весьма подробны, другие сделаны лишь в самых общих чертах.

«17 апреля. Я уже чувствую благотворное влияние здешнего чудесного горного воздуха. Ферма Эллертонов расположена на высоте 1420 футов над уровнем моря, так что климат тут очень здоровый и бодрящий. Кроме обычного кашля по утрам, меня ничто не беспокоит, а парное молоко и свежая баранина помогут мне и пополнить. Думаю, Саундерсон будет доволен.

Обе мисс Эллертон немного чудаковаты, но очень милы и добры. Это маленькие трудолюбивые старые девы, и все тепло своих сердец, которое могло бы согреть их мужей и детей, они готовы отдать мне, человеку больному и чужому для них.

Поистине старые девы — самые полезные люди на свете, это один из резервов общества. Иногда о них говорят, что они «лишние» женщины, но что было бы с бедными «лишними» мужчинами без сердечного участия этих женщин? Между прочим, по простоте душевной они почти сразу открыли «секрет», почему Саундерсон рекомендовал мне именно их ферму. Профессор, оказывается, уроженец этих мест, и, я полагаю, что в юности он, вероятно, не считал зазорным гонять ворон на здешних полях.

Ферма — наиболее уединенное место в округе; ее окрестности необычайно живописны. Сама ферма — это, по сути, пастбище, раскинувшееся в неровной долине. Со всех сторон ее окружают известковые холмы самой причудливой формы и из такой мягкой породы, что ее можно крошить пальцами. Эта местность представляет собой впадину. Кажется, ударь по ней гигантским молотом, и она загудит, как барабан, а может быть, провалится и явит взору подземное море. И каким огромным должно быть это море — ведь ручьи, сбегаящие сюда со всех сторон, исчезают в недрах горы и нигде не вытекают наружу. В скалах много расщелин; войдя в них, вы попадаете в просторные пещеры, которые уходят в глубь земли. У меня есть маленький велосипедный фонарик, и мне доставляет удовольствие бродить с ним по этим извилистым пустотам, любоваться сказочными, то серебристыми, то черными, бликами, когда я освещаю фонарем сталактиты, свисающие с высоких сво-

дов. Погасишь фонарь — и ты в полнейшей темноте, включишь — и перед тобой видения из арабских сказок.

Среди этих необычных расщелин, выходящих на поверхность, особенно интересна одна, ибо она творение рук человека, а не природы.

До приезда сюда я никогда не слышал о Голубом Джоне. Так называют особый минерал удивительного фиолетового оттенка, который обнаружен всего лишь в двух-трех местах на земном шаре. Он настолько редкий, что простенькая ваза из Голубого Джона стоила бы огромных денег.

Удивительное чутье римлян подсказало им, что диковинный минерал должен быть в этой долине; глубоко в недрах горы они пробили горизонтальную штольню. Входом в шахту, которую все здесь называют расщелиной Голубого Джона, служит вырубленная в скале арка; сейчас она совсем заросла кустарником. Римляне прорыли длинную шахту. Она пересекает несколько карстовых пещер, так что, входя в расщелину Голубого Джона, надо делать зарубки на стенах и захватить с собой побольше свечей, иначе никогда не выбраться обратно к дневному свету.

В шахту я еще не заходил, но сегодня, стоя у входа в нее и вглядываясь в темные глубины, я дал себе слово, что, как только мое здоровье окрепнет, я посвящу несколько дней своего отдыха исследованию этих таинственных глубин и установлю, насколько далеко проникли древние римляне в недра дербиширских холмов.

Поразительно, как суеверны эти сельские жители! Я, например, был лучшего мнения о молодом Армитедже, — он получил кое-какое образование, человек твердого характера и вообще славный малый.

Я стоял у входа в расщелину Голубого Джона, когда Армитедж пересек поле и подошел ко мне.

— Ну, доктор! — воскликнул он. — И вы не боитесь?

— Не боюсь? Но чего же? — удивился я.

— Страшилища, которое живет тут, в пещере Голубого Джона. — И он показал большим пальцем на темный провал.

До чего же легко рождаются легенды в захолустных сельских местностях! Я расспросил его, что же внушает ему такой страх. Оказывается, время от времени с пастбища пропадают овцы, и, по словам Армитеджа, их кто-то уносит. Он и слушать не стал, когда я высказал мысль, что овцы могли убежать и, заблудившись, пропасть в горах.

Пропадают овцы...

— Однажды была обнаружена лужа крови и клочья шерсти, — возражал он. Я заметил:

— Но это можно объяснить вполне естественными причинами.

— Овцы исчезают только в темные, безлунные ночи.

— Обыкновенно похитители овец выбирают, как правило, такие ночи, — отпарировал я.

— Был случай, когда кто-то сделал в скале пролом и отшвырнул камни на довольно большое расстояние.

— И это — дело рук человеческих, — сказал я.

В конце концов Армитедж привел решающий довод, — он сам слышал рев какого-то зверя, и всякий, кто достаточно долго пробудет около расщелины, тоже его услышит. Рев доносится издалека, но все-таки необычайно сильно. Я не мог не улыбнуться: ведь я знал, что подобные странные звуки могут вызывать подземные воды, текущие в расселинах известковых пород. Такое недоверие рассердило Армитеджа, он круто повернулся и ушел.

Вдруг из глубины шахты послышался необычайный звук.

И тут произошло нечто странное. Я все еще стоял у входа в расщелину, обдумывая слова Армитеджа и размышляя о том, как легко все это объяснимо, как вдруг из глубины шахты послышался необычайный звук. Как описать его? Прежде всего мне показалось, что он долетел откуда-то издалека, из самых недр земли. Во-вторых, несмотря на это, он был очень громким. И, наконец, это не был гул или гро-

хот, с чем обычно ассоциируется падение массы воды или камней. То был вой — высокий, дрожащий, вибрирующий, как ржание лошади. Должен признаться, что это странное явление, правда, только на одну минуту, придало иное значение словам Армитеджа.

Я прождал возле расщелины Голубого Джона еще с полчаса, но звук этот не повторился, и я отправился на ферму, в высшей степени заинтригованный всем случившимся. Я твердо решил осмотреть шахту, как только достаточно окрепну. Разумеется, доводы Армитеджа слишком абсурдны, чтобы их обсуждать. Но этот странный звук! Я пишу, а он все еще звенит у меня в ушах.

20 апреля. В последние три дня я предпринял несколько вылазок к расщелине Голубого Джона и даже немного проник в самую шахту, но мой велосипедный фонарик слишком слаб, и я не рискую забираться особенно далеко. Решил действовать более методически. Звуков больше не слышал и склонен прийти к заключению, что я просто оказался жертвой слуховой галлюцинации, вызванной, по-видимому, разговором с Армитеджем. Разумеется, его соображения — сплошная нелепость, и все же кусты у входа в пещеру выглядят так, словно через них действительно продиралось какое-то огромное животное. Меня начинает разбирать любопытство.

Обеим мисс Эллертон я ничего не сказал — они и так предостаточно суеверны, но я купил несколько свечей и собираюсь производить дальнейшие исследования самостоятельно.

Сегодня утром заметил, что один из многочисленных ключев шерсти, валяющихся в кустах возле пещеры, измазан кровью. Конечно, здравый смысл подсказывает, что, когда овцы бродят по крутым скалам, они легко могут пораниться, и все же кровавое пятно настолько потрясло меня, что я в ужасе отпрянул от древней арки. Казалось, из мрачной глубины, куда я заглядывал, струилось зловонное дыхание. Неужели же на самом деле внизу притаилось загадочное мерзкое существо?

Вряд ли у меня возникли бы подобные мысли, будь я здоров, но, когда здоровье расстроено, человек становится нервным и верит всяческим выдумкам. Я начал колебаться и был готов уже оставить неразгаданной тайну заброшенной шахты, если эта тайна вообще существует. Однако сегодня вечером мой интерес к этой загадочной истории вновь разгорелся, да и нервы немного успокоились. Надеюсь завтра более детально заняться осмотром шахты.

22 апреля. Постараюсь изложить как можно подробнее необычайные происшествия вчерашнего дня.

К расщелине Голубого Джона я отправился после полудня. Признаюсь, стоило мне заглянуть в глубину шахты, как мои опасения вернулись, и я пожалел, что не взял кого-нибудь с собой. Наконец, решившись, я зажег свечу, пробрался через густой кустарник и вошел в ствол шахты.

Она спускалась вниз под острым углом примерно на пятьдесят футов. Дно ее покрывали обломки камней. Отсюда начинался длинный прямой тоннель, высеченный в твердой скале. Я не геолог, однако сразу заметил, что стены тоннеля из более твердой породы, чем известняк, потому что там и сям можно было заметить следы, оставленные кирками древних рудокопов, и такие свежие, словно их сделали только вчера.

Спотыкаясь на каждом шагу, я спускался вниз по древнему тоннелю; слабое пламя свечи освещало неверным светом лишь маленький круг возле меня, и от этого тени вдали казались еще более темными, угрожающими. Наконец, я добрался до места, где тоннель выходил в карстовую пещеру. Это был гигантский зал, с потолка которого свисали длинные белые сосульки известковых отложений. Находясь в центральной пещере, я различал множество галерей, прорытых подземными водами и исчезавших где-то в недрах земли. Я стоял и раздумывал — не лучше ли мне вернуться или все же рискнуть и углубиться дальше в опасный лабиринт, как вдруг, опустив глаза, замер от удивления.

Большая часть пещеры была усыпана обломками скал или покрыта твердой корой известняка, но именно в этом месте с высокого свода капала вода, и тут образовался довольно большой участок мягкой грязи. В самом центре его я увидел огромный отпечаток, глубокий и широкий, неправильной формы, словно след от большого камня, упавшего сверху. Но нигде не было видно ни одного крупного камня; не было вообще ничего, что могло бы объяснить появление загадочного следа. А отпечаток этот был намного больше следа любого из существующих в природе животных и, кроме того, только один, а участок грязи был таких внушительных размеров, что вряд ли какое-либо из известных мне животных могло перешагнуть его, сделав лишь один шаг. Когда, изучив этот необычайный отпечаток, я вгляделся в обступившие меня черные тени, признаюсь, у меня на миг замерло сердце и задрожала рука, державшая свечу.

Но я тут же овладел собой, сообразив, насколько нелепо отождествлять этот огромный, бесформенный отпечаток на грязи со следом какого-нибудь известного людям животного. Такой след не мог бы оставить даже слон. Поэтому я решил, что никакие бессмысленные страхи не помешают мне продолжать мои исследования. Прежде чем отправиться дальше, я постарался хорошенько запомнить причудливую форму скалы, чтобы найти потом вход в тоннель римлян. Эта предосторожность была совершенно необходима, ибо центральную пещеру, насколько я мог видеть, пересекали боковые проходы. Уверившись, что запомнил, где выход, и, осмотрев запас свечей и спичек, я успокоился и стал медленно продвигаться вперед по неровному каменистому дну пещеры.

Теперь я подхожу к описанию места, где со мной стряслась неожиданная и роковая катастрофа. Ручей шириной около двадцати футов преградил мне дорогу, и некоторое время я шел вдоль него, надеясь отыскать место, чтобы перебраться на другую сторону, не замочив ног. Наконец, я дошел до подходящего места – почти на самой середине ручья лежал плоский камень, на который я мог ступить, сде-

лав широкий шаг. Но камень, подмытый снизу потоком, был неустойчив, и когда я ступил на него, он перевернулся, и я упал в ледяную воду. Свеча погасла; я барахтался в крошечной тьме.

Не без труда удалось мне подняться на ноги; но вначале происшествие это скорее позабавило меня, нежели встревожило. Правда, свеча погасла и исчезла в потоке, но в кармане у меня оставались еще две запасные свечи, так что волноваться было нечего. Я тут же достал новую свечу, вытащил коробок со спичками, чтобы зажечь ее, и только тут с ужасом сообразил, в какое попал положение. Коробок намок, когда я упал в ручей, и спичку невозможно было зажечь.

Как только я понял это, сердце словно сдавили ледяные пальцы. Вокруг непроглядная, жуткая тьма. Такая тьма, что я невольно дотронулся рукою до лица, чтобы физически ощутить хоть что-нибудь. Я стоял, не шевелясь, и только огромным напряжением воли взял себя в руки. Я попробовал восстановить в памяти дно ущелья, такое, каким я видел его в последний раз. Но увы! Приметы, которые я запомнил, находились высоко на стене, их было не нащупать. И все-таки я сообразил, как примерно располагались стены, и надеялся, идя вдоль них, ощупью добраться до входа в тоннель римлян. Двигаясь еле-еле, то и дело ударяясь о выступы скал, я приступил к поискам. Но очень скоро понял, что это безнадежно. В черной бархатной тьме моментально теряется всякое представление о направлении. Не сделав и десяти шагов, я окончательно заблудился.

Журчание ручья – единственный слышимый звук – указывало, где он находится, но едва я удалялся от берега, как сразу терял ориентировку. Надежда отыскать в полной тьме обратный путь через этот лабиринт известняков была явно неосуществимой.

Я сел на камень и задумался над своим бедственным положением. Я никому не сказал о намерении отправиться в расщелину Голубого Джона, и поэтому нельзя было рассчитывать на то, что меня станут тут разыскивать. Значит, приходилось полагаться только на самого себя. У меня

оставалась единственная надежда: спички рано или поздно должны подсохнуть. Свалившись в ручей, я вымок только наполовину: левое мое плечо оставалось над водой. Поэтому я сунул спички под мышку левой руки: возможно, тепло моего тела высушит их. Но, даже учитывая это, я знал, что сумею раздобыть огонь лишь через несколько часов. А пока мне ничего не оставалось, как только ждать.

К счастью, перед уходом с фермы я сунул в карман несколько сухариков. Я тут же съел их и запил водой из проклятого ручья, ставшего причиной всех моих бед. Затем, на ощупь отыскав среди скал местечко поудобнее, я сел, привалившись спиной к скале, вытянул ноги и стал терпеливо ждать.

Было нестерпимо холодно и сыро, но я пытался подбодрить себя мыслью, что современная медицина рекомендует при моей болезни держать окна открытыми и гулять в любую погоду. Постепенно убаюканный монотонным журчанием ручья и окруженный полнейшей темнотой, я погрузился в тревожный сон.

Как долго он длился, сказать не могу, может быть, час, а возможно, и несколько часов. Неожиданно я встрепенулся на своем жестком ложе, каждый нерв во мне напрягся, все чувства обострились до предела. Вне всякого сомнения, я услышал какой-то звук, и он резко отличался от журчания воды. Звук замер, но все еще стоял в моих ушах.

Быть может, это разыскивают меня? Но люди наверняка стали бы кричать, а этот звук, разбудивший меня, хоть и очень далекий, совсем не походил на человеческий голос.

Я сидел, дрожал и почти не осмеливался дышать. Звук донесся снова! Потом еще раз! Теперь он не прерывался. Это был звук шагов, да, несомненно, это двигалось какое-то живое существо. Но что это были за шаги! Они давали представление об огромной туше, которую несли упругие ноги. Это был мягкий, но оглушавший меня звук. Кругом по-прежнему была полная тьма, но топот был твердый и размеренный. Какое-то существо, несомненно, приближалось ко мне.

Мороз пробежал у меня по коже и волосы встали дыбом, когда я вслушался в эту равномерную тяжелую поступь. Это было какое-то животное, и, судя по тому, как быстро оно ступало, оно отлично видело в темноте. Я съехал на скале, пытаюсь слиться с ней. Шаги зазвучали совсем рядом, затем оборвались, и я услышал шумное лаканье и бульканье. Чудовище пило из ручья. Затем вновь наступила тишина, нарушаемая лишь громким сопеньем и фырканьем.

Может быть, животное учуяло человека? У меня кружилась голова от омерзительного зловония, исходившего от этой твари. Я опять услышал топот. Теперь шаги раздавались уже на моей стороне ручья. В нескольких ярдах от меня послышался грохот осыпающихся камней. Едва дыша, я приник к скале. Но вот шаги стали удаляться. До меня донесся громкий плеск воды — животное снова перебиралось через поток, и наконец звуки замерли в том направлении, откуда они вначале послышались.

Долгое время я лежал на скале, скованный ужасом. Я думал о звуке, который донесся до меня из глубины ущелья, о страхах Армитеджа, о загадочном отпечатке на грязи, а теперь вот только что окончательно и неопровержимо подтвердилось, что где-то глубоко в недрах горы таится диковинное страшилище, нечто ужасное и невиданное. Я не мог представить себе, какое оно и как выглядит. Ясно было лишь, что оно гигантских размеров и вместе с тем очень проворно.

Во мне шла ожесточенная борьба между рассудком, утверждавшим, что такого не может быть, и чувствами, говорившими о реальности существования чудовища. Наконец, я уже был почти готов уверить себя, что все случившееся — только часть какого-то кошмарного сна и что причина галлюцинации кроется в моем нездоровье и ненормальных условиях, в которых я оказался. Но вскоре произошло нечто, положившее конец всем моим сомнениям.

Я достал из-под мышки спички и ощупал их. Они оказались совсем сухими. Согнувшись в три погибели в расщелине скалы, я чиркнул одной из них. К моему восторгу,

она сразу вспыхнула. Я зажег свечу и, в страхе оглядываясь на темные глубины пещеры, поспешил к проходу римлян.

По дороге я миновал участок грязи, на котором видел ранее гигантский отпечаток. Тут я замер в изумлении: на грязи появилось три новых отпечатка! Они были невероятных размеров, их форма и глубина свидетельствовали об огромном весе того, кто их оставил. Меня охватил безумный страх. Заслоняя свечу ладонью, я в ужасе бросился к вырубленному в скале проходу, побежал по нему и ни разу не остановился передохнуть, пока, задышавшись, — ноги у меня так и подкашивались, — не вскарабкался по последней насыпи из камней, продрался сквозь заросли кустарника и бросился на траву, озаренную мирным мерцанием звезд. Было три часа ночи, когда я вернулся на ферму. Сегодня я чувствую себя совершенно разбитым и содрогаюсь при одном воспоминании о моем ужасном приключении. Пока никому ничего не рассказывал. Тут следует соблюдать крайнюю осторожность. Что подумают бедные одинокие женщины, и как к этому отнесутся невежественные фермеры, если я расскажу им о том, что со мною случилось? Надо поговорить с кем-нибудь, кто сможет помочь мне и дать нужный совет.

25 апреля. Мое невероятное приключение в пещере Голубого Джона на два дня уложило меня в постель. Я не случайно говорю «невероятное», ибо испытал такое потрясение, как никогда в жизни. Я уже писал, что ищу человека, с которым мог бы посоветоваться. В нескольких милях от меня живет доктор Марк Джонсон, которого мне рекомендовал профессор Саундерсон. К нему-то я и отправился, как только немного окреп, и подробно рассказал обо всех странных происшествиях, случившихся со мной. Он внимательно выслушал меня, затем тщательно обследовал, обратив особое внимание на рефлексy и на зрачки глаз. После осмотра доктор отказался обсуждать рассказанное мною, заявив, что это не входит в его компетенцию. Он, однако, дал мне визитную карточку мистера Пиктона из Кастльтона и посоветовал немедленно отправиться к нему и рас-

сказать все так же подробно. По словам доктора, Пиктон — именно тот человек, который мне необходим. Поэтому я отправился поездом в этот городок, расположенный в нескольких десятках миль от нас.

Мистер Пиктон, по-видимому, очень важная персона. Об этом свидетельствовали внушительные размеры его дома на окраине города. К дверям дома была прибита медная дощечка с именем владельца.

Я уже собрался позвонить, когда какое-то безотчетное подозрение закралось мне в душу и, войдя в лавчонку на другой стороне улицы, я спросил человека за прилавком, не может ли он рассказать мне что-нибудь о мистере Пиктоне.

— Конечно, — услышал я в ответ, — мистер Пиктон — лучший психиатр в Дербишире. А вон там его сумасшедший дом.

Можете мне поверить, что я тут же покинул Каствльтон и возвратился на ферму, проклиная в душе лишенных воображения педантов, не способных поверить в существование чего-то такого, что никогда не попадало в поле их крокового зрения. Теперь, немного успокоившись, я допускаю, что, пожалуй, сам отнесся к Армитеджу не лучше, чем доктор Джонсон ко мне.

27 апреля. В студенческие годы я слыл человеком смелым и предприимчивым. Припоминаю, что, когда в Колтбридже «охотились» за привидениями, именно я провел ночь в засаде на чердаке дома, где, по слухам, водились призраки. Годы, что ли, берут свое, но мне ведь всего тридцать пять лет, или это болезнь так ослабила мой дух, но только сердце мое, несомненно, каждый раз трепещет, стоит мне вспомнить об этой ужасной расщелине в горе и обитающем в ней чудовище.

Что же делать? Все дни напролет я только об этом и думаю. Промолчу я — и тайна останется неразгаданной. Если же хоть что-нибудь расскажу, сразу же возникнет альтернатива: либо всю округу охватит безумная паника, либо мне ни на йоту не поверят и, может быть, упрячут в дом для

умалишенных. В общем, думаю, что всего лучше выждать и исподволь готовиться к новому походу в пещеру, который должен быть лучше продуман и организован, чем первый. Прежде всего я съездил в Кастльтон и приобрел самое необходимое — большую ацетиленовую лампу и хорошую двустволку. Ружье я взял напрокат и сразу купил к нему дюжину крупнокалиберных патронов, которыми можно свалить и носорога. Теперь я готов к встрече с моим пещерным другом. Только бы немного окрепнуть телом и душой! Уж я постараюсь покончить с ним!.. Но кто и что он такое? Ах! Вопрос этот не дает мне спать. Сколько гипотез я строил и тут же отвергал! Все это так невероятно! И в то же время рев, следы лап, тяжелая поступь в ущелье. Этими фактами невозможно пренебречь.

Невольно вспоминаются старинные легенды о драконах и других чудовищах. Быть может, и они не просто плод фантазии, как полагаем мы? А если в основе этих легенд лежат реальные факты и мне единственному из смертных суждено приоткрыть эту таинственную завесу?!

3 мая. Капризы нашей английской весны уложили меня на несколько дней в постель, и за эти дни произошли события, истинный и зловещий смысл которых, пожалуй, никто, кроме меня, не может постичь. Должен сказать, что в последнее время здесь были темные безлунные ночи, а мне известно, что именно в такие ночи и исчезали овцы. И несколько овец действительно пропало. Две из них принадлежали мисс Эллертон, одна — старому Пирсону и еще одна — миссис Мултон. Четыре овцы за три ночи! От них не осталось и следа, и вся округа только и говорит о цыганах и похитителях овец.

Но случилось и нечто более серьезное. Исчез молодой Армитедж! Он ушел из своего дома поздно вечером в среду, и больше о нем не слышали. Армитедж — человек одинокий, поэтому его исчезновение не наделало шума. Общее мнение таково, что он много задолжал, возможно, нанялся на работу в другом месте и вскоре напишет, чтобы ему переслали его пожитки. Но у меня на этот счет самые мрач-

ные опасения. Разве не правильнее предположить, что недавнее исчезновение овец побудило Армитеджа принять какие-то меры, и это привело его самого к гибели? Он мог, например, устроить засаду на зверя, и чудовище утащило его в недра горы. Какой невероятный конец для цивилизованного англичанина двадцатого века! И все же я чувствую, что это вполне вероятно. Но если так, какова же моя доля ответственности за гибель этого несчастного и за все те беды, которые еще могут произойти? Несомненно одно: раз уж мне что-то известно, мой долг — добиться каких-то срочных мер, либо, в крайнем случае, предпринять что-то самому. Предстоит последнее, ибо сегодня утром я отправился в местное отделение полиции и все им рассказал. Инспектор записал мою историю в толстую книгу и с самым серьезным видом поблагодарил меня, но не успел я выйти за порог, как услышал взрыв хохота. Без сомнения, инспектор рассказывал о моем приключении.

10 июня. Пишу эти строки лежа в постели, последнюю запись я сделал в этом дневнике шесть недель тому назад. Я пережил ужасное потрясение — и физически и духовно, мало кому из людей довелось испытать такое. Однако я достиг своей цели. Опасность, таившаяся в расщелине Голубого Джона, исчезла навсегда. И это удалось сделать для общего блага мне, больному и беспомощному инвалиду. Постараюсь изложить случившееся с максимальной точностью, насколько это в моих силах.

В пятницу, третьего мая, ночь была темная, пасмурная. Самая подходящая ночь для прогулок чудовища. Около одиннадцати я вышел из дому, взяв с собой лампу и ружье и предварительно оставив на столике в спальне записку, в которой сообщал, что, если я не вернусь, искать меня следует около расщелины. Добравшись до входа в шахту римлян, я притаился среди скал, затенил лампу и стал терпеливо ожидать, держа наготове заряженное ружье.

Время тянулось томительно долго. Внизу в долине мерцали огоньки в окнах домиков фермеров, и до меня едва доносился бой часов на колокольне в Чэпсель-Дэйле. Эти

признаки существования других людей лишь усиливали чувство одиночества, и мне пришлось призвать все свое мужество, чтобы побороть страх и не поддаться искушению навсегда оставить эту опасную затею и скорее вернуться домой на ферму. Но самоуважение, заложенное в натуре каждого человека, упорно заставляет его идти к однажды намеченной цели. Одно только чувство собственного достоинства и спасло меня в тот момент; только оно укрепило меня в борьбе с инстинктом самосохранения, который гнал меня прочь от расщелины. Теперь я рад, что у меня хватило выдержки. Как бы дорого ни обошлось мне все это, мужество мое, во всяком случае, было безупречно.

На далекой церкви пробило полночь, затем — час, два. Это было самое темное время ночи. Тучи проносились низко над землей, в небе — ни звездочки. Где-то в скалах громко ухала сова, и более ни звука, только мягкий шелест листьев. И вдруг я услышал его!

Далеко в глубине тоннеля раздались приглушенные шаги, мягкие и в то же время такие грузные. Загрохотали камни, осыпаясь под могучей поступью гиганта. Шаги приближаются. Вот они уже рядом. Затрещали кусты вокруг арки, и в ночной тьме я увидел смутные очертания какого-то огромного, фантастического первобытного существа, бесшумно и проворно выходящего из тоннеля. Изумление и ужас парализовали меня. Я ожидал увидеть нечто страшное, и все же оказался совсем неподготовленным к тому, что предстало перед моими глазами. Я лежал, оцепенев и затаив дыхание, пока огромная черная туша не пронеслась мимо меня и не скрылась в темноте.

Но теперь я твердо решил дожидаться возвращения чудовища. Со стороны спящей долины не доносилось ни звука, который свидетельствовал бы, что там бродит на свободе это воплощение ужаса. Ничто не подсказывало мне, как далеко ушло чудовище, что делает и когда может вернуться. Но на этот раз нервы ни на миг не подведут меня, оно не пройдет безнаказанно мимо. Стиснув зубы, я поклялся себе в этом, когда нацелил ружье со взведенным курком на вход в расщелину.

И все-таки я опять едва не пропустил его. Ничто не предвещало появления зверя, мягко ступавшего по траве. Внезапно, как темная быстрая тень, передо мной появилась громадная масса и устремилась к входу в расщелину.

Сжимая ружье, я кинулся вслед за чудовищем.

И снова моя воля была парализована — палец бессильно застыл на спусковом крючке. Невероятным усилием я страхнул с себя оцепенение. В тот момент, когда чудовищная тварь, продравшись сквозь кусты, уже слилась с чернотой расщелины, я выстрелил в удалявшуюся темную тень. В свете яркой вспышки я мельком увидел косматую гору: грубую, ошетилившуюся шерсть, сероватую сверху и почти белую внизу, огромное тело на коротких толстых кривых

лапах. Видел я все это лишь одно мгновение. Затем слышался грохот камней — чудовище кинулось в свое логово. И тут, почувствовав необычайный прилив сил и отбросив все страхи, я открыл свою мощную лампу, спрыгнул со скалы и, сжимая ружье, кинулся вслед за чудовищем в шахту римлян. Моя превосходная лампа заливала тоннель ослепительным светом, совсем непохожим на желтое мерцание свечи, с которой я пробирался здесь двенадцать дней тому назад. Стремительно несясь по тоннелю, я видел впереди чудовище; громадное тело его заполняло все пространство между стенами тоннеля. Шерсть, походившая на грубую бесцветную паклю, свисала длинными густыми космами, развевавшимися, когда зверь бежал. Своей шерстью животное напоминало гигантскую неостриженную овцу, но было значительно крупнее самого крупного слона, и почти квадратное. Сейчас мне самому кажется невероятным, что я отважился преследовать такое страшилище в недрах земли, но когда в жилах человека закипает кровь от сознания, что из рук ускользает добыча, в нем пробуждаются первобытные инстинкты охотника, и благоразумие летит к чертям. Сжимая в руке ружье, я изо всех сил бежал за чудовищем.

Я заметил, что животное очень проворно. Вскоре, к несчастью, мне пришлось убедиться на себе самом, что оно к тому же и коварно. Я вообразил, что зверь в панике спасается бегством и мне остается только преследовать его; мысль о том, что он может сам напасть на меня, даже не зародилась в моем разгоряченном мозгу. Я уже упоминал, что тоннель, по которому я бежал, ведет в большую центральную пещеру. В крайнем возбуждении я влетел в нее, боясь одного — упустить зверя. И вот в этот момент чудовище неожиданно повернулось ко мне. В один миг мы оказались друг против друга.

То, что я увидел в ослепительном свете лампы, навсегда запечатлелось в моей памяти. Зверь, как медведь, поднялся на задние лапы и навис надо мной — огромный, разъяренный. Ни в одном кошмарном сне я не видел ничего подобного.

"

Зверь, как медведь, поднялся на задние лапы и навис надо мной – огромный, разъяренный. Ни в одном кошмарном сне я не видел ничего подобного.

Я сказал, что зверь встал на задние лапы, как медведь; в нем и было что-то медвежье, если только можно представить себе медведя раз в десять больше самого гигантского из живущих на земле. И его поза, и повадки, и длинные кривые передние лапы с желтоватыми когтями, лохматая шерсть, красная разверстая пасть с огромными клыками — все напоминало медведя. Только одним он отличался и от медведей и от любого из обитающих на земле существ. Я содрогнулся от ужаса, когда увидел, что глаза его, заблестевшие при свете лампы, были огромные, выпуклые, белые и незрячие.

Мгновение его огромные лапы качались над моей головой. Потом чудовище бросилось на меня, а я, все еще держа лампу, рухнул на землю и лишился сознания.

Очнулся я уже на ферме Эллертонов. Со времени этого ужасного происшествия в расщелине Голубого Джона прошло два дня. Похоже, что я всю ночь пролежал без сознания в шахте. У меня оказалось сотрясение мозга, левая рука и два ребра были сломаны. Оставленную мною записку нашли утром, и сразу же человек десять фермеров отправились на поиски; меня нашли в расщелине и отнесли домой, после этого я долго лежал в бреду.

От диковинного зверя не осталось и следа, не было даже пятен крови, которые бы указывали, что моя пуля попала в него, когда он убегал. Кроме моего бедственного состояния да еще отпечатков на грязи, в пещере не было ничего, что могло бы подтвердить мой рассказ.

С тех пор прошло уже шесть недель, я снова могу выходить и греться на солнышке. Как раз напротив меня высится отвесный склон холма и видны серые известковые скалы, а около них, сбоку, — темная дыра, обозначающая вход в расщелину Голубого Джона. Но она уже никогда больше не будет внушать ужас. Никогда больше ни одно загадочное существо не выползет из этого зловещего тоннеля и не проникнет в мир. Ученые и образованные люди, вроде доктора Джонсона, могут смеяться надо мной, но местные фермеры ни разу не усомнились в моей правдивости.

На следующий день после того, как ко мне вернулось сознание, сотни фермеров собрались у входа в расщелину Голубого Джона.

Вот что писал об этом «Кастльтонский курьер»: «Наш корреспондент, а также несколько смелых и предприимчивых людей, прибывших из Матлока, Бэкстона и других мест, тщетно требовали позволить им спуститься в шахту, чтобы обследовать ее до самого конца и досконально проверить невероятный рассказ доктора Джеймса Хардкастля. Местные фермеры взяли дело в свои руки. С самого раннего утра они усердно заваливали вход в шахту. Рядом поднимается крутой скалистый склон, и сотни добровольцев скатывали по нему огромные камни в расщелину, пока не завалили вход в нее. Так закончилось это происшествие, породившее столь великое волнение по всей округе.

Мнения местных жителей по этому поводу резко разошлись. Одни считают, что слабое здоровье и, возможно, некоторое повреждение мозга на почве туберкулеза вызывали у доктора Хардкастля странные галлюцинации. Они полагают, что навязчивая идея заставила доктора Хардкастля спуститься в тоннель и что там он ушибся при падении. Противная сторона утверждает, что легенда о загадочном чудовище, таящемся в ущелье, возникла задолго до приезда доктора Хардкастля, и многие фермеры рассматривают рассказ доктора и полученные им ранения, как подтверждение существования чудовища. Так обстоит дело и таким загадочным оно и останется, ибо нет никакой возможности дать более или менее научное объяснение изложенным выше событиям».

Со стороны газеты было бы более разумным прежде, чем печатать эту статью, направить ко мне своего корреспондента. Я проанализировал события так детально, как никто другой, и, быть может, помог бы устранить некоторые неясности в повествовании и тем самым приблизить вопрос к научному разрешению. Итак, попробую дать то единственное объяснение, которое, как мне кажется, способно пролить свет на эту историю. Гипотеза моя может

показаться неправдоподобной, но никто не станет утверждать, что она вздорна.

Моя точка зрения такова — а она возникла, как видно из дневника, задолго до моих личных злоключений в расщелине Голубого Джона. Предполагаю, что в этой части Англии имеется огромное подземное озеро, а возможно, даже и море, которое питается великим множеством речушек, проникающих в недра земли через известняковые породы. Там, где есть большое скопление воды, должно быть и ее испарение с последующим выпадением влаги в виде тумана или дождя, а последнее предполагает наличие и растительного мира. Это, в свою очередь, допускает возможность существования животного мира, возникшего, как и подземный растительный мир, от тех же видов, которые существовали в ранний период истории нашей планеты, когда подземный и внешний миры общались более свободно.

Впоследствии в мире подземных глубин развились собственные флора и фауна; изменения коснулись также всяких существ, вроде того чудовища, которое я видел.

Оно могло быть пещерным медведем древнейших времен, невероятно выросшим и изменившимся в силу новых условий. Многие миллионы лет наземные и подземные обитатели жили обособленно и, развиваясь, все больше отличались друг от друга. Но вот в глубине горы образовалась брешь, позволившая одному из обитателей недр выходить через тоннель римлян на поверхность. Как и все обитатели подземного мира, животное утратило зрение, но потеря эта, несомненно, была возмещена развитием других органов. Животное могло находить дорогу наверх и нападать на овец, которые паслись на склонах близлежащих холмов. Что же касается темных ночей, которые чудовище выбирало для своих набегов, то, согласно моей теории, это можно объяснить болезненным воздействием света на выпуклые глаза животного, привыкшего к мраку. Вероятнее всего, яркий свет лампы и спас мне жизнь, когда я очутился с чудовищем один на один.

Таково мое объяснение этой загадки. Я оставляю эти факты на ваше усмотрение. Если вы сможете их объяснить, — сделайте это, предпочтете усомниться, — сомневайтесь. Ваше доверие или недоверие не могут ни изменить вышеизложенных фактов, ни оскорбить того, чья задача в этом мире уже близится к завершению».

Так заканчивается странный рассказ доктора Джеймса Хардкастля.

Доминик Грин

ДЕЛО ИЗ ЗАТЕРЯННОГО МИРА

Рисунки П. МакКинстри

ДЕЛО ИЗ ЗАТЕРЯННОГО МИРА

Осенью 1918 года, когда моя медицинская практика процветала благодаря многочисленным раненым с полей недавней войны, Шерлок Холмс нанес мне визит. Обстоятельства появления моего друга были самыми неожиданными. Преданные читатели журнала «Стрэнд», без сомнения, знакомы с такими приключениями Холмса, как дело о так называемом «королевском скандале» и таинственном отречении от престола в Руритании. Но в последние несколько недель Холмс отчаялся найти хоть какую-нибудь загадку, неподвластную заурядному человеческому уму, и я начинал опасаться за его здоровье.

Я был занят хирургической операцией над престарелым майором стрелкового полка, которого лечил от скрофулы культи – ногу он потерял в египетской кампании – когда внезапно услышал призрачный и, как сказано, совершенно неожиданный голос Холмса.

— Простите за столь странный способ вторжения в ваш медицинский кабинет, Уотсон, но мне немедленно требуется ваша помощь.

Я поднял голову, оглянулся, осмотрел комнату: нигде ни следа моего давешнего соседа и товарища. Я уставился на пухляк с настойкой опия, который в этот момент протягивал своему пациенту.

— У майора были сегодня другие дела, Уотсон, — сказал майор. — Я позволил себе занять его место. Разгуливать по улицам в обычном виде для меня нынче опасно.

— Однако... нога, Холмс, — запинаясь, пробормотал я. — Как вам удалось подделать ногу?

— Ах, Уотсон, — бесконечно довольным и тщеславным тоном произнес Холмс, — признайтесь, вы полагали, что у меня с самого начала имелись две ноги.

— Однако, Холмс! — запротестовал я. — Я прекрасно видел, как вы бегали и даже прыгали!

— Неужели, Уотсон? Вы уверены?

— Вы заняты сейчас каким-то расследованием?

— Да, и расследование это связано с делом более диким и жестоким, чем когда-либо мне попадалось. Случаи, когда один человек отнимает у другого жизнь из криминальных побуждений, в порядке вещей, Уотсон; но очень редко случается так, что после жертву съедают.

Даже я, побывавший в Афганистане, пришел в ужас.

— Вы шутите!

— Ничуть, Уотсон. За минувшие семь дней произошло семь нападений на уличных музыкантов в Хэмпстед-хит; все музыканты играли на той или иной разновидности тромбоны, и все они, если верить свидетелям, подверглись нападению, доигрывая заключительные ноты «Текстед» Густава Холста. Всякий раз на жертву, судя по всему, нападали сверху, раздавливая и разрывая плоть; кости у жертв были расщеплены, главная же часть тела, а именно голова, чаще всего отсутствовала. Вдобавок, вокруг тел витал запах разложения, как бывает при газовой гангрене.

— Случайная смерть исключена, не так ли? Какая-нибудь повторяющаяся поломка тромбонов...

— ...также исключается, Уотсон. Все инструменты произведены фирмами с высочайшей репутацией и большим количеством вполне живых и здоровых клиентов. Я не слишком доверяю городской полиции Лондона, Уотсон — полицейские ничего не смыслят в медицине. Мне нужны ваши анатомические познания. Только что в Хэмпстед-хит обнаружили новое тело. Предлагаю вам насладиться путешествием в Хэмпстед по новой ветке подземной железной дороги. Я буду ждать вас на станции, хотя вы, конечно, меня не узнаете.

Когда я вышел на станции в Хэмпстеде, этом прелестном деревенском уголке, в воздухе висели густые клубы лондонского тумана. Уже зажгли фонари, и каждый был окружен в сумраке подобием нимба. Я купил газету у дряхлого представителя низшего сословия и расположился с нею на скамье в ожидании своего запаздывавшего компаньона.

— Уотсон! — прошипел голос из тумана.

— Проклятие! — отозвался я. — Где вы, Холмс?

— Уотсон, я только что продал вам «Лондон ивнинг стандарт». ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ, КОМАНДИР! Я думал, вы заметите мой тромбон.

Я заметил тромбон.

— Господи, Холмс! Да у вас тромбон. Вы сошли с ума?

— Нисколько. Это довольно примечательный тромбон. Его нашли в ветвях дерева на высоте футов двадцати, но в остальном целым и невредимым, в ста ярдах от тела предпоследней жертвы. Звук у него превосходный.

И он прогудел несколько нот из «Текстед».

— Во всяком случае, звучит лучше вашей скрипки. А где же тело последнего из убитых?

С уверенной точностью почтового голубя Холмс повел меня сквозь белый лабиринт, откуда на нас, словно громадные подводные растения, выплывали деревья. Наконец мы вышли на полянку, где два полисмена играли в карты над жалким разорванным телом уличного музыканта.

— Здравствуйте, мистер ‘Олмс, — гаркнули они хором.

— Добрый вечер, офицеры. Итак, Уотсон, едва ли приходится сомневаться, что медицинский опыт привлек ваше внимание к отсутствию у тела головы. Но мне хотелось бы знать, каким образом голова была так быстро и бесповоротно отделена от туловища?

Я по возможности тщательно осмотрел труп несчастного.

— Мне лишь однажды довелось видеть нечто подобное, — сказал я. — Действовал индийский убийца, но не человек, а крокодил. Он произвел немалый переполох в нашем пешаварском гарнизоне. Как-то ночью один из субалтернов, повинувшись зову природы, спустился к реке, и чешуйчатое чудовище ухватило его за отросток, который я не осмелюсь назвать. Понадобилось шестнадцать пуль, чтобы прикончить крокодила, но к тому времени офицер давно уже был мертв. Челюсти этих тварей способны раздавить грудную клетку человека, как яичную скорлупу.

— Любопытно. И кто же, по вашему мнению, поработал здесь?

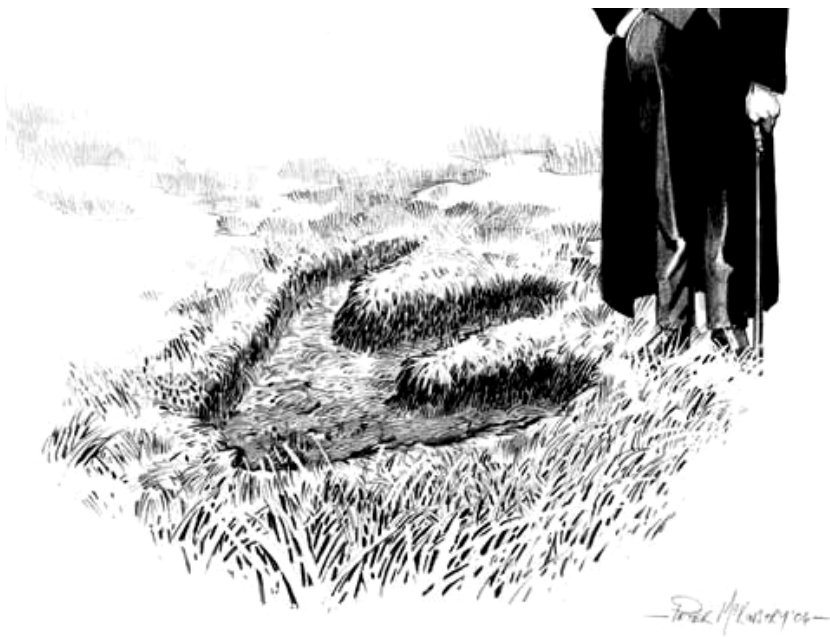
— Нечто, позволю себе предположить, — ответил я, — с челюстями гораздо большего размера.

Холмс расхаживал по заиндевевшей траве, нетерпеливо постукивая себя тростью по ноге.

— И у какого животного челюсти больше, чем у крокодила?

— Не имею понятия. Думаю, это был огромный лев, сбежавший из зоопарка, не иначе.

— Подойдите-ка, Уотсон.

Я приблизился. Холмс нагнулся над каким-то отпечатком во мху.

— Видите? Что это, как вы думаете?

Я поглядел. И выпучил глаза.

— Это след, Уотсон, — сказал Холмс. — Это след лапы гигантского теропода из черной пасти ада! И весит он не менее десяти тысяч фунтов!

Десять минут спустя я недоверчиво смотрел на Холмса, и мои глаза по-прежнему вылезали из орбит. Я готов был поклясться, что мой друг сошел с ума.

— Мегалозавр?

— Он самый. Вам же известен мой принцип – отбросьте все невозможное, и то, что останется, будет ответом, каким бы невероятным, и так далее, и так далее...

Голова у меня пошла кругом.

— Холмс, мегалозавры вымерли почти двести миллионов лет назад.

— Не совсем, Уотсон, — с этими словами Холмс достал спрятанную в футляре для тромбона стопку книг и бумаг и принялся быстро перелистывать какой-то журнал. — Я составил список всех животных наших дней, способных убить человека, и стал выводить их из дела методом исключения. Леопард не напал бы сверху, если только не притаился на дереве, но на древесных стволах вокруг я не обнаружил никаких следов когтей. Слон обладает достаточным ростом, но он скорее ударил бы бивнями или затоптал жертву ногами, в противоположность укусам. В конце концов я заключил, что виновником является существо, неизвестное современной зоологии.

Поэтому я перешел от зоологии к палеонтологии. На телах не было двойных колотых ран, характерных для нападения саблезубого тигра, или шести вдавленностей, которые свидетельствовали бы об атаке разъяренного уинта-терия. Я просмотрел с десятков толстых томов в Британском музее, прежде чем нашел преступника. Это злодеяние, Уотсон, совершил мегалозавр — огромный зверь юрского периода, передвигавшийся на мощных лапах с тремя когтями. Его пасть была усеяна клыками, как пещера сталакти-тами. Я знаю, что вы скажете, Уотсон — на земле нет живых мегалозавров. Но заметьте, что из Бельгийского Конго поступают сообщения о созданиях, как две капли воды похожих на стегозавров. Мало того, я напал на один в высшей степени замечательный экспедиционный отчет, который собираюсь вам зачитать.

Холмс нашел нужную страницу и стал громко и с воодушевлением читать:

— Известия Лондонского зоологического института, 13 июня 1917 года. Профессор Челленджер прочтет перед общим собранием членов института доклад о выдающихся открытиях, совершенных недавно на одном из верхних притоков Амазонки...

— Вся эта история оказалась чистейшим вздором! И было целиком и полностью опровергнуто. Экспедиция не привезла никаких доказательств существования живых динозавров на Амазонке.

— Полагаю, Уотсон, вы помните о том, что правдивость публичного отчета об экспедиции, опубликованного мистером Эдуардом Мелуном из «Дейли газетт», сомнений не вызывает, — укоризненно произнес Холмс. — Так вот, несколько дней назад я пересек пролив, чтобы ознакомиться с событиями в непосредственном изложении профессора Челленджера. Увлекательное чтение, доложу вам! Как вы знаете, с записками профессора расправились цензоры ее величества, книгу пришлось печатать во Франции, и лишь единичные экземпляры достигли английских берегов.

Он раскрыл другой том — книгу в твердом переплете с кричащим изображением дамы в ночной сорочке, которую самым невероятным способом атаковала толстая мезозойская рептилия.

— 13 сентября 1916 года. Дико, отвратительно напился ферментированными выделениями гигантских пауков, что туземцы называют хула-хула. Как и раньше, вижу повсюду огромных зеленых динозавров. Мало-помалу приучаю себя к жуткой мысли: они могут оказаться настоящими. Сегодня после чая, когда Мелун, Рокстон и Саммерли покинули лагерь, забавлялся поблизости с двумя воображаемыми красавицами каменного века, наслаждаясь их гибкими, медового цвета телами, казавшимися на удивление реальными...

— Довольно, Холмс! — прервал я. — Бредовые видения человека в горячке, вызванной арахнолизмом, вряд ли доказывают существование живых динозавров.

— *Согласен, Уотсон. Но пойдём дальше. 1 декабря, 1916. Мы счастливо возвратились в Англию; ни мои спутники, ни таможенно-акцизное управление не заподозрили, что далеко не весь мой багаж был задекларирован. Яйцо — как и следовало ожидать — имеет яйцевидную форму, размером оно с большой кокосовый орех, ярко-оранжевого цвета, с пористой скорлупой. Инкубатором мне служил грузовой трюм, где я тайком покрывал яйцо гниющими кухонными отбросами и при всяком удобном случае сам его высиживал. Когда старший стюард спросил, почему я сижу в трюме на куче отбросов, я честно ответил, что высиживаю яйцо, из которого со временем вылупится двадцатифутовая ящерица-каннибал, после чего он только ухмыльнулся, дружески отдал честь и предоставил меня самому себе.*

2 февраля, 1917. Мой птенец вылупился. Кормлю индюшиными тушками; ящерица поглощает их с большим аппетитом. Я назвал ее Глэдис в честь этой хищной рептилии, невесты Меллоуна. Глэдис очень привлекают яркие предметы и движение. Похоже, уже утрачена кошка — толстое и бесполезное пушистое животное, способное лишь портить дорогостоящую обивку. Жена вне себя от горя. Мне начинает нравиться Глэдис.

10 апреля. В Глэдис теперь больше шести футов длины. Собираюсь привести ее на одну из лекций отъявленного болвана Уолтона о зародышевой плазме. Я ничего не скажу, не сделаю никакого объявления — просто возьму Глэдис на длинный поводок, сяду в задних рядах и буду со значением поглядывать на Уолтона. Пусть тогда сей тупоголовый фигляр попробует отрицать существование живых палеозоонов.

Грин, обучавший музыке наших детей, собрал вещи и уехал. Жаловался на то, что ему приходилось вести уроки в одной комнате с Глэдис; утверждал, что музыка приводит ее в дикую ярость. Скатертью дорога, ибо его музыка давно вызывала у меня такую же ярость — подумать только, он целыми днями напролет разучивал «Юпитер» Холста.

— *Ближе к делу, Холмс.*

— 23 сентября. Договорился, что мистер Гласс, импортер лучшей ирландской говядины, до глаз заросший бородой, будет регулярно снабжать Глэдис мясом. По осмотре склада мистера Гласса начал подозревать, что его говядина некогда имела привычку испускать лошадиное ржание, но цены он держит низкие. Два его помощника доставили первую партию в нашу гостиную, где сейчас обитает Глэдис. Наглые лакеи засомневались в том, что оконные решетки смогут удержать Глэдис от побега. С готовностью показал им, что окна можно открыть только снаружи.

25 сентября. Надел водолазный шлем и стальные рукавицы и понес Глэдис угощение – половину лошадиной туши. Какое несчастье! Окно открыто, гостиная пуста, на лужайке трехпалые следы, исчезающие вдалеке.

Холмс захлопнул книгу.

— Вы всерьез убеждены, что в Хэмпстед-хит орудует палеозойский хищник?

— Я проверил полицейские архивы, Уотсон. За последние двенадцать месяцев в Хэмпстед-хит и окрестностях зарегистрировано свыше пятнадцати необъяснимых случаев декапитации и исчезновения животных. Полиция, несомненно, так и не связала их с нашим делом, поскольку ни в одном из них не встречались тромбоны.

— Иными словами, в убийствах виновато доисторическое чудовище?

— Отчасти, Уотсон. Некоторые аспекты дела все еще ускользают от меня. К примеру, в шести случаях свидетели утверждали, что соло тромбониста сопровождала одинокая скрипка, которая присоединялась к рефрену как раз перед тем, как музыка внезапно и трагически обрывалась. Нет, друг мой — боюсь, что мозг, стоящий за этими печальными событиями, является продуктом недавнего развития.

Миновало несколько дней, но вековой туман, как и прежде, скрывал город. Я был занят осмотром рабочего средних лет со спичечной фабрики, страдавшего некрозом челюсти. Не успел я выписать морфий, как пациент вдрут

заговорил — что было совершенно неслыханно для человека, чья челюсть превратилась в нечто похожее на известковую кашу. Я невольно вздрогнул.

— Доброе утро, Уотсон.

На сей раз я усилием воли взял себя в руки. Я даже не обернулся.

— Добрый день, Холмс. Надеюсь, вы понимаете, что из-за вас я впустую потратил пятнадцать драгоценных минут, отведенных для приема больных?

— Простите, дорогой мой. Улицы все еще опасны, а мне было необходимо вас повидать. И поделиться радостью: я завершил дело, что так долго ставило меня в тупик.

— Дело об исчезнувших головах тромбонистов из Хэмпстеда?

— Да, то самое дело. Мне кажется, Уотсон, что я нашел верный ответ. Он лежит в области криминалистической палеонтологии. Не хотите ли знать, как я подделал челюсть, изъеденную по причине отравления фосфором?

— Избавьте меня, Холмс.

— Как прикажете. Мое расследование, Уотсон, войдет в анналы всех дел, где в качестве орудия убийства использовался динозавр. Ибо за этими деяниями, можете не сомневаться, стоит человек, — из холщовой сумки, лежавшей на полу, он извлек очередной том переплетенных журналов. — Приведу наблюдения мистера Барнума Брауна. Недавно он открыл в дебрях Альберты колоссального орнитопода и назвал его *Corythosaurus Casuarius*. Череп этого создания, которое относится к семейству гадрозавров или утконосых динозавров, был украшен своеобразным гребнем, то есть полым и пропитанным воздухом костяным наростом. Отдельные палеонтологи ошибочно заключили, что он снабжал животное кислородом, пока динозавр плавал под водой, подобно чешуйчатой субмарине. Но у этой теории есть маленький изъян: гребень не имел внешних отверстий или ноздрей...

— Убийства, Холмс.

— Ах, да... Видите ли, Уотсон, одна из научных школ считает, что костяной нарост служил резонатором и что с

помощью его зверь был способен издавать отчетливые мелодичные звуки — схожие, как считается, со звуками тромбона.

— Не вижу причины, Холмс, по какой допотопному животному понадобилось бы гудеть, точно тромбон.

— Эти создания были не слишком разумными, Уотсон. Некоторым из них для координации движений требовался дополнительный мозг в абдоминальном отделе. Верно и то, что существа большого размера не обязательно обладают острыми чувствами; носорог, как всем известно, подслеповат и при появлении охотников полагается на сравнительно хорошо развитый слух.

Представьте себе теперь стадо подобных существ. Как и африканские травоядные, они могут принадлежать к различным видам: ведь часто у одного пруда собираются на водопой разные виды африканских антилоп. Наша антилопа, однако, весит пять тонн и мало отличается умом от болотистой жижи, которую так жадно лакает. Вполне возможно, что эти динозавры пожелали бы спариваться с животными чужеродных видов, не будь у них какого-то постоянного звукового сигнала. И поэтому некоторые виды гадрозавров, можно предположить, трубили в свои черепные наросты, словно бы говоря: «Вот он я! Я — гадрозавр с гребнем-тромбоном, и все прочие гадрозавры с черепами-тромбонами могут преспокойно со мной спариваться». Но этот трубный глас привлекал не только их собратьев. Вероятно, интересовались им и хищники.

— Боже мой, Холмс! — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что бедные музыканты погибли, потому что звуки их инструментов пробудили в мегалозавре дремавшие инстинкты и он вспомнил о своей природной добыче?

— Я в этом твердо убежден, — сказал Холмс, — и намерен самым прямым образом это доказать.

Он достал из сумки тромбон и печатные ноты «Текстед».

— Револьвер вам не понадобится, Уотсон. Против такого существа он бессилен. Попасть ему прямо в мозг — все равно, что выстрелить дробью в быка с сотни ярдов. Подозреваю, что даже пуля калибра 4.55 отскочит от его крепкой чешуи.

Мы шли мимо скованных холодом деревьев, сквозь туман, где могло бы спрятаться, стоя плечом к плечу, целое стадо гадрозавров. В белесоватой мути начали вырисовываться очертания оркестрового павильона. Плакаты извещали о предстоящем концерте в присутствии королевских особ.

— Похоже, Холмс, здесь нет никаких динозавров. Громадное животное, я уверен, чем-нибудь выдало бы себя.

— Хищник никогда не сообщает о своем появлении, — заметил Холмс. Он поднял к губам тромбон и сыграл за-

ключительные ноты «Текстед». Слезы выступили у меня на глазах при мысли о стране, полной нежности и мира.

И тогда волосы у меня на затылке встали дыбом: в тумане раздался отдаленный, грузный топот, словно пьяный извозчик продирался вместе со своим кэбом сквозь густые заросли.

— Хищник вышел на охотничью тропу, — сказал Холмс. — А мы — его дичь.

Он знаком велел мне следовать за ним и бросился в сторону.

— Черт побери, Холмс! Я совсем не ожидал, что ваша треклятая теория окажется правильной!

— Мои теории, Уотсон, всегда правильны.

Заявив это, он спрыгнул в ближайшую канаву, полную невыразимых отходо́в, и зашлепал по грязи, не торопясь выбраться на противоположный берег.

— В воду, Уотсон. В тумане зверь будет выслеживать нас по запаху.

Не постыжусь признаться, что в воде я очутился быстрее, чем когда-либо, тем более что я расслышал, теперь уже намного ближе, грозный шорох чего-то ужасно, невообразимо тяжелого, бредущего по ковру опавших листьев к месту, где мы только что находились. Существо двигалось медленно и, казалось, подавалось то влево, то вправо, как рыскающая по лесу ищейка.

— Ни звука, Уотсон. От этого зависит ваша жизнь.

По словам Холмса, в ту минуту он все еще ровным счетом ничего не видел — я же и не увидел бы, даже окажись тварь совсем рядом, так как плотно зажмурил глаза. Но внезапно до нас донесся иной звук, глубокий и торжественный: в тумане запела скрипка. Трудно объяснить, как я по одним лишь шорохам догадался, что мезозойский ящер склонил морду к плечу, прислушиваясь, но почему-то я в этом не сомневался — так птица на ветке распознает чириканье товарки, а собака — зов хозяина.

Тварь затопала прочь сквозь туман.

— Как я и предполагал, — сказал Холмс, — существовало два вида гадрозавров.

Мы сидели в уюте «Замка Джека Строу», расположенного у флагштока на северной оконечности Хэмпстед-хит. Теплое пиво согревало наши тела, изгоняя из жил холод.

— Положим, Холмс, что существовало два вида гадро... как их там? ...завров. Но какое это имеет значение?

— Все очень просто. Первый вид, чей клич походил на звуки тромбона, играющего заключительные ноты «Текстед», служил основной добычей нашего мегалозавра. Второй вид, перекликавшийся голосами, которые напоминали звуки скрипки — родственное животное. Передвигались они вместе, стадами. Однако наш хищник на второй вид не нападал.

— В самом деле?

— Готов поставить свою жизнь. Эти звери не были добычей. Их мясо не нравилось нашему мегалозавру. Тем не менее, он следовал за ними, как лев следует за животным, одолеть которое не в силах — скажем, за носорогом — в надежде обнаружить рядом других, более слабых травоядных. Кто бы ни управлял этим существом, Уотсон, он играет на дьявольских струнах... И сейчас он войдет в эту дверь, буквально через... вот и он.

В дверь протиснулся хилый на вид уличный музыкант, похожий на беднягу, чье тело я осматривал днем ранее.

— Мистер Грин, я полагаю, — сказал Холмс. — Бывший учитель музыки в семье профессора Челленджера из Энмор-парка. Нет, не пытайтесь выхватить револьвер. Почти все люди за столиками, как вы можете убедиться — вооруженные офицеры лондонской ее величества полиции.

Холмс показался мне каким-то жутковатым кукольником: так странно было видеть, как все посетители обернулись и приподняли шляпы, приветствуя вошедшего.

— Вероятно, вы гадаете, откуда мне удалось узнать ваше имя. Вы, конечно, приверженец фенианских идей и сторонник ирландского гомруля. Вопрос о достоинствах или недостатках этой идеи я предоставляю обсуждать политикам. Я

вмешиваюсь лишь тогда, когда люди начинают считать, что их политические убеждения оправдывают убийство. Главная ваша ошибка состояла в том, что вы, в соответствующем костюме и гриме, предстали перед бывшим хозяином в роли торговца мясом по фамилии Гласс. Уотсону, безусловно, невдомек, но мне прекрасно известно, что слово «глас» означает на гэльском языке «зеленый» — Грин. Этот детский розыгрыш привел вас к провалу. Некоторое время назад, обучая музыке детей Челленджера, вы заметили, что звуки тромбона пробуждают слепую и кровожадную ярость в юном мегалозавре, сидевшем на цепи на другом конце гостиной. Звуки скрипки, однако, привлекали его внимание, и он пытался следовать по комнате за скрипачом. Когда вы сообразили, что к чему, у вас появился план.

Вы решили освободить животное из заточения с помощью двух ваших сподвижников-фениев и научить его нападать на людей. В доме зверь очень редко кусал слуг, и Челленджер пришел к выводу, что он не видит в людях добычу. Действительно, его пришлось обучать. Вы, мистер Грин, последние двенадцать месяцев учили мегалозавра убивать. Но зачем вы делали это? Достаточно вспомнить, что не далее как следующей неделе его величество король Георг почтит своим присутствием концерт на открытом воздухе, который состоится здесь, на Парламентском холме в Хэмпстед-хит, и что финальным аккордом программы станут вдохновенные стихи мистера Спринг-Райса, положенные на музыку Густавом Холстом в виде гимна «Текстед». Зверя побуждают к нападению последние ноты, если я не ошибаюсь?

И Холмс просвистел несколько тактов «Текстед».

Музыкант побледнел как полотно.

— Бога ради, — воскликнул он с явственным дублинским акцентом, — вы не понимаете, что делаете. Если вы дорожите своей жизнью, жизнью всех нас — остановитесь!

Холмс перестал свистеть, протянув предпоследнюю ноту, и рассмеялся.

— Да, в самом деле, — фыркнул он. — Как же может быть иначе? По словам профессора Челленджера, вы постоянно

и без всяких последствий разучивали «Юпитер» Холста в присутствии зверя. Никакой опасности в этом не было: тема «Юпитера» аналогична «Текстед», но финал несколько иной. Вы надеялись, надо думать, что животное вызовет в толпе панику и его величество погибнет в давке?

Рыжеволосый фений покачал головой.

— Вы обижаете меня, сэр. Если бы вы внимательней рассмотрели список музыкантов, то увидели бы, что мне доверена ведущая партия тромбона. Я собирался встать прямо перед монархом вашего презренного острова и во всю мочь затрубить в свой рог. Покончив со мной, зверь наверняка бы расправился с этим шутлом гороховым в горностаевой мантии.

Холмс кивнул.

— Вы, я вижу, человек мужественный, хотя и заблуждающийся. Предлагаю вам выйти из положения с честью.

Он протянул музыканту тромбон. Ирландец грустно кивнул в ответ и взял инструмент.

Холмс бросил взгляд на нетронутую пинту эля — он так и не прикоснулся к ней с тех пор, как мы вошли — и пододвинул к музыканту кружку.

— Последний глоток приговоренного.

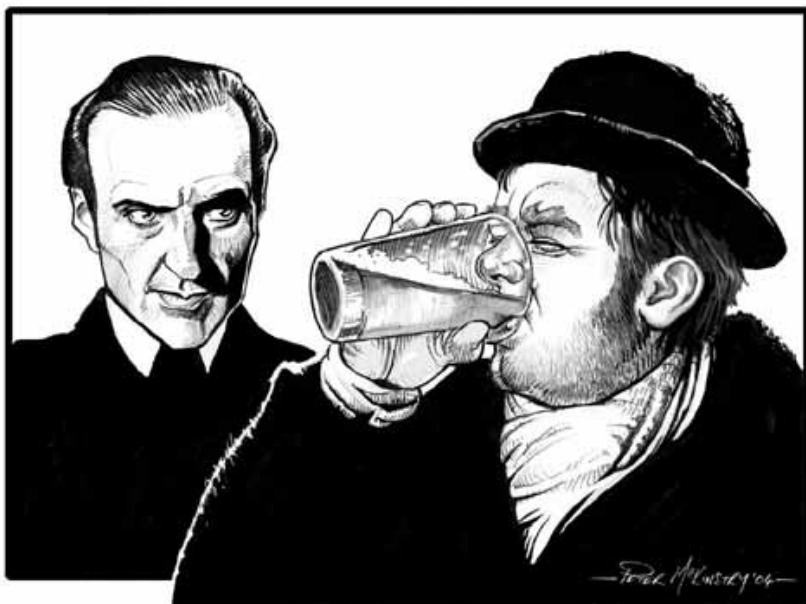
Ирландец жадно осушил кружку. Затем, повернувшись к полисменам, он вскричал:

— За Ирландию!

Он распахнул дверь таверны и исчез в белом кружении тумана. Больше мы его не видели; но слышали проникшие извне ясные и спокойные ноты бессмертного патриотического гимна, который — теперь я сознавал это со всей остротой — был достоин любой страны, любого короля, и особенно той великой страны, чьими гражданами мы все надеемся стать после кончины.

Вдруг снаружи послышался громоподобный топот, леденящее кровь рычание, и звуки тромбона оборвались, а сам инструмент, безжалостно согнутый пополам, полетел из тумана к нашему окну.

— О боги, ну и зверь! Да тут понадобится полк солдат с пушкой!

— Говоря по правде, я так не думаю, — заметил Холмс.
— Стрихнина в той пинте хватило бы на десяток слонов.
Что ж, самое время угоститься чуть менее опасной пинтой,
прежде чем мы возвратимся к павильону, где, как я пони-
маю, вот-вот начнется репетиция местного духового оркес-
тра. Надеюсь, я смогу заставить себя еще раз прослушать эту
мелодию.

И он, щелкнув пальцами, заказал еще пинту пива.

Эден Филлпотс

АРХИДЬЯКОН И ДИНОЗАВРЫ

Рисунок С. Олдина

АРХИДЬЯКОН И ДИНОЗАВРЫ

Архидьякон извлек из кармана аккуратный свиток бумаги для проповедей.

— Здесь у меня безделица о мезозойской эре... — начал он, и я прервал его:

— Дорогой мой архидьякон, это было за тысячи лет до появления на земле человека.

— За много миллионов лет, — радостно поправил архидьякон. — В моем манускрипте говорится о временах, когда сама мать-природа пребывала в младенчестве. Как вам известно, палеонтология — мое хобби. Мое сочинение, с научной точки зрения, отражает некоторые познания в этом предмете в сочетании с такой опасной вещью, как поздний ужин. Как видите, я ничего не скрываю; и из уважения к теме я записал все это на бумаге для проповедей.

Он разгладил свиток, поправил очки и приготовился к чтению. Я устроился поудобнее, и он приступил к своему невероятному рассказу:

— Конечно, во сне, как и в современной комедии, не следует пренебрегать вероятностью и логикой, иначе в каждом из случаев все построение рушится, портя для зрителя всякое удовольствие. Поэтому, когда я в одно прекрасное утро обнаружил, что мне предстоит день охоты и научных занятий в мезозойской эре, я ничуть не удивился. Мои черные гамаши превратились в коричневые, на плече висел ремингтон, рядом бежал Питер, черный кот жены. Разумеется, благодаря своим познаниям я отметил чрезвычайно мезозойский характер окружающего пейзажа, и был бесконечно рад оказаться живым и здоровым так далеко в прошлом нашей планеты. Я не забывал, что Питер, моя винтовка и я сам еще не появились на свет; что пройдут бесчисленные века, прежде чем родится палеолитический человек, и что его кремневые орудия представляли собой в ту пору морские губки на дне могучих океанов. Сперва меня даже не смутило одиночество и непредставимые пропа-

сти времени, отделявшие меня от себе подобных. Напротив, я всему радовался; я убедился, что нахожусь в юрском периоде, и весело рассмеялся, подумав, что примерно на двенадцать миллионов лет опередил любого охотника на крупную дичь. О, я был великодушен. Я вспомнил о Кювье, Гексли, Оуэне, Тиндале, Дарвине, Гейки, Марше, Циттеле, Хатчинсоне и тысяче других знаменитых натуралистов и палеонтологов, которым так понравилось бы провести это прекрасное утро среди чудес далекой эпохи; я мечтал о том, чтобы все они очутились здесь, под защитой меня самого, моего ремингтона и Питера.

Я стоял на берегу озера, в болотистой местности. Вокруг царили вулканы; на горизонте я насчитал около дюжины — над ними вздымались к покрытому тучами небу облака дыма. День выдался пасмурный, дождливый; порой падали тяжелые капли, но в промежутках между ливнями погода оставалась сносной. Меня окружали огромные древовидные папоротники, а над заболоченной полосой у края воды высились целые джунгли плаунов, неуклюжих ликоподий и кое-каких видов хвойных.

У границ этого внутреннего моря кипела насекомая жизнь. Мириады колоссальных moskitov с размахом крыльев дюймов в семь плясали над водой рядом с гигантскими стрекозами. Время от времени из воды, как форель, выпрыгивала ганоидная рыба и пожирала одну из них; поведение для бесчешуйчатых рыб довольно странное, но я не был расположен к критике. Этим ганоидам, между прочим, приходилось не так-то легко. Тут и там их преследовали рыбащеры, или ихтиозавры, и тысячами поглощали их на поверхности воды; плезиозавры с лебедиными шеями и головами ящериц также хватали ганоидов, и одни небеса знают, какие опасности подстерегали бедных рыб в глубине вод.

Затем произошло поразительное событие. Внезапно и без всякого предупреждения, над верхушками пальм пронесся чудовищный воздушный змей с длинным хвостом и двадцатифутовыми крыльями. За ним последовал другой, и мне вдруг пришло в голову, что то были зон-

тики. Подобное открытие, пусть и сделанное во сне, повергло меня в изумление. Я никак не мог понять, отчего эти изобретения человеческого ума свободно летали в мезозойском воздухе и кто мог их обронить; но мгновение спустя меня осенило. Эти летуны были вовсе не зонтиками, а парой отличнейших птеродактилей. Я решил рискнуть, вскинул верный ремингтон и выстрелил. Никогда раньше я не имел дела с оружием; можете представить себе мою гордость, когда я увидел, что подстрелил более крупного из них. Он рухнул вниз и Питер безрассудно метнулся за ним. Мой бесстрашный маленький друг едва не погиб. Да уж, сложно ухватить и принести хозяину злобного птеродактиля, который хлопает двадцатифутовыми крыльями, щелкает сотнями острых зубов и демонстрирует истинно доисторическую жажду жизни! Могу смело сказать, что ископаемые останки не дают никакого представления о ярости этих летающих драконов. Несмотря на смертельную рану, зверь твердо вознамерился расправиться со мной и Питером. Мне пришлось перезарядить ружье и выстрелить птеродактилю в глаз. Он обхватил себя трепещущими крыльями, спрятал в них голову и умер. Я запомнил место, где он лежал, чтобы забрать его по дороге домой. Видно, мне почудилось, что я собираюсь открыть где-нибудь неподалеку мезозойскую водолечебницу — «в отличной вулканической местности, с роскошными морскими купаниями, охотой на птеродактилей и лаун-теннисом. Цены умеренные».

Размеры первой жертвы заставили меня задуматься. Если такие громадные существа летают по воздуху, рассудил я, на твердой земле должны водиться создания покрупнее. Я знал, конечно, что здесь должны быть динозавры. Лучшие образчики, как я помнил, иногда достигали почти двадцати футов в высоту; многие ходили на задних ногах и, хотя некоторые виды ограничивались растительной пищей, другие были хищниками и вполне могли предпочесть на обед архидьякона. Я боялся и за Питера. На каждом шагу он мог выкинуть что-нибудь неразумное и лишиться жизни. Сам я решил, что никакие донкихотские представления о

заповедях добропорядочного охотника не должны сказаться на моей безопасности. Дабы вы поняли, что я имею в виду, стоит упомянуть, что следующей моей жертвой стал телеозавр. Я застрелил его, когда он спал у реки. Он лежал спиной ко мне, с закрытыми глазами, так что я покончил с ним без малейшего труда. Он оказался крокодилей мелочью длиной футов в двадцать; умер он, так сказать, с улыбкой на устах. Я подумал, что из шкуры этого чудовища можно изготовить превосходные портсигары в подарок друзьям.

Я двинулся дальше, зная, что впереди меня ждет крупная дичь. Вокруг меня свободно прыгали маленькие динозавры ростом с кенгуру, но я берег заряды, так как понимал, что в любую минуту они могут мне пригодиться. Мой спутник давно утратил всякое самообладание. О гармонии с окружающей природой не могло быть и речи. Кот понял, что представляет собой всего-навсего пропитание для зверей покрупнее, и вскочил ко мне на плечо, определенно собравшись, в самом крайнем случае, погибнуть со мной вместе.

С каждой минутой размеры фауны все увеличивались. Из зарослей камыша высотой в десять футов высунул голову покрытый броней динозавр, называемый сцелидозавром. Его диковинная спина топорщилась щитками и шипами, а глаза величиной с тарелку отливали голодным блеском. К счастью, зверь нас не заметил; тем временем я пришел к заключению, что стрелять лучше все-таки по необходимости, и застыл на месте, пока существо с шумом не погрузилось в воду. Затем я посетил его лежбище и попутно разрешил загадку, над которой ломали голову все палеонтологи. Я нашел гнездо динозавра с четырьмя яйцами в нем и тем самым навсегда закрыл великий вопрос. Да, динозавры определенно откладывали яйца. Те, что попались мне, напоминали на ощупь лягушачью кожу, лежали по отдельности и были чуть больше солидных тыкв. Я продолжал бы их рассматривать, но услышал, что мама-динозавр возвращается и поспешно ретировался, не осмеливаясь встретиться лицом к лицу с броненосным и проникнутым материнским инстинктом созданием двенадцати футов ростом.

Здесь я мимоходом замечу, что мой черный кот наконец обнаружил нечто мельче себя — прыгающего динозавра величиной немногим больше крысы. Кот с триумфом уничтожил его, частично съел и почувствовал себя много лучше и храбрее.

Я собирался, понятное дело, застрелить одного из этих «допотопных драконов». Но мне нужен был крупный экземпляр. Я опоздал ко временам анхизавра — гиганта, чьи следы и отпечатки хвоста были найдены в формации нового красного песчаника — и прибыл слишком рано для клаозавра, который в меловом периоде попросту обедал верхушки пальм и кроны деревьев; но я знал, что повсюду могли таиться хищные колоссы-цератозавры; знал также, что на лбу у них росли рога, что они одним прыжком покрывали расстояние в двадцать футов и что каждый их след обычно занимал около квадратного ярда земли. Эти размышления заставили меня вести себя осторожно; я даже занервничал. Затем я вспомнил о страшном стегозавре, другой знаменитости юрского периода. Он имел обыкновение прогуливаться на четвереньках; природа снабдила его пластинами и шипами, массивным телом длиной примерно в тридцать футов и двойным набором мозгов: один мозг находился в голове, а другой возле хвоста.

У меня зародилось дурное предчувствие, что стегозавр бродит где-то рядом. Не успел я свернуть за угол, как увидел своего верного товарища — с выгнутой спиной и чуть ли не в челюстях упомянутого монстра. Стегозавр, как видно, позабыл и о передних, и о задних мозгах. Он просто стоял и моргал глазами на Питера, не двигаясь и не причиняя коту никакого вреда, так как был вегетарианцем. Мне не хотелось стрелять в величественного зверя; оно и к лучшему — не прошло и пяти минут с тех пор, как он убрался восвояси, и я вплотную столкнулся с еще одним первобытным экспериментом природы, с одним из самых восхитительных, фантастических и вспльщивых динозавров, когда-либо выходивших из ее мастерской. Передо мной стоял трицератопс — чудище с шестифутовой головой, начисто лишенной мозгов, и темпераментом десятка дьяво-

лов. Он был дурно воспитан и не умел сдерживать свои порывы даже в присутствии архидьякона. Зверь наклонил свои громадные рога и яростно ринулся на меня; я продолжал спокойно и хладнокровно стоять на месте, благо речь шла о видении. Подпустив трицератопса поближе, я выпалил в него из обоих стволов. Попал я главным образом потому, что промазать никак не мог: его туша закрыла собой весь удивительный мезозойский пейзаж. Зверь упал в пяти ярдах от меня, соорудил свирепую гримасу и мирно испустил дух.

То была грандиозная минута, и мой успех вдохновил нас обоих (меня и Питера) на новые подвиги. Мы расположились на обед в тени павшего трицератопса; я обнаружил, что сумка, висевшая у меня на плече, содержит флягу с весьма приемлемым ирландским виски, пакет с бутер-

бродами и несколько сигар. Помню, я начал раздумывать, откуда взялись эти бутерброды, кто их для меня приготовил и из чего. Может, бутерброды были с мясом динозавра или ихтиозавра. В сумке нашелся и пирог — по вкусу он напоминал голубиный, но начинка состояла, должно быть, из мяса птеродактиля. Пирог понравился Питеру гораздо больше, чем бутерброды.

Самое замечательное приключение было еще впереди. Я отдыхал после обеда, допивая виски и покуривая сигару; черный кот бродил вокруг. Внезапно самый странный звук, когда-либо терзавший слух смертного, вторгся в мои уши. Я никогда и близко не слышал ничего подобного. Не знаю, как его и описать — нечто среднее между шипением змеи и курлыканьем голубя. Звук этот исторгал первобытный зверь, явно соединивший в себе вокальные дарования птицы и рептилии. Естественно, необычайный звук поразил меня, ибо птицы были чужды этому миру. Некоторая мелодичность, однако, заставила меня предположить, что загадочное создание обладало, по меньшей мере, наполовину орнитологическими свойствами.

— Питер, — обратился я к крайне возбужденному звуками коту, — где-то здесь обретается археоптерикс! Никакое другое юрское существо не сумело бы издать такую пародию на музыку.

И я оказался прав. Минуту спустя я увидел археоптерикса: он сидел на пне сломанного дерева и пел или считал, что поет. Я молча прислушивался к первым нотам птичьей музыки; я, знакомый с лучшими певцами из жаворонков, дроздов и соловьев, слушал этого напыщенного археоптерикса, который заливался во все горло. Жалко было видеть, как гордился он своим пением и как наслаждалась им его самка. Он был первой певчей птицей, созданной природой; понятно, он не мог вообразить ничего лучше своего примитивного строения и нелепого голоса. Он клекотал, шипел, пищал и даже пытался издавать трели. Затем Питер, признавший в нем, несмотря на крылья с когтями и зубы, настоящую птицу, прыгнул на незадачливого археоптерикса, одолел его в тяжелой борьбе и радостно потащил ко мне.

Вскоре мы уже шли по берегу моря, переступая через многочисленных черепах и огибая спящих ящеров, иные из которых достигали тридцати футов в длину. Там меня постигло несчастье, и я потерял верного Питера. Глупый кот стал чересчур предприимчив. Ознакомившись с юрскими чудесами, он утратил бдительность и подошел слишком близко к воде. В этот момент голодный плезиозавр высунул из волн десятифутовую шею, и Питер навеки утратил интерес к мезозойским материям. Я очень горевал. Питер был звеном, соединявшим меня с будущим. Он принадлежал моей жене, и я представлял себе, какую горечь утраты испытает она при вести о безвременном конце его колоритного существования. Затем я вспомнил, что от Адама и Евы меня отделяли миллионы лет. Эта мысль привела меня в чувство, и я впервые ощутил, как одинок был здесь, вдали от человечества. Неделей ранее пошел шестидесятый год моей жизни, и в человеческом смысле я вряд ли мог надеяться дожить до начала христианской эры. Я злился, понимая, что умру за двенадцать миллионов лет до рождения собственной жены; что хорошего быть архидьяконом англиканской церкви за долгие века до того, как «Британия первой, по воле Небес» поднялась из лазурных вод? До боли ясно было одно: на протяжении многих тысячелетий у меня не будет ни работы, ни заработка. Помню, я больше всего беспокоился о заработной плате и о том, что никогда не увижу свой собор. Даже при самом великодушном подсчете, этот мир добрался лишь до двадцатого стиха первой главы книги Бытия! Честно говоря, я пал духом; и в этот миг отчаяния мне повстречался *Brontosaurus Excelsus*, один из самых крупных динозавров. Он перемещался на четырех ногах, достигал шестидесяти футов в длину и весил, вероятно, двадцать тонн. Мне было все равно. Он с молчаливым презрением миновал меня и направился к воде; помнится, я в свою очередь окинул его насмешливым взглядом.

— Ты огромен и неуклюж, но уступаешь атлантозавру. Он умел вставать на задние ноги и ходить, как я, царь зверей и архидьякон!

Но бронтозавр не обратил на меня внимания. Сомневаюсь, что он слышал меня; все эти травоядные — ленивый, сонный и ни на что не претендующий скот. «Какой смысл, — с горечью сказал я сам себе во сне, — дорасти до шестидесяти футов, когда у тебя нет ни мозга, ни речи? Лучше уж быть камнем или деревом, чем одним из таких пустоголовых созданий. Природа, впрочем, еще дитя, вот она и возится с топорными игрушками и глупыми куклами».

И тут на глаза мне попался след, который заставил меня затаить дыхание. Я понял, что это след цератозавра, а этот ящер зависел от животной пищи и не боялся никого. Громадные лапы оставили глубокие отпечатки во влажной почве. Между ними тянулась глубокая борозда, как будто динозавр тащил за собой большой плуг. По-видимому, то был след громадного хвоста. Было также очевидно, что зверь привык передвигаться на двух ногах; судя по растерзанным останкам чудовищ поменьше, попадавшимся на тропе, по пути он несомненно закусывал.

Тучи стусились, начали падать отдельные тяжелые капли дождя. В воздухе висел вулканический запах. Совсем рядом гигантский динозавр хрустел чьими-то костями. Мое сердце забилося сильнее; я глянул на ремингтон и, собрав все свое мужество, двинулся вперед.

За рощицей хвойных деревьев я вышел на цератозавра. Он только что покончил с небольшим крокодилом и искал другого, когда завидел меня. Я никогда не предполагал, что на свете бывает такая могучая, грандиозная масса плоти. Его пасть была открыта, голова огромна, зубы страшны. Широко раскрытые глаза не уступали в размере колесам паровоза, шея высилась, подобно башне, тело являло стадо слонов. Мне недоставало опыта, но все же я понимал, что передо мной стоит хищный динозавр намного больше тех, чьи ископаемые кости до сих пор попадались ученым. Собственно говоря, он совсем не стоял. Гигантскими шагами он приближался ко мне, вытянув голову, словно змея. Ростом он был, как мне показалось, около пятидесяти футов, но точные измерения и научные наблюдения, понятно, были исключены. Зверь приближался так быстро, что я лишь

успел нацарапать скорописью несколько цифр на манжете. Только две вещи беспокоили меня: выкажет ли динозавр уважение к моему сану и, если нет, остановит ли его мой ремингтон, когда он ринется на меня. Он наклонил голову и выпрямился во весь рост. Черным языком он облизывал губы — вне сомнения, предвкушая обед. Я выстрелил в нужный момент, но на зверя это не произвело никакого впечатления, и секунду спустя он навис надо мной, а я повернулся, собираясь бежать. На мой духовный сан динозавру было наплевать; зверь подверг его суровому испытанию — не сгибая массивные задние ноги, он наклонился, сжал меня в когтях и поднял футов на двадцать пять в воздух. Не понимаю, как выдержали моя одежда и белье: даже в это роковое мгновение я удивился тому, что ни единый шов не разошелся. Динозавр издал низкое горловое шипение, прижал меня к груди, согнул шею и, вращая громадными глазами, обнажил клыки. Я не мог пошевелиться, все мои чувства и мысли были точно парализованы. Голова зверя покачивалась надо мной, на щеке я чувствовал его гнилостное дыхание, желтые глаза смотрели мне прямо в лицо, твердый нос тыкался в ребра. Затем ко мне вернулась способность сопротивляться. Я бился, размахивал руками и ногами и кричал. Пока я боролся, жуткая хватка зверя понемногу начала ослабевать, а очертания тела расплываться; но желтый глаз с каждой минутой разгорался все ярче. Постепенно я начал просыпаться. Проявились очертания современной обстановки, я заметил общий беспорядок, затем потолок своей спальни и другие знакомые вещи. Желтый глаз продолжал гореть. Я ахнул и вырвался наконец из этой кошмарной хватки, весь мокрый от пота, дрожа от ужаса, испытанного при виде динозавра. Занимался рассвет, кругом валялись смятые одеяла и простыни. Я осознал, что чуть не упал во сне с кровати, и там, где во время мирной дремоты обычно покоились мои ноги, теперь лежала голова. Но желтый глаз все горел, пока я окончательно не понял, что яркая точка была всего только большим медным набалдашником в изножье кровати.

Только тогда я вернулся к действительности и обнаружил себя в начале двадцатого столетия.

В тот день за завтраком Питер, как водится, мяукал и выпрашивал сардинку. Но когда я спросил, «А как насчет того птеродактиля, старина?» и «Каково было внутри плезиозавра, дружище?», он вместо ответа принялся месить меня передними лапами и привычно замурлыкал. Наш Питер — приличных размеров кот, но в то утро, после увеселительной прогулки в мезозой, меня поразило, какой он в сущности маленький.

Аброз Бирс

ПО ВЕЛЕНИЮ АКУНДА

ПО ВЕЛЕНИЮ АКУНДА

В 4591 году Его Величество Акунд Цитрусский милостиво поручил мне исследовать неизвестную область, лежащую к востоку от Предельных Холмов, которые, как утверждал просвещенный археолог Симеон Такер, соответствуют «Скалистым Горам» древних. Этим доказательством благорасположенности Его Величества я был обязан, несомненно, некоторой известности, приобретенной мною вследствие исследований в самом сердце Теневой Европы. Его Величество любезно предложил снарядить большой экспедиционный корпус, который будет меня сопровождать; мне также предоставили наилучшее оборудование на мое усмотрение. Я мог рассчитывать на любую сумму из государственной казны и необходимые научные приборы из королевского университета, какие только могли понадобиться для моих нужд. Отклонив эти предложения как излишнюю обузу, я взял свою электрическую винтовку, портативный водонепроницаемый контейнер, содержащий несколько простых инструментов, письменные принадлежности и отправился в путь. Среди инструментов был, конечно же, беспроводной изохронофон, приемник которого я установил во дворце, в персональной трапезной Акунда. Его Величество неизменно обедал в одиночестве в 18:00 и просиживал за столом шесть часов; я намеревался посылать ему все мои отчеты в 23:00, во время подачи десерта, чтобы он был в курсе событий и смог оценить мои открытия и заслуги перед короной.

В 9 часов 13-го дня месяца Мейдж я покинул Санф-Рачиско и после утомительного путешествия, длившегося немногим меньше часа, прибыл в Болоссон, восточную станцию магнитного метро на вершине Предельных Холмов. Если верить Такеру, в древности это была Центральная Мирная Железнодорожная станция, которая носила имя Германа в честь знаменитого танцора. Профессор Наппер, однако, утверждает, что там находился древний Невраска,

столица Кикаго, и географы в целом также придерживаются этого мнения.

Не найдя в Болоссоне ничего, что могло бы меня заинтересовать, кроме прекрасного вида на извергающийся вулкан Карлема, я повесил электровинтовку на плечо, взвалил на спину контейнер с оборудованием и сразу же начал спускаться в дикую местность по восточному склону. По мере моего продвижения, характер растительности изменялся. Росшие на высотах сосны уступали место дубам, ясениям, букам и кленам. За ними следовали лиственницы и деревья, присущие влажным болотистым местностям; наконец, после непрерывного четырехмесячного спуска, я оказался среди первобытной флоры, состоящей в основном из гигантских папоротников, причем некоторые из них достигали целых двадцати *суринд* в диаметре. Они росли по краям обширных стоячих озер, которые я был вынужден пересекать на грубых плотах из переплетенных виноградной лозой стволов.

Я отметил, что изменения в фауне пройденной мной области были подобны изменениям во флоре. На верхней части склона водились одни горные бараны, далее я последовательно миновал местообитания медведей, оленей и лошадей. Последнее создание, которое, как были уверены наши натуралисты, давно вымерло и которое, по заверению Дорбли, одомашнивали наши предки, я в большом количестве обнаружил на покрытых травой плоскогорьях, где оно щипало зелень. Животное близко соответствует современному описанию лошади, однако все попадавшиеся мне экземпляры были лишены рогов, и ни один из них не имел характерного раздвоенного хвоста. Эта часть тела, напротив, напоминала кисть из прямых волос, свисающую почти до земли — удивительное зрелище. Еще ниже я наткнулся на мастодонта, льва, тигра, бегемота и крокодила, но все они мало отличались от тех, что кишат в Центральной Европе и были описаны мною в «Путешествиях по забытому матерiku».

В озерной области, где я теперь очутился, воды изобиловали ихтиозаврами, а по берегам игуанодоны с ленивым

безразличием переваливали свои мерзкие туши. Огромные стаи птеродактилей с громадными, как у быков, телами и невероятно длинными шеями галдели и дрались в воздухе, а их широкие перепончатые крылья издавали особое музыкальное гудение — ничего похожего я никогда не слышал. Между ними и ихтиозаврами шла непрерывная борьба, и мне постоянно приходили на ум строки древнего поэта, его великолепное и оригинальное сравнение человека с «первобытными драконами, что рвут друг друга на куски, катаясь в слизи».

Подстреленный из электровинтовки и поджаренный должным образом, птеродактиль оказался неплохой едой, особенно подушечки пальцев задних конечностей.

Как-то, проплывая на плоту вдоль береговой линии одной из застоявшихся лагун, я с удивлением обнаружил широкий утес, возвышающийся над водой примерно на десять *копретов*. Высадившись, я взобрался на него и, произведя экспертизу, опознал в нем остаток огромной горы, которая в свое время достигала 5000 *копретов* в высоту и, несомненно, являлась главным пиком длинного горного хребта. По продольным бороздам я определил, что она была стерта до нынешнего убогого состояния ледниковой деятельностью. Открыв свой контейнер, я извлек петрохронолог и применил его к изношенной поверхности утеса. Индикатор сразу указал на К 59 хрс $\frac{1}{2}$! Я едва преодолел волнение, получив столь удивительный результат: последние эрозии от ледяных масс на этом рудименте громадного хребта, стертого почти до основания, появились совсем недавно, в 1945 году! Я тут же использовал наймограф и определил, что в то время, когда эта гора подверглась действию льда, сползавшего на нее с севера, она называлась Пиком Пайка. Наблюдения с другими приборами показали, что в прошлом страна, на территории которой она располагалась, была заселена частично цивилизованной расой людей, известных как галуты, и их столица носила имя Денвер.

Вечером того же дня, в 23 часа, я настроил беспроводной изохронофон¹ и доложил Его милостивому Величеству Акунду следующее:

«*Сир*: Я имею честь сообщить, что сделал потрясающее открытие. Первобытная область, в которую я попал и о которой я информировал вас вчера — ареал обитания ихтиозавров — была населена племенами, значительно продвинувшимися в некоторых областях искусств почти что в исторические времена: в 1920 году. Они вымерли во время ледникового периода, длившегося не более ста двадцати пяти лет. Ваше Величество может оценить масштабы и могущество природной стихии, которая обрушилась на их страну движущимися пластами льда толщиной не менее 5000 *копретов*, стирая все возвышенности, уничтожая (безусловно) всю животно-растительную жизнь и оставляя лишь бездонные болота и развалины. Природа была вынуждена запустить новый процесс эволюции, начиная *de novo*, с низших форм. Давно известно, Ваше Величество, что регион к востоку от Предельных Холмов, между ними и Студеным Морем, когда-то был центром древней цивилизации, от которой сквозь бездну времени до нас дошли некоторые разрозненные обрывки истории, искусства и литературы; но только Вашему милостивому Величеству, посредством меня, Вашего покорного слуги и ничтожного инструмента, удалось установить поразительный факт существования доледниковых людей — хотя между ними и нами стоит, так сказать, стена непроницаемого льда. Не стоит и говорить, поскольку Ваше Величество это хорошо знает, что все исторические хроники этой несчастной расы погибли: мы можем восполнить пробелы в наших знаниях лишь по показаниям приборов».

---

¹ Эта сатира была опубликована в «San Francisco Examiner» задолго до изобретения беспроводного телеграфа, и поэтому я сохранил собственное название прибора (*Здесь и далее прим. авт.*).

На это сообщение я получил следующий, весьма необычный ответ:

«Хорошо... другую бутылку... лед тронулся: нажмите на... этот сыр тоже... не жалейте усилий, чтобы... передайте мне орехи... разузнайте все, что сможете... проклятье!»

Его милостивому Величеству подавали десерт, и подавали плохо.

Я решил идти в северном направлении, в сторону источника ледяного потока, и выяснить его причину, но, взглянув на барометр, определил, что нахожусь на уровне более 8000 *копретов* ниже уровня моря; движущийся лед не только изуродовал лик местности, прошелся по возвышенностям и заполнил впадины, но и своим огромным весом вызвал проседание земной коры, которая не восстановилась после того, как он растаял.

У меня не было никакого желания продолжать исследования в этой низине, равно как и идти дальше на север: я понимал, что не найду там ничего, кроме озер, болот и папоротниковых зарослей, населенных теми же примитивными и чудовищными формами жизни. Поэтому я двинулся восточным курсом и вскоре был вознагражден тем, что обнаружил вялотекущие потоки, такие же, как и те, с которыми я уже сталкивался на своем пути. Активно пользуясь новым дабл-дистанционным телеподом, позволяющим владельцу проходить расстояние в восемьдесят *суринд* вместо сорока и очень популярным в народе, я в скором времени снова оказался на значительном возвышении над уровнем моря и почти в 200-х *прастамах* от Пика Пайка. Немногим дальше, водотоки изменили курс на восток. Флора и фауна снова поменяли характер, теперь здесь произрастала редкая растительность, почва была мелкозернистой и сухой, а через неделю я оказался в регионе, абсолютно лишенном органической жизни и признаков почвы. Кругом был голый камень. Поверхность на протяжении сотен *прастамов*, по мере продвижения, оставалась почти

ровной с небольшим уклоном к востоку. Скалы были изоброждены необычным образом, борозды располагались концентрично и геликоидально искривлялись. Это обстоятельство озадачило меня, и я решил снять еще несколько показаний приборов, горько сожалея о своей непредусмотрительности — следовало воспользоваться разрешением Акунда взять с собой такое оборудование и помощников, с которыми я получил бы гораздо более точную информацию, чем могли мне дать простые карманные приборы.

Здесь я не буду вникать ни в детали своих наблюдений с имеющимися у меня приборами, ни в вычисления, полученные путем этих наблюдений. Достаточно того, что после двух месяцев работы я сообщил о результатах Его Величеству в Санф-Рачиско следующее:

«*Сир*: Для меня большая честь информировать вас о моем прибытии на западный склон огромной впадины, пролегающей с севера на юг через центр континента и ранее носившей имя Долины Миссисипи. Когда-то это место принадлежало богатому и процветающему народу, известному как пьюки. Теперь это обширное пространство, усеянное голыми скалами, с которого каждая частица почвы и всего живого, включая людей, животных и растения, была сметена ужасающими циклонами и разнесена на большие расстояния, осыпаясь на других территориях и в море в виде того, что называется метеорной пылью! Я считаю, что эти ужасные явления начались с 1860 года и продолжались с увеличивающейся частотой и силой в течение века, достигнув наивысшей активности в середине того ледникового периода, во времена которого исчезли галуты с соседствующими племенами. Существовала, конечно, родственная связь между этими губительными явлениями; несомненно, они возникли по одной и той же причине, каковую я так и не смог выяснить. Циклон, я осмелюсь напомнить Вашему любезному Величеству, это мощный вихрь, сопровождаемый впечатляющими метеорологическими явлениями, такими как электрические возмущения, ливни, темень и т. д. Он перемещается с огромной скоростью, всасывая в себя все и

перетирая в порошок. За много дней путешествия я не обнаружил ни одного квадратного *копрета* земли, которая не подверглась бы его воздействию. Если кто-либо и спасся, то, спустя короткое время, он должен был погибнуть от голода. Вот уже около двадцати веков пьюки представляют собой исчезнувшую расу, а в их опустошенной стране не способно выжить ни одно живое существо, если только оно, подобно мне, не запасется сжатыми жизнетаблетками доктора Блобоба».

Акунд ответил, что с радостью ощутил неизбывное горе при вести о судьбе несчастных пьюков; если же я вдруг найду древнего короля страны, нужно приложить все усилия, чтобы воскресить его с помощью патентованного реаниматолога и выразить ему высокое уважение от Его Величества; но поскольку политоскоп показал, что страна была республикой, я не видел смысла заниматься этим вопросом.

Мой следующий доклад такого содержания был сделан шесть месяцев спустя:

«*Сир*: Я обращаюсь к Вашему Величеству с точки, расположенной в 430 *копретах* над знаменитым древним городом Буффало, когда-то бывшим столицей могущественного народа, прозванного смагвампами. Я не могу подобраться ближе из-за очень плотного снега. На протяжении сотен *прастамов* в каждом направлении и тысяч — на север и запад, земля покрыта этим веществом, которое, как без сомнения известно Вашему Величеству, чрезвычайно холодно на ощупь, но при достаточном нагреве может превратиться в воду. Оно сыпется с небес и, как полагают ученые из числа приближенных Вашего Величества, имеет звездное происхождение.

Смагвампы были выносливой и разумной расой, но они глубоко заблуждались, полагая, что могли подчинить природу своей воле. Их год состоял из двух сезонов — лета и зимы, первый был теплым, второй холодным. С начала XIX века, согласно моему археотермографу, летние сезоны ста-

новились короче и жарче, а зимы — длиннее и холоднее. В любой точке их страны и каждый день в году стояла либо самая жаркая погода, когда бы то ни было зафиксированная в этой местности, либо самая холодная. Если они не гибли сотнями от солнечного удара, то тысячами мерли от мороза. Но эти героически стойкие люди продолжали бороться, полагая, что смогут приспособиться раньше, чем климат станет совсем невыносимым. Путешествовавшие по делам даже страдали ностальгией и с безумным рвением возвращались в пекло или мороз, в зависимости от сезона прибытия. Наконец, лета вообще не стало, однако последняя вспышка жары уничтожила несколько миллионов человек, оставив большую часть городов в огне, и воцарилась вечная зима.

Тогда смагвампы повели себя разумнее. Оценив окружающие их угрозы, они начали покидать свои дома, пытаясь перебраться к своим сородичам, калифорнийцам, на западную сторону континента, которая сегодня является благословенным царством Вашего Величества. Но было слишком поздно: с каждым днем снежные наносы росли все выше и выше, они оказались осаждены в своих городах и жилищах и были не в состоянии бежать. Последний из них погиб в 1943 году, и да помилует Бог его безрассудную душу!»

Исходя из этих данных, Акунд вынес царское заключение, что смагвампам был преподан очень хороший урок.

Несколько недель спустя, я сделал такой доклад:

«*Сир*: Страна, которую щедрость Вашего Величества позволяет Вашему преданному слуге исследовать, простирается на юг и юго-запад от Смагвампии на много сотен *прастмов*; на ее восточной и южной границах расположены, соответственно, Студеное Море и Пламенный Залив. Население в древности состояло из приблизительно равных долей европеоидов и негроидов, обладавших примерно одинаковыми моральными ценностями — по крайней мере, таковы

показания на шкале моего этнографа, когда он настроен на XX век в данной южной экспозиции. Европеиды назывались крекерами, а негроиды известны, как куны.

Я не нахожу здесь признаков бесплодия и запустения, характеризующих земли древних пьюков, и климат не такой суровый, как на территории погибших смагвампов. Что касается температуры, она довольно приятная, а почва чрезвычайно плодородна и вся поверхность земли покрыта плотной буйной растительностью. До сих пор я не нашел ни одного квадратного *смига* открытого пространства — везде логова каких-либо диких зверей, прибежища ядовитых рептилий или насесты агрессивных птиц. Это преемники давно вымерших крекеров и кун.

Ничто не может быть более устрашающим и опасным, чем эти бесконечные джунгли с внушительным обилием органической жизни в самых возмутительных ее проявлениях. Повторные наблюдения с помощью некроисториографа показали, что жители этой страны, которая была, так или иначе, обречена, были полностью искоренены одновременно с катастрофическими событиями, уничтожившими галутов, пьюков и смагвампов. Фактором их исчезновения послужила эпидемия желтой лихорадки. Разрушительные воздействия этого страшного заболевания часто повторялись, любая точка страны была очагом инфекции; но в некоторые сезоны эпидемия обострялась. Сперва каждые полвека, а потом и каждый год², вспышка инфекции, возникшая в одном месте, широко охватывала все области с таким губительным эффектом, что не хватало живых, чтобы ограбить мертвых; но с первыми морозами болезнь шла на спад. В последующие два-три месяца спада инфекции, глупые выжившие возвращались в зараженные дома, откуда раньше бежали, и дожидались там следующей вспышки. Эмиграция спасла бы их всех. Но когда калифорнийцы (чьими счаст-

---

² В свое время наивно полагали, что инфекция исчезнет, если уничтожить москитов, которые, как считалось, распространяли ее; но спустя несколько лет эпидемия вспыхнула с большей силой, чем когда-либо, хотя москиты покинули страну.

ливыми и преуспевающими потомками Ваше Величество имеет снисхождение править) снова и снова предлагали им пристанище на своей прекрасной земле, где болезнь и смерть были известны лишь понаслышке, они отказывались уезжать. Сообщаю к удовольствию Вашего милостивого Величества, что к 1946 году последний из них был мертв и проклят».

Проговорив это в передатчик беспроводного изохронофона (как всегда, в 23 часа), я приложил к уху слуховую трубку, уверенно ожидая привычной благодарности. Каково же было мое удивление и испуг, когда хорошо знакомый голос моего господина изверг поток ужаснейших проклятий в адрес меня и моей работы, сопровождаемый жуткими угрозами моей жизни!

Акунд решил отныне обедать на пять часов позднее, и я побеспокоил его на пустой желудок!

Чарльз Катлифф Хайн
ЯЩЕР

ЯЩЕР

Я никак не ожидаю, что широкая публика поверит рассказу, изложенному в этих записках. Они составлены исключительно с целью привлечь внимание мистера Уилфреда Сесилия Кординга (или Корди), если он еще жив, либо, в случае его смерти, сообщить его друзьям и близким некоторые известия о его последних часах. Дополнительные сведения любое заинтересованное лицо может получить, обратившись ко мне по адресу: до востребования, Кетльвелл, Уорфедейл, Йоркшир. Меня зовут Мак-Крей, и меня хорошо знают в тех краях. Почту мне перешлют, где бы я ни находился.

Данные события произошли два года назад, в последний день августа. У меня был пристрелянный охотничий участок над Кетльвеллом, но в то утро всю верхнюю часть холма скрывал туман и охота исключалась. С другой стороны, с двенадцатого числа я только и делал, что стрелял да стрелял, так что совсем не возражал против свободного от охоты дня, тем более что в окрестностях я обнаружил новую пещеру и хотел подробно ее исследовать. Кстати сказать, изучение пещер и охота были тогда моими главными развлечениями.

Новость о тумане принес мне в таверну мой смотритель, и я предложил ему составить мне компанию. Он под каким-то предлогом — не вспомню сейчас, каким — отказался. Я не стал настаивать. Жители тамошних горных долин смотрят на пещеры скорее со страхом, чем с пиететом. Они никогда бы не признались, что верят в призраков, но я подозреваю, что именно так и обстоит дело. Раньше я презирал их за малодушие, но в последнее время, так или иначе, начал их уважать.

Прежде мне доводилось брать в пещеры вынужденных спутников. Они вечно причиняли такие неудобства, что я считал за лучшее раз и навсегда избавиться от них. Поэтому, как сказано, я не настаивал на обществе смотрителя, но взял

свечи, спички в стеклянном флаконе, немного магниевой проволоки, моток веревки и большую флягу с виски — и отправился в пещеру один.

Облака над головой источали влагу, мелкий дождь моросил не переставая. Я шел по одной из трех дорог, ведущих из деревни; по какой именно, лучше пока не говорить. Спустя некоторое время я свернул с дороги и пересек вересковую пустошь.

Я искал свежий шрам на склоне холма, вызванный провалом потолка в одной из бесчисленных пещер, которые усеивают здешние известняковые возвышенности. Вскоре я вышел на нужное место, но туман был так густ, что только с десятой попытки я нашел пещеру.

Я не был здесь с 8 августа, когда впервые случайно наткнулся на пещеру — я как раз взбирался на холм, чтобы оценить количество птиц накануне открытия сезона. Я очень разозлился, когда увидел следы тяжелых ботинок и понял, что многие обитатели окрестных деревень тем временем успели побывать в пещере. Однако я надеялся, что большую часть следов оставили пастухи, а может, и мои собственные наблюдатели. Учитывая их страхи, я надеялся найти внутреннюю часть пещеры нетронутой.

Вход в пещеру не представлял сложности. Вначале шел туннель из торфяника и глины в форме дымохода; в грязи было заметно множество следов. После ход перекрывала наклонная преграда из беспорядочно упавших камней. Я полз по ней головой вперед, пока свет позади не ослабел. Становилось довольно темно; во избежание неприятных неожиданностей я зажег свечу, погрузился по колено в быстрый поток и продолжал путь. Очевидно, я находился в обыкновенной известковой пещере с захудалыми сталактитами и мокрыми от влаги стенами. Так далеко, судя по всему, никто не забредал, и я радостно шел вперед.

Вдруг я с некоторым волнением заметил, что потолок стал постепенно, но неуклонно понижаться. Похоже было на то, что дальше мне было не пробраться. Но одновременно дно потока начало уходить вниз; я побрел по ручью, надеясь проникнуть в глубины пещеры. В ледяной воде было

очень холодно — но меня, энтузиаста пещер, не могли остановить заурядные неудобства.

Потолок все понижался. Вода уже доходила мне до подбородка, воздух сделался душным. Я чувствовал разочарование: нежели я без всякой пользы промок до костей в ледяной воде?

Прихоти пещер, однако, необъяснимы. Только я решил, что с меня довольно, как потолок вновь ушел вверх; я снова мог выпрямиться. Через десяток ярдов я нашел сухой камень; я немного отдохнул и выпил глоток виски. Свеча теперь почти не рассеивала тьму над головой. Я зажег фут магниевой проволоки и огляделся. Пещера была великолепна.

Я не отвел себе времени на точные измерения и зарисовки, а после — по причинам, которые будут изложены ниже — и близко не думал этим заняться. Времени восхищаться также не было: я хотел до возвращения домой, так сказать, присвоить все основные ходы и очертания пещеры. Я был первым человеком в этой пещере и собирался описать свою находку как можно более полно. Среди исследователей пещер в таких делах, как правило, разгорается нешуточное соперничество.

Я пошел дальше по ровному каменистому полу; здесь и там мне приходилось обходить или пересекать водоемы, перелезать через округлые валуны, пробираться между свисавшими с невидимого потолка сталактитами и преодолевать скользкие заросли росших им навстречу из пола сталагмитов. Затем я увидел перед собой настоящее подземное озеро, занимавшее весь центр пещеры.

Вокруг виднелись темные пространства, но свеча их едва не освещала. Однако она горела достаточно ярко, что придавало мне уверенности. Одной из опасностей пещер является спертый воздух; недостаток чистого воздуха означает верную смерть для исследователя-одиночки. И все-таки воздух в пещере оставлял желать лучшего. В нем было что-то новое, а любой новый запах в пещерах всегда подозрителен. Пахло не торфом, железом, песчаником, известняком или грибковой порослью, хотя все эти запахи обычны для пе-

щер; нет, в воздухе витал легкий мускусный запах, показавшийся мне довольно тошнотворным. Такие вещи трудно определить, но незнакомый запах, который обещал, не исключено, новое открытие, совсем не воодушевил меня. По временам, когда я делал глубокий вдох, кожа у меня чуть не шла мурашками от этого запаха.

Подобные колебания ни к чему хорошему не приводят. Я отрезал еще фут магниевой проволоки, зажег ее от свечи и поднял горящий конец высоко над головой. Воды озера застыли недвижно, как зеркало черного стекла; его берега были изрезаны заливами и мысами; потолок, далеко в вышине, висел узорчатым сводом; на дальнем берегу озера виднелись завалы белого известняка.

Я бросил в черную воду камень. Зеркало (с удовольствием подумал я) пробудилось впервые за миллион лет и открылось рябью. Стоит целый год лазить по пещерам ради такой минуты!

Камень пошел ко дну с громким бульканьем. Озеро было очень глубоким. Но я уже промок до самой шеи и был не против еще раз искупаться. С помощью куска глины я прикрепил к кепке свечу; еще две зажег и оставил на сухой скале в качестве маяка; погрузился в черную воду и поплыл. Мускусный запах угнетал меня. Мне казалось, что он становится все сильнее, и поэтому не тратил время зря. Ширина озера, по моей оценке, составляла около тридцати пяти ярдов.

Дрожа, я выполз на противоположный берег среди груд белых известковых обломков. Здесь отчетливо чувствовался мускусный запах, такой сильный, что я закашлялся. Когда я поднялся на ноги, снова взял в руку свечу и глянул в темноту, у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я нашел источник запаха. Ярдах в десяти впереди, между разбросанных камней, я увидел изломанный «слепок» — какое-то чудовищное и странное животное нашло здесь могилу в далекие века прошлого; затем его останки выветрились, запечатлев в камне внешнюю скорлупу его очертаний и формы. Тысячелетиями она оставалась неизменной, подтачиваемая только каплями воды; и лишь какое-то содро-

гание земли, случившееся в последние несколько дней, тревожило ее — возможно, этот же подземный толчок открыл далеко вверх, на склоне холма, проход в пещеру.

Впадина «слепка» была завалена каменными осколками, но везде проступали контуры тела. Если осторожно убрать осколки, опытный мастеровой сможет сделать точную гипсовую отливку этого зверя, многие миллионы лет остававшегося неизвестным миру. Он напоминал ящерицу или крокодила; в воображении я уже начинал видеть его возрожденные формы в Национальном музее, а под ними табличку с моим именем как первооткрывателя животного, когда какой-то блеск среди осколков внезапно вернул меня на землю. Я наклонился и поднял блестящий предмет. Он оказался обыкновенным перочинным ножиком с белой рукояткой; в писчебумажных магазинах такие продаются за один шиллинг. С одной стороны было — по-видимому, гвоздем — выцарапано имя Уилфреда Сесилия Кординга (или Корди). Сначала гравер выводил буквы довольно аккуратно, но после работа ему надоела: имя «Сесиль» было написано вкривь и вкось, а фамилию я не сумел толком разобрать, так как ее скрывала сеть мелких царапин.

Вне себя от ярости, я забросил ножик далеко в воду и выругался. Для исследователя, сделавшего важное открытие, более чем неприятно узнать, что его успели обойти. С тех пор я не раз сожалел о своих опрометчивых словах, вырвавшихся в пылу гнева. Если Кординг (такова ли его фамилия?) жив, я приношу ему свои извинения. Если же, как я не без оснований подозреваю, он нашел в пещере ужасный конец, я хотел бы выразить соболезнования его родным.

Я глядел теперь на слепок ископаемого ящера. Радость открытия почти улетучилась. Я ощущал холод; гнетущий мускусный запах вызывал отвращение. Только одно, думаю, не позволило мне тут же вернуться к свету дня и долгожданной сухой одежде в Кетльвелле — мне казалось, что в камне подо мною проступают очертания еще одного слепка. Они были нечеткими, поскольку я видел их сквозь полупрозрачный известняк, при свете одинокой парафиновой свечи. Я раздраженно пнул камень ногой.

Несколько пластин откололись и упали на землю, и мне отчетливо послышался громкий треск.

Я ударил снова, сильнее; вложил в удар всю свою силу. Упали новые пластины, последовал целый залп трескучих звуков. При этом я не чувствовал, что бью ногой о камень — что-то поддавалось под каблуком. Я готов был поклясться, что мускусный запах усилился. Я впал в странное состояние: частью страх, частью возбуждение, частью же (я думаю) тошнота. Набравшись мужества, я задержал дыхание и начал бить по камню — снова, и снова, и снова. Пластины известняка взлетали в воздух и опадали дождем. Не оставалось сомнений, что под ними находится что-то упругое; теперь я понимал, что там покоится мертвое тело другого ящера. Вот это удача, вот это открытие! Я поздравлял себя с находкой тела доисторического зверя, веками пролежавшего сохранным в известняке, как мамонты в сибирских льдах.

Работа каблуком шла слишком медленно. Я прикрепил свечу глиной к скале, нашел удобный бульжник и начал обивать им пластины известняка; все это время мне помогала упругость скрытого под ними тела. От мускусного запаха кружилась голова, но я продолжал работать. Я больше не сомневался в успехе. Несколько раз я задевал костяшками пальцев грубую чешуйчатую шкуру зверя — шкуру анахронизма, который должен был умереть и рассыпаться в прах десять миллионов лет назад. Я гадал, принесет ли мне открытие титул баронета. В наши дни и мужи науки становятся баронетами в награду за громкие находки.

Я вдруг отпрянул: мертвая плоть будто зашевелилась под рукой.

Я тотчас же вслух отчитал сам себя.

— Тьфу! — произнес я. — Десять миллионов лет... Призрак давно протух!

Я вернулся к работе и нанес сильный удар по камню, скрывавшему от меня зверя.

И вновь испытал потрясение. Когда я нанес удар и поднял свое орудие, чтобы ударить снова, осколок камня взлетел в воздух, словно что-то надавило на него изнутри, перевернулся в воздухе, упал и покатился по земле. Кровь за-

стыла в моих венах, и на миг я ощутил тягостное одиночество и гулкую пустоту этой неизвестной пещеры. Но я сказал себе, что мне не привыкать; что все это детские страхи; взял себя в руки. Короче говоря, я проморгал намек. Я поправил свечу, подавил дрожь и начал изо всех сил колотить по расщепленному камню.

Еще дважды мне было даровано предупреждение, но я отмел все опасения во имя того, что мне уютно было называть холодным здравым смыслом. Однако на третий раз я выронил изношенный булыжник, как будто он обжег мне руки, и отпрянул в самом дичайшем ужасе, какой (да будет мне позволено сказать) сумел бы вынести человек, не сойдя с ума.

Сомнений не было — зверь шевелился.

Он шевелился, он был жив. Он корчился, напрягался и силился покинуть свое каменное ложе, где тихо пролежал бесконечные тысячелетия. Я оцепенело смотрел на это воплощение ужаса. Усилия зверя вздымали волны каменных осколков. Я видел, как перекачивались мышцы у него на спине. Всякий раз, когда он сотрясал стены своей тюрьмы, освобожденная часть его тела все увеличивалась.

Затем он, у меня на глазах, согнул спину, как упирающаяся лошадь, и высвободил шишковатую голову и длинные щупальца, издав, как обиженный ребенок, тонкий и тихий стон. Еще одно усилие — и он извлек длинный хвост и замер на груди каменных осколков, учащенно вдыхая воздух новой жизни.

Я глядел на него с болезненным любопытством. Его тело вдвое превосходило по размерам лошадиное. Голова была странно приплюснута, однако пасть раскрывалась почти до самых передних лап. Из ноздрей тянулись два громадных щупальца или усика длиной в шесть футов, с мясистыми, подобными пальцам наростами на концах, которые конвульсивно открывались и закрывались. Четыре ноги существа были лишены суставов и заканчивались простыми выступами или ороговевшими мозолями. Хвост был длинным и гибким; сверху его украшали расположенные как зубья пилы шипы. Он был весь ярко-зеленый, за исключением щу-

палец, которые отливали мертвенно-синим окрасом. Зверь был неопишуем; в современном языке нет нужных слов. В нем ощущалось какое-то жуткое уродство, и при взгляде на него становилось дурно.

Хуже всего был мускусный запах. Он все усиливался и наконец стал просто невыносимым. Хотя я чуть не задушил себя, пытаясь подавить любые звуки, мне в конце концов пришлось сдаться и уступить тошноте.

Зверь услышал меня. Ушей у него я не заметил, но он определенно меня услышал. Хуже того, он неловко повернулся на своих бессуставчатых ногах и выставил щупальца в мою сторону. Я не мог различить, имелись ли у него глаза; может быть, они прятались в складках грубой шкуры на голове. Органы чувств, как мне показалось, ящеру заменяли саженьные щупальца, а также сгибавшиеся и разгибавшиеся на их концах мясистые пальцы.

Зверь раскрыл громадную пасть, которая доходила, как я упоминал, до передних лап, зевнул и направился ко мне. В нем не чувствовалось ни страха, ни сомнений. Он неуклюже переваливался на толстых ногах, показывая на каждом шагу свое чудовищное уродство, и нес перед собой отвратительные щупальца — казалось, наделенные отдельной призрачной жизнью.

Какое-то время я оставался на месте, парализованный ужасом при мысли о том, что сам перенес это жуткое создание из забытого мира мертвых в мир живых. Потом одно из мертвенно-голубых щупалец, твердое и покрытое хитином, как клешня лобстера, прикоснулось ко мне. Мясистые пальцы ощущали мое лицо и обожгли меня, как пучок крапивы. Я пришел в себя. За десять миллионов лет вынужденного поста ящер проголодался; он видит во мне добычу; а эти страшные челюсти...

Я повернулся и бросился бежать.

Зверь последовал за мной. В тусклом свете единственной свечи я видел, что он уверенно бежит по моим следам, поводя щупальцами с дергающимися пальцами. Бежал он быстро. Его галоп, лишённые суставов неуклюжие ноги — все напоминало тяжелый диван, который вдруг пробудился к

жизни и поскакал по неровной местности. Но он определенно умел быстро бегать. Мало того, он все время увеличивал скорость. Сперва он плохо управлялся со своими застывшими от бесконечной неподвижности суставами, но вскоре окоченение прошло. Теперь наша скорость сравнялась.

Если бы этот огромный зеленый ящер проявил злость, рвение, хоть что-нибудь, было бы не так жутко. Но он охотился равнодушно, без всяких эмоций, и сознание этого отнимало у меня последние силы. В конце концов, когда он загнал меня в тупик среди скал, я был готов сдаться сам, лишь бы положить конец леденящему ужасу неизбежности. Я тупо подумал, не скрывался ли рядом с ним, в камнях, еще один доисторический зверь, и не сожрал ли этот зверь владельца перочинного ножа – Корди, или Кординга, так его звали.

Мысль о ноже принесла проблеск надежды. Я вспомнил, что в кармане у меня лежит надежный складной нож, с небольшими усилиями достал его и раскрыл лезвие. Щупальца ящера приближались ко мне, шевеля ободками мясистых пальцев. Я взмахнул ножом, лезвие скользнуло по броне. С таким же успехом я мог бы атаковать железный рельс.

И все-таки попытка не прошла даром. В каждом из нас, где-то глубоко, таится животная страсть к сражению, и в тот миг моя страсть пробудилась. Я не знал, сумею ли победить, но собирался нанести врагу как можно больший урон, прежде чем он меня схватит. Я дернулся, наступил одной ногой на спину зверя и перескочил через него. Ящер издал прежний тонкий, тихий крик и помчался за мной.

С бешеной скоростью мы метались, вертелись, прыгали и падали среди скользких валунов, и всякий раз, когда мы оказывались рядом, я бил зверя ножом. Мне так и не удалось найти слабое место в его броне. Грубая шкура прогибалась под ударами, но это было все равно, что пытаться проткнуть палкой толстый кожаный ремень.

Было понятно, что долго я не продержусь. Ящер набирался сил, энергии и, вероятно, тупой ярости, а я с каждой

минутой все больше слабел и уставал; я был весь в синяках и царапинах.

Наконец я споткнулся и упал. Зверь по инерции неуклюже пронесся мимо, не успев остановиться. В отчаянии я обхватил рукой и коленями травянисто-зеленый хвост и свободной рукой изо всех сил ударил ящера ножом в нижнюю часть тела.

Это наконец-то разбудило его. Он корчился, бросался в разные стороны и бился в неслыханной ярости. Крик зверя становился все пронзительней и достиг громкости паровозного гудка. Я упорно держался за его хвост и наносил свои жестокие удары. Громадный зверь изогнулся и попытался достать меня; но тщетно закидывал он назад синеватые щупальца — дотянуться до меня он не мог. И затем, увлекая меня за собой, он перестал метаться по пещере и ковыляющим аллюром направился прямо к воде.

Лишь у самой воды я разжал руки. Я видел, как ящер бросился в воду; поплыл, поводя мощным хвостом; нырнул и навсегда исчез.

Что было дальше? Я погрузился в воду вслед за ним и поплыл, отчаянно работая руками и ногами. Я плыл так, как не плыл никогда в жизни — плыл, спасая саму жизнь, к противоположному берегу. Если бы я помедлил, собрался с мыслями, я никогда бы на такое не осмелился. Теперь или никогда! Я мог либо рискнуть и встретиться с ужасами пещерных туннелей, либо остаться на месте — и угодить в пасть чудовища.

Не знаю, как я переплыл озеро и выбрался на берег. Не могу сказать, как мне удалось пересечь извилистую пещеру и залитый водой коридор. Не знаю, преследовал ли меня ящер. Каким-то образом я выбрался на свет, покачиваясь и спотыкаясь, как пьяный. Неверными шагами я пересек пустошь и оказался в деревне; люди разбегались в стороны при виде меня. В таверне хозяин завопил так, будто я принес чуму. Видно, я весь пропах невыносимым мускусным запахом, хотя сам этого даже не замечал. С меня сняли провонявшую одежду; меня уложили в постель; пришел врач и дал мне настойку опия. Двенадцать часов спустя я пришел в

себя и с тех пор благоразумно держал язык за зубами. Вся деревня желала знать, откуда взялся мускусный запах, но я только отнекивался и твердил, что не помню. «Думаю, я провалился в какую-то расщелину», — говорил я.

Но этом заканчивается мой рассказ. Я больше не спускаюсь в пещеры и отказываюсь помогать тем, кто их изучает. Если владелец ножа с белой рукояткой еще жив, мне хотелось бы поговорить с ним и сравнить пережитое нами; но если, как я обоснованно подозреваю, он мертв, эти страницы могут заинтересовать его родных. В Кетльвелле и других деревнях в округе о нем никто не слыхал; вполне может быть, что он добрался сюда по дороге Пейтли-бридж и затем пересек холмы. На ноже была нацарапана фамилия Кординг или Корди. Не уверен, как будет правильно. Меня, как я уже сказал, зовут Мак-Крей, и обо мне можно справиться на почте в Кетльвелле. Правда, я больше не охочусь на тамошних болотах и вересковых пустошах. Не могу дышать воздухом тех мест. В нем чувствуется какая-то злоеющая примесь.

Томас Чарльз Слоан

БОГ ПЕЩЕР

БОГ ПЕЩЕР

Шелдон, мой спутник по невероятному приключению, о котором я собираюсь рассказать, был бывшим армейским офицером. В какой-то битве с индейцами он получил ранение в колено, которое повлекло за собой неизлечимую хромоту, и с почетом вышел в отставку за несколько лет до нашего знакомства.

Он был большим, крепким человеком, а его быстрая речь и порывистые манеры свидетельствовали о немалой жизненной силе. По лбу его тянулся уродливый шрам, оставленный, как я понял, неким охочим до скальпов дикарем. Со временем я убедился, что его по-солдатски прямой ум был не лишен явственного поэтического начала и что грубый казарменный быт фронта не искоренил в нем тонкости чувств и изысканности вкуса, тянувшегося ко всему прекрасному и загадочному; в часы безделья эти его свойства служили своего рода изюминкой и придавали приятное разнообразие нашим беседам.

Характер и военный опыт Шелдона вскоре заставили членов нашего Охотничьего клуба все чаще прислушиваться к нему и следовать его примеру; и когда он предложил нам отправиться в горы Виргинии в осенний поход за индейками и прочей дичью, мы с готовностью согласились. Так мы и оказались в конце октября 1900 года на маленькой станции Браунхиллс, где нас встретил Хэнк Боулз, нанятый в качестве проводника и главного егера нашей охотничьей партии.

Нам был отведен старинный бревенчатый дом милях в двадцати от станции, окруженный гористой, поросшей густым лесом местностью.

К вечеру следующего дня мы достигли цели. Накануне нашего приезда в доме был произведен кое-какой ремонт, но обрушившийся камин не позволял развести огонь, и мы решили устроить кухню на открытом воздухе. В поисках наилучшего места для нее, я вышел на разведку; помню,

мое внимание привлекло росшее у дома высокое дерево гикори, чьи ветви частью нависали над крышей.

Спустя несколько часов после того, как мы легли спать, я был разбужен криком Каммингса. Я сел на кровати и увидел, что он стоит посреди комнаты, уставившись в потолок.

— Бога ради, что это с вами, доктор? — вскричал я, спрыгивая на пол.

Не успел Каммингс ответить, как с крыши донеслось низкое угрожающее рычание, сопровождавшееся сопением.

— Пума! — воскликнул Хэнк. — Я так думаю, это она на той неделе утащила теленка Доббина. Здоровенная! Погодите! — закричал он, хватая за плечо Каммингса, который направился было к двери. — Не выходите, иначе эта тварь разорвет вас зубами и когтями!

Пума, если это была пума, на протяжении его монолога хранила молчание, а затем вновь засопела и издала низкое, грозное рычание, точно ей не понравилось неуместное вмешательство Хэнка. По звуку я понял, что зверь переместился и сидел теперь прямо над дверью.

Шелдон, схвативший фонарь, начал искать ружье, и я вдруг вспомнил, что мы оставили наши винтовки снаружи, близ угла дома, рядом с упомянутым выше гикори.

— Идти туда — верная смерть! — убежденно заявил Хэнк. — Адская тварь тут же набросится на вас с быстротой молнии!

Зверя, несомненно, раздражали наши голоса. Он зарычал громче и еще более угрожающе; мы слышали, как его когти скребут по крыше, словно зверь старался поближе подобраться к добыче.

Я не обращал особого внимания на Шелдона, но после вспомнил, что он последним вскочил с постели, когда Каммингс поднял тревогу, да так и замер с побледневшим лицом, на котором был написан невыразимый ужас — совершенно не соответствующий, как мне показалось, его храброму духу и степени опасности. Овладев собой, он теперь, по видимому, впервые за все это время стал мыслить ясно. Схватив соломенную подушку, он быстро подошел к двери и взялся за засов, прислушиваясь и будто стараясь по-

нять, где именно находится пума, которая в ту минуту злобно рвала и скребла когтями крышу. Я содрогнулся, осознав, что свирепый зверь находится непосредственно у меня над головой; но прежде, чем кто-либо из нас догадался о намерениях Шелдона, он осторожно приоткрыл дверь. Вспыхнула спичка, и в следующую секунду Шелдон, придерживая над головой горящую подушку, бросился за оружием.

Пума тотчас перестала терзать крышу. Я услышал скрежет ее когтей — зверь с жутким рычанием прыгнул на дальний карниз.

Прошло секунд пятнадцать, показавшихся нам четвертью часа, и мы снова увидели Шелдона; он по-прежнему держал в руке пылающий щит, но принес две винтовки и достаточное количество патронов. Стоило Шелдону закрыть дверь, как я услышал, что пума соскочила на землю. Мгновение спустя она с разочарованным воем накинута на прочные доски двери.

— Стреляйте! — нетерпеливо закричал Каммингс.

— Пуля не пробьет дверь! — возразил Хэнк. — Но мы можем ее открыть и придержать. Пусть майор стреляет в щель.

Пока он говорил, мы заняли позицию и чуть приоткрыли дверь. При следующем броске разъяренного зверя Шелдон разрядил винтовку, как нам показалось, прямо в пасть пумы.

На миг воцарилась тишина. Затем раздался протяжный, пронзительный вой, как ножом полоснувший нас по ушам. Зверь снова взвыл поодаль, на поляне, затем снова и снова; промежутки тишины становились все длиннее, после вой окончательно стих в сердце леса.

— Ушла! — сказал Хэнк.

— Но не мертва, — отозвался Шелдон.

Каммингс рассказал, как вскочил с постели, услышав, что пума прыгнула на крышу — вероятно, с нависающей ветки гикори.

Утром о нашем свирепом ночном госте напоминало многое: несколько щепок на земле под скатами крыши, глубоко прочерченные следы когтей в грубом дереве двери и узкая кровавая дорожка, начинавшаяся на поляне и исче-

завшая в лесу. Хэнк пошел по этой дорожке и углубился в лес, но ничего не обнаружил. Тем происшествие и завершилось — если не считать последствий.

*Шелдон разрядил винтовку, как нам показалось,
прямо в пасть пумы.*

Мне выпало стоять на страже в тот первый день. Нервы все еще были напряжены, и я совершенно не возражал, когда Шелдон, извинившись перед остальными, выразил намерение составить мне компанию.

Около часа он просидел, проронив лишь несколько слов и вяло рассматривая лес, и вдруг резко спросил:

— Случалось ли вам воображать, что вы уже когда-то жили на свете?

Я уклонился от ответа.

— Возможно, Хоссман, я покажусь вам человеком до смешного суеверным, если скажу, что меня, как какую-нибудь выжившую из ума старуху, совершенно лишил спокойствия один сон. Этот сон, подобно бредовым видениям пьяницы, вертится вокруг странного, безымянного, непредставимого чудовища, к которому и я, и все вокруг относятся с поразительным сочетанием ужаса и благоговения.

Я молчал, не зная, что сказать.

Он продолжал:

— В той или иной форме этот сон посещал меня трижды. В первый раз это было в Таксоне; той ночью мой брат и весь его отряд были вырезаны на Хиле горными апачами! Второй раз сон приснился мне в Юме; на следующий день меня известили телеграммой, что моя жена умерла в больнице в Филадельфии! Минувшей ночью мне вновь, в третий раз привиделся этот сон, и тревожный крик Каммингса так смешался с воплями из мира теней, что я с трудом стряхнул пелену ужасной иллюзии; мне все казалось, что я нахожусь в храме Диона и сражаюсь за свою жизнь пред лицом Бога пещер!

Он посмотрел на меня с улыбкой — довольно вымученной, мне показалось — и продолжал, побледнев на глазах:

— Во сне редко вспоминаются предшествующие обстоятельства, и потому не важно было, кто я и откуда пришел. Я обнаружил себя на тропе, которая взбиралась на суровые холмы, вилась среди почерневших скал и ныряла в мрачные ущелья; оставив позади одно из них, я вышел на широкую дорогу и смешался с толпой пестро разодетых людей, спешивших на какой-то праздник. Подсознательно я понимал, что праздник этот очень важен. Дорога была усеяна обрывками красной материи и разноцветными перьями — конфетти карнавала. Люди вокруг наигрывали визгливые, жалобные мелодии, поднося к губам похожие на пастушьи дудочки инструменты; тут и там я замечал медный блеск оружия, мелькавшего в беспорядке чьих-то одежд, и с любопытством глядел на припрятанные мечи и кинжалы. Стайки девушек, рассыпая шутки, с юной веселостью протискивались сквозь толпу; они с совершенной свободой и полным

отсутствием робости или застенчивости заговаривали со своими избранныками. Одна из этих молодых женщин, скользнув мимо, кокетливо погладила меня по щеке; улыбка ярко расцвела в ее пляшущих глазах, и мое сердце рванулось к ней, хотя и почувствовал, что некоторые люди вокруг неодобрительно отнеслись к таким вольностям. Немного погодя, она снова пробежала мимо меня и намеренно оступилась. Помогая ей подняться, я запечатлел поцелуй на ее щеке, которая тотчас залилась темным румянцем, вызванным, как я полагал, отнюдь не возмущением. В тот же миг высокий человек в черных одеждах, оказавшийся рядом, обернулся и нанес мне удар коротким бронзовым мечом. Меч просвистел совсем близко и чуть не снес мне голову. Мой убор из перьев свалился на землю. Я заметил, что головы всех путешественников были украшены разноцветными перьями, и только на моем уборе перья были красными.

— Сын жреца! — дрожащим от ненависти голосом прошипел мой противник. — Разве мало тебе плодов земли, и ты захотел сорвать цветок?

— Клянусь огненной Птицей, это Торка, а с ним дочь Нарбина! Опусти оружие! Неужели не видишь ты, что летит он средь красных орлов Диона?

С грациозностью царедворца говоривший наклонился, поднял и возвратил мне шлем — но, повернувшись, плюнул на землю; его ненависть отравила дорожную пыль. Прежде, чем я успел задуматься о нападении первого и издевательской любезности второго, привлеченные ссорой люди разделили нас, и я услышал тихие слова осуждения.

Эти люди Нарбина (вооруженные, вопреки эдикту жрецов) направлялись в Дион, чтобы принести жертву Богу пещер. Я знал — если жертва будет принята, кровь нашего ордена обогрит алтари, и новая каста жрецов будет свершать богослужение меж людьми. Быть может, я успею принести известие об их планах до часа жертвоприношения, и злонамеренных людей Нарбина удастся остановить? Я быстро пошел вперед, надеясь попасть в Дион раньше заговорщиков, но вскоре убедился, что мои надежды были напрасны;

на каждом шагу меня ждала новая стычка, являвшая их дерзость и многочисленность. Когда меня беспричинно ранил в руку кинжалом незнакомец, которого я всего лишь пытался обойти на дороге, я понял, что повсюду мне грозит смерть; я был пленником, а цепи заменяли тысячи немых угроз, таившихся в каждом взгляде и жесте моих спутников.

Мы приближались к городу, и на дорогу уже легли тени его зубчатых, защищенных бойницами стен.

Задержавшись у величественных врат, я бросил взгляд на поле курганов и с недобрый предчувствием заметил работников, копошившихся на большой пирамиде Чальмы, где обретались гробницы жрецов. Я размышлял, не затронул ли заговор городскую власть — ведь я знал, что вход в пирамиду распаивался лишь для приема самых знатных особ. Мои спутники тем временем столпились вокруг, как стражи, тем самым не позволяя мне обменяться хоть взглядом или жестом с горожанами.

Так мы достигли изрезанного террасами склона, у подножия которого стоял храм. Мы миновали мрачный портал, во тьме и полном молчании прошли извилистыми коридорами и оказались наконец в огромном зале жертвоприношений, высеченном, по рассказам, в самом сердце горы. Мы распростерлись на полу, и в тишине, нарушаемой только отдаленными и еле слышными голосами жрецов, я осторожно огляделся.

Справа и далеко впереди шипел и курился дымом алтарь заклинаний; рядом стоял седобородый старец, единственным наследником плоти и крови которого был я сам. Лишь его голос мог призвать Бога пещер. Я надеялся, что произойдет чудо и его язык онемееет, что он не сумеет произнести древние заклинания и жертвоприношение, по крайней мере в этот день, будет отложено. Неподалеку зиял темный провал, ход в пещеру, откуда являлся чудовищный бог. Я напряг зрение, пытаясь что-либо разглядеть в непроницаемой тьме; напряг слух до звона в ушах, пытаясь расслышать звук первого мягкого взмаха незримого крыла. Слева свисал складками громадный багряный занавес, за кото-

рым торжественно свершался последний таинственный ритуал, переход избранника небес, без боли, вне смерти, в царство вечного блаженства. Шепот жрецов внезапно стих, и ясная громкая нота сделанной из раковины трубы прогремела в огромном зале. Вслед за ней эхом раздался тонкий голос:

— О Бог пещер, мы ждем тебя!

Подобно шуму падающих капель или пороху бесчисленных листьев, сливающемуся в глубокий и звучный голос могучего водопада, приглушенные голоса жрецов слились в единый глас:

— О Бог пещер, мы ждем тебя!

И снова тонкий голос:

— В совершенной тьме родился ты, о Крылатое Пламя Небес!

И вновь приглушенный громоподобный раскат эха:

— Ты приходишь к нам вековечным светом.

По временам, из отдаленных палат глубоко под землей, до меня доносился глухой барабанный бой: то жрецы пытались подстегнуть упрямое божество, ибо в минуты раздражения бог любил притворяться, что спит глубоким сном, и лишь страстные мольбы могли пробудить его к жизни.

Наконец в черном как смоль провале явилось бледное свечение, и непроглядная чернота постепенно обрела серебристый лунный отсвет. И тогда могущественный, потусторонний голос прокатился под сводами:

— Пусть никто не смотрит!

Свечение превратилось в поток бледного, дрожащего сияния, который устремился в зал, осветив самые темные уголки и сотни расprostертых на полу тел. Ритмический потаенный гул, подобный поступи Молчания, заполнил пространство вокруг, и в священном трепете перед Вечностью я закрыл глаза руками.

Осмелившись наконец бросить быстрый взгляд вокруг, я узрел свисавшую с величественной стены, что высилась за Покровом Превращения, гигантскую птицеподобную тень с огромными простертыми крыльями, испускавшую ливень неярких искр, как если бы ее окружали драгоценным оже-

*Я узрел свисавшую с величественной стены гигантскую птицеподобную
ть с огромными простертыми крыльями.*

рельем мирады светлячков. Она висела и медленно раскачивалась взад и вперед, как маятник, блеск ее славы накатывал и угасал размеренными световыми волнами, а ее зеленые глаза равнодушно смотрели на застывшие ряды безмолвных, недвижных жрецов. И тот, кто оказывался во власти чар этих месмерических глаз, навсегда прощался с земной жизнью, ибо становился избранником небес; сонмы певчих птиц в благословенных долинах нижнего мира звали его под сень зеленых рощ бессмертия. Туда понесет избранника сквозь темный лабиринт подземных дорог милосердный и ужасный Бог пещер. Долгие минуты тянулось это молчаливое, жуткое созерцание. Все мое тело, казалось, напряглось и дрожало. Я искал глазами жертву, поскольку хорошо знал, что ритуал готовился заранее и что расположенность и предпочтения жреческой иерархии служили надежной гарантией избранничества. Тишину вдруг прорезал прежний тонкий голос:

— О Господин Избранных! неужто кровь юности Диона стала водой, и никто не осмеливается искать твой одобрительный взгляд?

По толпе, словно порыв заблудшего ветра, прокатился тихий вздох. Мои натянутые до предела нервы расслабились, обычное восприятие вернулось ко мне, и откуда-то справа до меня донесся шум борьбы, точно там кого-то силой пытались удержать на месте. Затем раздались слова, произнесенные хриплым шепотом:

— Умри же, проклятый глупец!

За ними последовал захлебывающийся, придушенный крик. Подняв голову, я увидел, как кто-то приподнялся на руках и подался вперед; мелькнула другая рука, и прежде, чем первый упал, я увидел, что из спины у него торчит рукоятка кинжала. В тот же миг толпа в зале заволновалась, слева от меня поднялась стройная фигурка и осталась стоять, чуть покачиваясь в такт движениям громадной птицы.

Я был так заворочен этой необычайной пантомимой, что на секунду забыл об ужасном происшествии, свидетелем которого только что стал. Лишь несколько минут спустя я вспомнил о нем и осознал его значение. Тем временем тон-

кая фигурка продолжала ритмически покачиваться, пока из зеленых глаз птицы не брызнули сверкающие лучи, словно атомы растворяющегося изумруда. Фигурка медленно, как в трансе, двинулась к ней; я увидел, что это была девушка; мне не нужно было прислушиваться к тихим голосам вокруг, чтобы узнать в ней дочь Нарбина. Она скользила меж распростертых тел, не замечая их, а люди в благоговейном страхе отползали в сторону, освобождая ей путь. Не сводя зачарованных глаз с божественного создания, она приблизилась к Покрову Превращения и скрылась за ним. Затем, повинуясь невидимой руке, багряный занавес затрепетал. Раздалось тяжкое хлопанье крыльев, искры посыпались мерцающим дождем звездной пыли, раздался протяжный, громкий, пронзительный, разрывающий сердце крик — и Бог пещер исчез в занавешенном святилище!

Люди Нарбина вскочили на ноги, под сводчатым куполом зала звучал слитный гул восклицаний. Только сейчас я начал постигать смысл коварной уловки, путем которой, в присутствии верховного жреца, дочь Нарбина заняла место истинного избранника. Бог пещер принял жертву с благословения жрецов, которых должен уничтожить, ибо их собственная жертва была отвергнута. Некогда, в дни Чальмы, одного юношу, пешку в игре фракции недовольных, вытасили силой из-за занавеса; вместо него был предложен и принят другой — жрец правящего ордена. Не сумею ли я повторить это историческое чудо? Я заметил неуверенные и озадаченные движения жрецов, испуг на лице моего почтенного сородича. Черные перья Нарбина уже реяли у алтаря заклинаний. Я знал, что час пробил — нет, он безвозвратно уходил; я вскочил, преисполненный новообретенной отвагой, схватил копье, бросился вперед и раздвинул Покров. Здесь я остановился. Бог пещер снизошел на землю, и у моих ног простиралось огромное крыло, подобное сложенной золотистой накидке, а его полупрозрачные складки, как роскошная вышитая материя, были испещрены переплетенной сетью красных вен. В складках пряталось несуразно маленькое тело. Окружавшее его свечение трепетало с удвоенной быстротой, контуры тела судорожно и жадно сод-

рогались; я понял, что под ним лежит дочь Нарбина. Пока я стоял, не в силах пошевелиться, существо подняло голову и уставило на меня долгий, пристальный взгляд; с его клюва стекала кровь ужасного пиршества.

У моих ног простиралось огромное крыло.

Тянулись бесконечные минуты. Наконец моя кровь, застывшая от ужаса, согрелась в жилах и возобновила свой природный бег; страх оставил меня, и я приблизился к магнетической путеводной звезде моего существа, но тотчас отпрянул, не желая осквернить своей стопой ее золотую мантию.

И вдруг издевательский голос развеял чары:

— Не терпится Торке стать любимцем Бога? Не сейчас, о вдохновенный юноша — в один прекрасный день, быть может. Ибо Бог пещер видел тебя, и его не обманешь!

В то же мгновение чья-то могучая рука резко потянула меня назад, и я очутился вне пределов святилища. Глазам моим предстала кровавая бойня. Вокруг лежали десятки изуродованных трупов жрецов — с ними, безоружными, расправились прямо у алтарей. Престарелый верховный жрец пал там, где стоял, и его окровавленная голова — округлившиеся от ужаса глаза, раскрытый рот и нелепо высунутый язык — была насажена на медный посох понтифика и выставлена на алтаре заклинаний. Воздух еще звенел от криков воинов и был пропитан запахом смерти; я знал, что в городе царила анархия. Над моей головой промелькнул бронзовый топор Нарбина. Я вскинул руки, пытаясь уклониться. Но все было напрасно. Жестокое лезвие с шелестом ринулось вниз и распороло мое плечо, как бивень мастодонта; убегая, я споткнулся о собственную руку. Я упал и покатился под каменный трон верховного жреца; и когда меня настиг последний удар, принесший с собою ужасающую тьму небытия, я словно вновь заглянул в громадные зеленые глаза, окруженные красными кругами и мерцающие подобно зловеющим звездам в дрожащем облаке лунного сияния!

Так завершил свой рассказ Шелдон. Я долго не мог прийти в себя. Казалось, его подвигло на это признание неодолимое внутреннее побуждение; лихорадочный поток удивительного красноречия, торжественный тон, с каким он подражал жреческим заклинаниям, и быстрая смена выражений страха, благоговения и ужаса на его лице — все говорило о давно прошедших веках; в его словах, как сквозь трещину в стене, мне виделись неистовые политические битвы и варварское великолепие забытой доисторической расы.

Договорив, он отвернулся, глядя в сторону — и я, как и он, стал невольно искать глазами отрубленную руку Торки, чьи пальцы сжимались и содрогались в ядовитом кровавом тумане древней резни.

Голос Шелдона вывел меня из задумчивости; но хотя обычные манеры вернулись к нему, я после часто вспоминал сказанные им тогда слова:

— Мы назвали это сном, Хоссман. Давайте лучше назовем это воспоминанием.

Пока не вернулись остальные, я был не в состоянии думать о чем-либо другом и избавиться от кошмара первобытного ужаса, навеянного рассказом о судьбе Торки.

Похоже, примерно в двух милях от нашего лагеря Хэнк неожиданно набрел на след, по которому шел утром; кровавая дорожка вела через ущелье к нагромождению скал, где, как он считал, скрылась пума, чтобы умереть или зализать свои раны. Я с радостью заметил, что Шелдон проявил настоящий охотничий интерес к этой новости. Наши лучшие следопыты были уверены, что найти убежище пумы и покончить с ней, если она еще жива, будет нетрудно; и все единодушно согласились, что в награду за мужество и изобретательность, проявленные прошлой ночью, Шелдон достоин шкуры.

Вслед за Хэнком наша партия проследовала вдоль реки и благополучно прибыла к устью ущелья; там мы быстро вышли на след. Решено было разделиться на три группы — нам с Шелдоном досталось дно ущелья, а остальные должны были прочесывать склоны с каждой стороны. Мы рассчитывали вскоре поднять пуму; если она попытается бежать из ущелья, то на любом из склонов непременно встретит бдительного врага.

Крошечные багровые капли, видимые время от времени на плоском камне или упавшем дереве, заставили нас проделать немалый путь по берегу ручья, отвоевавшего для себя дно ущелья.

Дальше пришлось идти вверх, преодолевая валуны и кусты, которые скрывали от нас ручей. Чуть выше по склону мы обнаружили его исток: вода с силой вырывалась из наклонной расщелины в скале. Рядом мы заметили кровавое пятно — оно подсказало нам, что здесь должно находиться последнее прибежище пумы.

Мы решили осмотреть расщелину, но прежде Шелдон зажег фонарь, захваченный с собой в ожидании именно такого поворота событий.

Ступив в темноту, мы сразу же запутались в плотном сплетении ветвей мертвого кустарника. Кусты росли так густо, что мы были вынуждены продолжать путь по неглубокому руслу ручья. Вскоре из-за резкого наклона стен мы уже не могли идти выпрямившись, а затем нам и вовсе пришлось опуститься на четвереньки.

Пробираясь таким манером по расщелине, мы достигли своего рода канала или наклонного туннеля; он был чрезвычайно узок, и я начал побаиваться, что мы безнадежно застрянем. Я уже собирался высказать мысль об отступлении, когда ползший впереди Шелдон с натужным кряхтением и возгласом облегчения внезапно обрел свободу движений. Я был не так привычен к физическим нагрузкам и с трудом последовал за ним. Оказалось, что мы можем выпрямиться во весь рост, хотя и оставались по колено в ледяной воде. Какое-то время Шелдон сжимал ручку фонаря в зубах, а когда он резко высвободился из гранитной тюрьмы, фонарь потух; теперь он зажег его снова, мы огляделись и увидели, что стоим в гроте, по полу которого вьется наш ручей.

Мне не хотелось возражать Шелдону, однако продолжение поисков казалось мне совершенно безрассудным делом. Я вспомнил, что близится вечер, что на небе еще днем собирались грозовые тучи и что наши спутники не могли знать, где мы находимся. Еще одно возражение я постеснялся тогда высказать: в дальнем конце грота я заметил беспорядочную грудку камней и глины, которая случайно сложилась в виде головы и разверстых челюстей огромной жабы; из пасти ее вытекал ручей, напоминая жадный язык, готовый слизнуть какое-нибудь злополучное насекомое. Все это вызвало у меня острое чувство отвращения и страха.

Если бы мы решились идти дальше, нам пришлось бы пробираться сквозь горло этого гигантского, похожего на окаменелость монумента. Я счел это дурным знаком — сама Природа снабдила сокрытые во мраке тайны такими гроз-

ными воротами. Но Шелдон, я думаю, был далек от подобных размышлений; он успел опередить меня, и я услышал его голос, зовущий меня из внутренней пещеры.

Я неохотно двинулся на зов и вскоре оказался в просторном зале, тишину которого не нарушало, а скорее подчеркивало журчание небольшого водопада: ручей, в конце концов, должен был втекать в пещеру откуда-то сверху, и здесь он нашел на своем пути крошечный уступ.

Не обнаружив ничего интересного, мы через некоторое время вышли на расколотый и иззубренный каменный парапет, нависавший над бездонной бездной непроницаемой тьмы, куда в далекие века, по-видимому, рухнула изначальная стена. Наклонившись над краем, мы с помощью фонаря разглядели широкое углубление, густо усеянное упавшими камнями; тусклый свет позволял нам только гадать о глубине пропасти. Шелдон хотел было спуститься туда, но я отсоветовал, и мы решили подробнее осмотреть зал, где находились. Изучая его, мы сделали весьма странное открытие. На серой поверхности скалы, словно обведенный огненной кистью, проступал почерневший контур колоссальной летучей мыши с распростертыми крыльями. Казалось, она висела, цепляясь за стену. Рассмотрев ее более внимательно, я нашел, что она имела сходство, пусть местами и карикатурное, с попадавшимися мне изображениями и описаниями древних чудовищ — птеродактилей. Можно было подумать, что один из них присел отдохнуть на стену.

Шелдон встретил мое заключение нетерпеливыми вопросами, но избегал упоминать о мысли, которая, как я сейчас понимаю, вертелась и у него, и у меня в голове — а именно, что контур на стене близко напоминал чудовище из его сна.

Этот сатанинский портрет, вероятно, был обязан своим возникновением не более чем фантастической случайности; но мы оба испытывали к нему такой болезненный интерес, что я потерял всякое представление о времени и очнулся, лишь услышав необычный шум. Журчание водопада зву-

На скале проступал почерневший контур колоссальной летучей мыши.

чало теперь по-иному, а узкий ручеек превратился в ревущий поток. Долго думать о причинах этого не понадобилось. Снаружи наконец разразилась буря, и теперь тысячи потоков стекали с высоты в избранное ими русло.

Я в тревоге поспешил во внешний грот и увидел то, чего боялся. В туннеле, сквозь который мы с таким трудом протиснулись, бесновалось мощное течение; следовало отбросить всякую мысль о возвращении этим путем. Без сомнения, мы еще много часов будем оставаться пленниками пещеры!

Этот вывод, судя по всему, пришелся Шелдону по душе, хотя вслух он выразил большое сожаление. Его слова, однако, звучали неискренне и относились скорее ко мне. Почти сразу же он вернулся к созерцанию странных линий, выжженных на стене; его растущая отчужденность и сосредоточенный взгляд наполнили меня смутной тревогой, и я ощутил необъяснимое облегчение, когда он внезапно прервал молчание.

— Ну что ж, Хоссман, мне нравится афиша; не подождать ли нам спектакля?

Я был отнюдь не в восторге от зловещего духа этой шутки; зная, что нам предстоит провести в пещере несколько часов, я не отказался, впрочем, сопровождать Шелдона в дальнейшем исследовании подземного царства.

Мы вернулись к парапету и начали спускаться, нащупывая путь между усеивавшими склон камнями. Один из них, потревоженный моей ногой, несколько секунд катился вниз, а затем глухо ударился о дно и с плеском погрузился в невидимую воду. Другие камни, задетые им по пути, начали с грозным скрежетом оползать вниз. Страшась гранитной лавины, мы поспешно подались влево и вскоре очутились на широкой платформе, где каменных обломков было гораздо меньше; отсюда к краю темного водоема вел короткий крутой склон.

Мрачные воды едва блеснули в ответ на луч фонаря; если бы не падающие камни, можно было бы подумать, что мы стоим на краю бездонной вулканической шахты. Этот

водоем, как я позднее нашел, отличался немалой величиной; я обошел по периметру его inferнальные берега, но до сих пор не могу определить его истинные размеры.

Прежде, чем двинуться дальше, я попытался запомнить наше местоположение, отмечая любые необычные детали нашего окружения. Я выкатил на видное место большой камень и в качестве опознавательного знака прислонил к нему винтовку — было ясно, что темная утроба пещеры может скрывать колоссальный лабиринт.

Как и раньше, Шелдон пошел впереди, неся над головой фонарь. Так мы шли около часа. Я начал уже думать, что мы почти завершили обход озера, и стал внимательно смотреть вперед, ожидая увидеть за любым поворотом неровного берега какой-то признак исходной точки нашего пути.

Мой взгляд привлек какой-то блеск, показавшийся мне далеким отражением фонаря на поверхности воды. Через некоторое время, взглядевшись пристальнее, я почувствовал, как мои конечности внезапно онемели от необъяснимого страха — эти судорожные движения никак не соответствовали покачиванию фонаря Шелдона. Кто или что плясало в густой тьме над темной водой — бросаясь вперед, назад, вправо, влево, описывая быстрые изломанные прямые и медленные круги, словно блуждающая звезда, затерянная в необозримых пространствах вечной ночи? Затем я заметил пульсирующее, как у светлячка, свечение и мое горло сжала холодная рука неведомого Ужаса. Неужели над этим непроглядно-черным морем взлетело существо, которое Шелдон видел во сне? Та адская птица пещер, что поглощала кровь и плоть человеческих жертв? Предстала ли перед нами крылатая рептилия, достойный союзник лицемерного ханжества и гнета жрецов, во имя которой миллионы людей нашли свой конец в грязи и отчаянии?

Проклятое создание еще долго описывало неверную и бесцельную траекторию своего полета. Наконец оно приблизилось к берегу, но оказалось далеко за нами, и я мог разглядеть только светящиеся очертания.

— Понимаете вы, кого оно ищет? — спросил Шелдон.

Бедняга! Я почти забыл о нем. Я сразу же осознал, какое несчастье нас постигло.

Обернувшись, я схватил его за руку. В том же миг ружье выскользнуло из его безвольной руки и с плеском упало в воду. Я потянулся за ним, погрузил руку в воду по плечо; затем, держась за камень, опустил в воду ногами вперед и попытался нащупать дно. Оставалось надеяться, что винтовка легла на отмель у берега.

Пустая надежда! В этой черной дыре не было ни отмели, ни дна!

К счастью, у нас оставался фонарь. Схватив Шелдона, который волочился теперь за мной, как тряпичная кукла, я бросился вперед. Если только мы найдем вторую винтовку, можно будет навсегда покончить с ужасной властью этого существа, пережившего юность мира и злоеший век собственного владычества.

Сомнений не было, мы находились в логовище живого птеродактиля; было также очевидно, что существо способно освещать себе путь во тьме. Я подумал, что в природе, в конце концов, не так мало созданий, наделенных фосфоресцентным свечением. Наука не располагала сведениями о свечении птеродактилей, но в этом не было ничего удивительного, как и в том, что данное свойство, в сочетании со злоеющим обликом, оказало такое глубокое впечатление на умы и сердца первобытных людей.

Всякий след свечения вдруг пропал — скрывшись, несомненно, за каким-то утесом. Существо исчезло где-то на берегу, между нами и пещерным залом.

Эта пещера! Я задрожал от неудержимого ужаса, вспомнив о выжженной на стене тени.

Мое волнение мало-помалу улеглось. Неверные шаги Шелдона начинали беспокоить меня. Я наполовину пронес, наполовину протащил его бесконечную милю, но все еще не видел ни каменистого склона, ни винтовки у его подножия. Берег здесь изменился: сравнительно гладкая прибрежная полоса уступила место большим нависающим террасам, которые мы преодолевали с большим трудом. Мне приходилось постоянно помогать своему спутнику, который, каза-

лось, был не в состоянии сделать малейшее усилие. Вопреки гласу своего разума, я был вынужден признать, что он нуждается в отдыхе; рассудив так, я вскоре обнаружил глубокое углубление в скале, хорошо подходившее для этой цели.

Я заставил его лечь, потушил фонарь и разместился у входа. Шелдон через некоторое время заснул, и я слышал, как он бормотал обрывки слов и фразы на незнакомом языке. После и я, донельзя усталый, отдался объятиям покоя — во всем, помимо пробуждения, подобного смерти.

Я уверен, что проспал не больше десяти минут. Я раскрыл глаза и сразу подумал о Шелдоне. Его нигде не было! Я ощупью попытался найти фонарь. Он исчез! Вокруг была лишь темнота, плотная, как бархатный покров. В голове билась жуткая мысль — Шелдон бросил меня одного в этом страшном месте! Я осмелился позвать:

— Шелдон!

Я затаил дыхание, но не услышал в ответ ни звука.

Положение грозило самыми ужасными последствиями. Но я должен выжить — а для этого необходимо двигаться.

Я долго взбирался на четвереньках по скалам, вслепую нащупывая путь, и поднялся на много футов над озером; коленные чашечки разорвали кожу, руки были ободраны о грубые камни.

Внезапно мое жалкое продвижение прекратилось. Впереди на краю обрыва высился огромный валун. Я встал на ноги, прислонился к нему и тотчас отскочил. Камень под моим плечом зашатался!

В ужасе я пополз вокруг него, ощупывая дорогу правой рукой, как зверь копытом; но не успел я проползти и нескольких ярдов, как левая рука вдруг повисла в воздухе. Держась за край, я с нечеловеческим усилием выпрямился. Я едва не упал в пропасть. Как такое может быть? Обрыв оставался справа; а здесь снова обрыв — слева!

Поразмыслив, я разрешил загадку. Горизонтальный участок, по которому я полз последний час, заканчивался острым углом. Но что было внизу — берег или озеро?

Я зажег драгоценную спичку и держал ее, пока пламя не начало лизать пальцы, пристально вглядываясь в царившую внизу тьму.

Я зажег драгоценную спичку.

Я ничего не увидел. Пропась, куда я чуть не упал, была бездонна! Опасность парализовала меня. Голова кружилась, в водовороте тьмы мелькали огненные пятна. Я распростерся на земле и отполз за ненадежный камень. Мое движение нарушило равновесие колоссальной массы. Камень тяжело наклонился, закачался на краю и рухнул вниз.

Секунды невыносимого ожидания... Затем из глубин донесся далекий и гулкий звук падения. Дрожь снова и снова сотрясала землю. Но что за жуткое чувство? Земля и камни сдвинулись с места; скрежеща и стеная, весь утес сползал в

бездонные глубины; что-то подтолкнуло меня, как плечо напрягшегося гиганта, и я очутился в воде за много ярдов от берега.

Я был поражен и испуган, но ужас придал мне сил, а отчаяние мужества. По озеру ходили громадные валы, но я все плыл, спасая свою жизнь. Добравшись до берега, однако, я побоялся выйти из воды. По всей видимости, обрыв, отделявший озеро от каменистого плато, где я только что находился, исчез. Как скажется это на окружающих меня стенах? Долгие минуты я ждал; ничего не происходило, и наконец я выполз на берег и в бессилии растянулся на уступе.

Я слышал неутомонный плеск волн — вода в озере еще не успокоилась; оцепенение усталости сковало мои чувства, и в ужасном сне наяву на меня из непроглядной тьмы воззрились Торка с офицерскими эполетами на плечах и Шелдон с вероломной гримасой жреца; после они будто вместе склонились надо мной и слились воедино. Затем тонкий голос возопил:

— Во тьме родился ты, о Крылатое Пламя Небес!

Ответом было многоголосое бормотание, мгновенно прокатившееся, отражаясь от стен, по громадным приделам:

— И ты приходишь к нам вековыми светом...

Вновь ужасный тонкий голос:

— Неужто кровь юности Диона стала водой...

Но — что это? Другой голос!

— Э-эй!

И снова — на сей раз громче:

— Эгеей!

Нет, это не голос из сна, не вопль забытого духа в пещерах призраков! Я приподнялся и сел, прислушиваясь. До меня донесся отдаленный звук, похожий на щелчок бича.

Шелдон! Конечно, это Шелдон, и он нашел винтовку!

Дрожащим голосом, разбившимся на череду невнятных отзвуков, я издал ответное «Эгей!»

Оглушительное молчание.

— Шелдон! — закричал я, вложив все силы в этот крик.

Раздался далекий, неразборчивый ответ — но не эхо.

Забыв о темноте, о пропасти, о коварном чудовище, чье ящероподобное дыхание отравляло самый воздух пещеры, я побежал, не разбирая дороги. Внезапно, за поворотом берега, я замер. Менее чем в ста ярдах от меня, размахивая фонарями, стояли две фигуры.

Я не верил своим глазам. Шелдона там не было; передо мной стояли Каммингс и Хэнк. Меня они в темноте не видели и смотрели в другую сторону. Я с криком поспешил вперед.

Каммингс и Хэнк лишь мельком взглянули на меня и снова отвернулись. Затем первый осипшим от волнения голосом воскликнул:

— Бога ради, Хоссман, что это?

Я вышел из-под нависшего козырька, который сперва не заметил во тьме, и запрокинул голову. Слева от нас, ярдах в двухстах, озаряя пространство лучами бледного свечения, завис в воздухе птеродактиль; он был так близко, что мы слышали низкое гудение его крыльев. Он застыл, казалось, в полной неподвижности, рассматривая нечто скрытое от наших глаз.

Висящий в воздухе, с мерцающими крыльями, на концах которых выдавались блестящие когти — с жестоким оскалом крокодильей пасти, напряженной в дьявольском созерцании, и зловеще вытянутой громадной головой, сидевшей на изогнутой змеиной шее — он мог лишь пробудить в смертных смертельный ужас.

Пораженно глядя на него, я заметил, что он медленно и постепенно приближается к нам, словно его кто-то тянет на незримом канате.

А затем, о ужас! над каменистым краем утеса, где мы проходили несколькими часами ранее, видимое теперь в инфрэнальном свечении, показалось лицо человека!

— Шелдон! — ахнул Каммингс.

Шелдон, воздев глаза, карабкался по утесу. Затем он подтянулся, выпрямился и замер на краю. Он простер руки в молитвенном жесте, и мы отчетливо услышали заклинание жрецов Диона:

— О Бог пещер, мы ждем тебя!

— Что он говорит? — пробормотал Хэнк.

Птеродактиль внезапно откинулся назад, показав нам все свое тело и короткий тупой хвост; фосфоресцирующие пятна и кольца на его теле словно сливались в огненный покров.

— Он сейчас нападет! Шел — дон! Шел — дон!! Шел — дон!!! — закричал Каммингс.

Он вскинул винтовку, и его крик почти слился с грохотом выстрела; но пуля прошла много ниже цели — и нашла другую, случайную. Я увидел, как Шелдон дернулся, закачался и — рухнул в озеро. В тот же миг вниз, как метеор, пронесся птеродактиль, задевая воду крыльями. После он взлетел повыше и со свирепыми визгливыми криками принялся в ярости и разочаровании описывать круги над водой, а затем, заметив нас, ринулся в атаку; его зеленые глаза горели жадной мести, тяжелые челюсти лязгали с невероятной быстротой. Он несся на нас, шипя, как раздраженный гусь.

— Адская гарпия! — завизжал Каммингс, отбрасывая винтовку. Взлетев с прытью зайца на каменистый склон, он скрылся из виду.

Все это время я стоял, окаменев, весь покрытый холодным потом, вытекавшим, казалось, прямо из мозга.

Времени на отступление не оставалось. Я бросился на землю и кое-как спрятался за камнем — там я несколько часов назад оставил винтовку, что принесла смерть несчастному, безумному Шелдону. Чудовище не заметило меня и пронеслось надо мною в поисках Каммингса. Вскоре оно возвратилось и стало кружиться над местом, где исчезло в волнах тело Шелдона. Когда оно вторично пролетало надо мной, на руку мне упала капля красной пены, которую я поспешно вытер. Думаю, в ней содержался жестокий яд, ибо это краткое прикосновение по сей день продолжает отравлять меня.

Искать тело Шелдона было и опасно, и бессмысленно. Я тихо позвал Хэнка, он выбрался из своего убежища и мы незаметно прокрались вверх по склону, миновали пещеру

Я увидел, как Шелдон рухнул в озеро.

с абрисом птеродактиля на стене и через каменную жабью пасть выбрались в грот.

Здесь мы с Хэнком нашли Каммингса; он лежал без сознания. Мы вытащили его через туннель, теперь сравнительно свободный от воды, на свежий воздух и не без труда привели в чувство. Но в его глазах застыло безумие; вскоре он снова впал в забытие, и я приветствовал это вздохом облегчения.

Немного погодя, когда мы отдыхали у водоема, я отшатнулся от своего отражения — мои волосы совершенно поседели.

Той ночью Каммингс не переставая бредил, и нам пришлось сторожить его по очереди. На следующее утро мы под морозящим дождем добрались до Браунхиллс и вернулись на поезде домой.

Прошло много недель, прежде чем мой разум и тело полностью восстановились. В ночной тиши я не раз вскакивал с постели с криками ужаса, переживая во сне жуткие события, которые привели к смерти Шелдона, к безумию Каммингса, к моей преждевременной седине.

Два года спустя доктор Каммингс умер в санатории. Служитель рассказал мне, что до последнего мгновения он продолжал воображать, будто спасается от колоссального огненного чудовища; в бреду Каммингс именовал его Адской Гарпией.

Высказывалось предположение, что некоторые рептилии способны веками пребывать в спячке. Если так — быть может, в какой-нибудь темной, недвижной бездне до сих пор спит птеродактиль.

О примечательных видениях, которые Шелдон называл «воспоминанием», немного можно сказать. Однако я продолжаю удивляться необычайной фатальности его жизненно-

го пути, так тесно связавшей сон об одной судьбе с последними мгновениями другой. В минуту вдохновения я набросал его эпитафию, и после долгих размышлений нашел высказанные в ней мысли не такими уж странными:

ТОРКА,
ЖРЕЦ ДИОНА.
ДВАЖДЫ НА ПАМЯТИ ЛЮДСКОЙ ОН ИЗБЕЖАЛ
УЖАСНОЙ ГИБЕЛИ.
ДА ПОКОИТСЯ ЕГО ДУША С МИРОМ,
ОЖИДАЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА,
ИБО
НАЗНАЧЕННОЕ СУДЬБОЙ
СВЕРШИТ РОК.

Михаил Первухин
ЗВЕРЬ ИЗ БЕЗДНЫ

ЗВѢРЬ ИЗЪ БЕЗДНЫ.

Разсказъ М. Алазанцева.

Странная была эта компания: кафр Банга, который променял ассегай предков на винчестер и таскал на покрытой жесткими курчавыми черными волосами голове неимоверно дряхлую пробковую каскетку, боэр Пит Ван-Ховен из Марицбурга, дравшийся с англичанами под знаменами генерала Кронье, а теперь состоявший разведчиком на службе у какой-то английской компании золотых россыпей Родезии, и немец Адольф Бернштейн, специалист по орнитологии, а, кажется, еще больше по части выпивки, и бельгиец Кайо, Анри Кайо, страстный охотник, зачарованный, замороженный могучей волшебницей-природой Южной Африки и ради этой красавицы забывший свою далекую туманную родину.

Бог весть, где встретились, где сошлись они, но вот уже несколько лет они странствовали всюду вместе. Если где-нибудь вы встречали толстого, страдающего одышкой герра Адольфа Бернштейна с прячущимися между припухших красных век маленькими глазками, гоняющегося за каким-нибудь насекомым с сеткой в руках, то вы могли быть уверены, что где-нибудь поблизости находятся и остальные члены компании. В городе они сидят в темной и прохладной комнатухе грязного «бара». За городом вы отыщете их на какой-нибудь полянке у лениво горящего костерка, на огне которого поджаривается на вертеле тушка только что подстреленного южноафриканского зайца или ворчит, кипятся сердито, старый медный кофейник.

И тогда вы могли бы наблюдать картину: Анри Кайо, задумчиво помешивая обгоревшим сучком головешки в ко-

стре, напевает сквозь зубы какой-то старинный романс, говорящий об ивах над сонным каналом, о белокурых голубоглазых девушках, тенью скользящих под угрюмыми сводами старинного готического собора, о белых парусах, маячащих далеко-далеко в морском просторе, о призраках, несущихся с волнами тумана над охваченным дремотой маленьким городком. Рядом сидит, чистя ружье, флегматичный и молчаливый Пит Ван-Ховен. И никто не подумает, глядя на него, что этот человек, сражаясь против англичан, от своих товарищей получил прозвище «истребителя», потому что под его меткими пулями легло в сырую могилу несколько десятков английских солдат.

А кафр Банга, держась несколько в стороне, сидит на корточках, смотрит вдаль странно блестящими глазами и думает. Думает какую-то древнюю, как сам кафрский народ, думу. Видит не то, что расстилается перед глазами, а какие-то странные, кошмарные картины, Бог весть где рождающиеся, плывущие, исчезающие вместе с клубами дыма от умирающего костра, вместе с гаснущими во мгле ночи искрами... И вдруг засмеется. Или вскочит, судорожно сжимая ружье, словно копье, готовясь метнуть его в невидимого для других врага, и крикнет.

Это — слова вызова на смертный бой, насмешки, презрения, кидаемые в лицо крадущемуся в густой траве врагу.

А потом опять опустится на землю, и сидит, охватив мускулистыми руками колени, и как-то качается, словно пьяный.

В общем, это была странная компания, и недаром среди охотников Лимпопо и разведчиков Родезии о всех ее членах говорили, что их всех вместе «связал черт веревочкой».

Весной 1909 года они бродили в окрестностях озера Лунга: Бернштейн получил поручение какой-то берлинской фирмы доставить партию птичьих шкурок, Ван-Ховен воспользовался случаем побродить в непосещаемых еще европейцами областях Южной Африки, Кайо мечтал произвестить разведки «на золото» или «на брильянты» и в ты-

сячный раз толковал товарищам, что мифическое «море У-Гала» в действительности не что иное, как болота реки Лунга. А ведь всем известно, что когда-то тут, именно у берегов таинственного «морья», было царство негрского Наполеона, Вай-Гути, о богатствах которого ходит столько фантастических легенд. Вай-Гути, отравленный одной из своих жен, по преданию, погребен на дне могучего потока, и в гроб его положены груды драгоценных камней, собиранием которых он и занимался всю жизнь.

— Камень белой воды — ведь это же алмазы! — резонировал бельгиец. — Тяжелый желтый песок — это, конечно, золото. В общем, было бы очень недурно, знаете ли, отыскать место похорон черного царька. Правда, легенда говорит, что при его похоронах было поступлено точно так же, как когда-то при похоронах Атиллы, или как там звался король каких-то готов или вандалов? Знаете, его наследник отвел в сторону русло реки, в дне была вырыта обширная могила. Над гробом Вай-Гути зарезаны все его триста жен, тысяча невольниц и невольников, три тысячи военнопленных. А затем разрушили плотину, и воды потока хлынули вновь на старое русло, смывая горы трупов и хороня под илом гробницу Вай-Гути.

Но ведь было бы, думаю, не так трудно обнаружить то, второе, искусственное русло? Раз вы определите его, то почему же, например, не попытаться вновь отвести воду таинственной реки, а затем обследовать тщательно дно? В общем, если бы найти серьезные указания на близость погребенного сокровища, то ведь без всякого труда можно будет составить компанию капиталистов. Бельгия задыхается от избытка капиталов, не находящих себе применения. Словом, мы все можем сделаться богатыми, да, очень богатыми людьми!

Эти речи выслушивались, надо признаться, довольно равнодушно: едва ли кто из компании знал бы, что делать с деньгами, если бы, в самом деле, подвернулся случай разбогатеть.

У боэра Питера Ван-Ховена во время кровавой распри с англичанами погибли до последнего человека все его род-

ные и близкие люди, на него часто находило нечто вроде черной меланхолии, и он тогда уходил в пустыню, избегая встречаться с себе подобными, за исключением Банга, Кайо и Бернштейна.

О кафе и говорить не приходилось: он десятки раз мог разбогатеть, потому что у него был какой-то дьявольский нюх на золото, он знал немало уголков, где драгоценный металл можно было без особых затруднений извлекать из недр земли, но он и сам не пользовался этим знанием и другим не желал открывать своих тайн, твердя, что брать золото из земли — страшный грех.

Не знал бы решительно, что делать с богатствами негрского Атиллы, и Бернштейн. Правда, иногда он вслух мечтал о том, что пора бы бросить бродяжническую жизнь, уехать в Германию, купить где-нибудь в окрестностях Гейдельберга, на берегу старика-Рейна, маленькую виллу и поселиться там, доживать последние годы. Комнаты все увешаны трофеями охот в Африке, коллекциями насекомых причудливых, фантастических форм. Пенковая трубка с головой Бисмарка, куда входит за раз чуть ли не четверть фунта душистого табачку. Старый верный друг и неизменный спутник в бродяжестве — сеттер. Камин, где горят, весело потрескивая, поленья сосны или горной ели. Молодая, веселая, ясноглазая, краснощекая певунья и хлопотунья Каролинхен или Марианнхен в качестве домоправительницы... Лихо!

Но на самом деле, когда однажды у Бернштейна скопилось десять или двенадцать тысяч марок и он, распрощавшись с бродяжнической жизнью, решил отправиться на родину, вся компания добралась лишь до Капштадта. Надо было «вспрыснуть дорожку» старику, собирателю насекомых и великому ловцу тропических пернатых.

И они засели вчетвером в каком-то кабаке, и ели, и пили, и пели, и без усталости вспоминали эпизоды охотничьих скитальчеств от мыса Доброй Надежды до Абиссинии. И так длилось до той поры, когда выяснилось, что из денег Бернштейна остается только пара тысяч марок. Хватит запастись новыми ружьями, одеялами, порохом, купить

десяток упряжных быков, чтобы вернуться опять в пустыню, приняться за любимое старое ремесло — за охоту и коллекционирование насекомых или ловлю птиц.

Иногда и теперь они вспоминали об этом курьезном эпизоде, причем для краткости говорили о целом периоде своей жизни не без юмора, как о «коллективной поездке в Европу».

Однако фантазия Кайо о сокровищах негрского царька несколько расшевелила их души. Бернштейна заинтересовало сходство южноафриканской легенды, родившейся всего двести лет назад, с легендой о смерти героя дней великого переселения народов, рожденной полторы тысячи лет назад. Ван-Ховену было безразлично, что делать, лишь бы уйти подальше от быстро надвигающейся на юг Африки «белой опасности», как он называл наплыв переселенцев из Европы. А кафру Банга было и подавно решительно все равно, куда идти и что делать: ведь всюду еще найдутся места, куда не проникает «черная полиция», организованная англичанами в южноафриканских колониях. И всюду найдутся полянки в лесу или холмы в степи, где можно развести костер, жарить на нем сайгу или зайца, кипятить кофе, сидеть, задумчиво следя блестящими глазами за уносящимися в темное небо огнистыми искрами, смотреть, как расплываются в теплом воздухе клубы синеватого дыма, так походящие на фантастические призраки, и слушать голоса неведомо откуда, неведомо чьи, — голоса степи и леса, быть может, голоса того, что умерло, что еще не родилось.

И вот все четверо очутились в обширной области болот между реками Кафоз и Лунга, на берегах реки Похади, обратившейся за последние пятьдесят лет в исчезающий во время летних засух ручей, но с тянущимися на бесконечное расстояние топкими болотистыми берегами.

Кайо твердил, что эта речонка и есть тот самый, некогда могучий поток, на дне которого погребен труп африканского Атиллы и его неисчислимые сокровища.

Это случилось пред рассветом.

На ночлег охотники расположились километрах в ста сорока или ста пятидесяти от берегов озера Лунга, на опушке леса, выросшего на берегах реки. За предшествующий день они пробродили достаточно, сильно утомились и были очень довольны, когда Анри Кайо скомандовал остановку.

Собственно говоря, охотники могли отлично переночевать в небольшом кафрском поселке, отстоявшем от их лагеря в одном километре, но Банга запротестовал:

— Кафры области Кафоз — воры! — сказал он. — Они обернут нас до нитки, как бы мы ни сторожили их. Лучше остаться в лесу и держать стражу всю ночь.

И вот пока трое спали, четвертый сторожил.

Перед рассветом Бернштейн сменил дежурившего кафра.

— Ну, иди спать! — сказал он, усаживаясь у костра с тяжелым карабином в руках. — Ничего? Все благополучно? Твои соотечественники не подбирались к лагерю?

— Кафоз — не братья Банга! — отвечал кафр гордо. — Банга — воин, кафоз — воры, шакалы, собаки.

— Ладно, ладно! — засмеялся немец, раскуривая трубку. — Но ты ничего не сказал, как дела? Ничего не слышал?

Какая-то тень промелькнула по лицу кафра.

— Я слышал гул, — сказал он. — Кто-то шел по берегу реки.

— Может быть, «господин леса» — слон? Было бы недурно. Пара хороших клыков всегда стоит десять-пятнадцать фунтов стерлингов.

— Это был не слон.

— Ну, так носорог?

— Носорог ночью не станет бродить в тростниках и вздыхать тяжело. Это был не носорог! — стоял на своем кафр.

— А, черт! — рассердился Бернштейн. — Не слон, не носорог, так кто же?

Негр пожал плечами:

— Почему я знаю? — сказал он. — Белые — ученые. Они все знают. Они такие умные, что даже в трубу видят, как первый человек и его жена гуляют в своем саду на луне...

— Банга, не будь ослом! — прикрикнул Бернштейн. — Ты что-то знаешь, но виляешь хвостом. Говори прямо: что ты думаешь?

Банга пробормотал что-то очень похожее на проклятие.

Потом он сказал, не глядя на Бернштейна:

— Я уйду отсюда. Это место — проклятое место. Здесь бродит дух болот Лунга. Он знает о нашем приходе, и он гневается на нас. Нам грозит опасность.

— Ты трусил? — засмеялся немец, безмятежно покури-
вая.

— Я никогда не боялся! — гордо ответил Банга. — Спроси Ван-Ховена, я был рядом с ним, когда шел бой при Блумфонтейне. Спроси, показал ли Банга англичанам свою спину, или же дрался с ними, как храбрый муж?

— То было раннею весною! — засмеялся немец.

Задетый за живое, Банга ударил себя в грудь кулаком с такой силой, что грудь, казалось, загудела.

— Разве не я, Банга, встретив на берегах Лимпопо большого льва, который терзал быка боэра Ван-Стаада, подошел к нему вплотную, хотя у меня в руках было только два ассегая? Шкура этого льва до сих пор висит на стене зала дома Ван-Стаада. Кто убил его? — Банга. Каким оружием? Одним ударом ассегая.

Разве не я, Банга, когда был почти ребенком и служил в армии Цитевайо, убил носорога, который собирался затоптать великого вождя зулусов?

— Да что ты расписываешь мне свои подвиги? Знаю, знаю! — по-прежнему добродушно посмеиваясь, отозвался Бернштейн. — Все это хорошо. Но вот плюхнул кто-то в воду ночью, и у тебя душа ушла в пятки. И ты готов бросить нас и улепетнуть.

— Я буду драться со всяким живым существом. Один на один, — гордо отозвался кафр. — Но драться с «духом болот Лунга» кто сможет? Когда ты бросаешь в него копье, оно, ударяясь о тело его, звенит, как при ударе о камень или

о металлический щит. Когда ты убегаешь от него, он, оставая неподвижным тело свое, только вытягивает язык и шею и настигает быстро скачущего коня за полкилометра.

— Ого! Длинная шея, должно быть. Если твой «дух болот Лунга» носит крахмальные воротнички, то прачкам в этой местности есть над чем повозиться. Дальше!

— Когда он, дух болот, видит хижину кафра, стоящую на пути его, одним ударом длинного хвоста дух сметает эту хижину с места, убивая одновременно всех, кто спит под кровлей этой хижины.

— Хорош хвостик!

— И когда ты вздумашь стрелять в него, он только поглядит на тебя зелеными глазами, и пуля падает, не долетев до него.

— Уф, как страшно! Шея питона. Голова и хвост крокодила. Туловище с гору. А про крылья ты забыл упомянуть?

— Какие крылья? — недоверчиво отозвался Банга. — Те, которые видели «духа болот Лунга», никогда не говорили ничего о крыльях. Они говорили, что у него огромное туловище, напоминающее тушу гиппопотама или слона. И еще на носу рог.

— Стой! — заинтересовался Бернштейн. — Я думал, ты рассказываешь попросту одну из ваших глупых кафрских сказок. Но сейчас ты сказал: те, которые видели... Значит, этого «духа» видел кто-нибудь?

— Люди! — ответил кратко Банга, кратко и угрюмо.

— Положим, с поправкой, кафры. Но дальше: ты, лично ты знал кого-нибудь из тех, которые видели этого «духа»? Или это — ваша проклятая страсть к пустой болтовне? Я ведь знаю вас! Когда вы сидите у костров по ночам, в ожидании ужина, вы забавляетесь тем, что плетете небывальщину, рассказываете сказки, одну другой фантастичнее. Разве ты сам не рассказывал, я слышал это собственными ушами, как однажды ветром подхватило твоего старшего брата и закинуло на луну, где он подрался со сторожившим свой сад «первым человеком» и украл у его жены пояс с медными бляхами, а потом по веревке спустился на землю?

— То — сказка, и каждый знает, что у костра люди просто болтают. О «духе болот Лунга» лгать нельзя: он проглотит лжеца! А людей, которые своими глазами видели духа, я знал. Один был из племени Кафоз...

— Которых ты сам рекомендуешь за отчаянных воров?

— Но он не был лжецом. Он «ел песок», когда рассказывал мне об этом.

— А другой?

— Другой был моим побратимом. Его убил «дух болот Лунга».

— Что такое? — поднял испытующий взор на собеседника немец. — Хвостом, что ли, этот дух убил твоего побратима?

— Нет. Он убил его глазами.

— Ну что за чушь ты городишь?! — возмутился Бернштейн. — Убил глазами? Как это может быть?

Банга как-то закачался всем телом.

— Ты — белый. Ты не поймешь этого! — пробормотал он.

— А ты попробуй. Может быть, мои деревянные мозги как-нибудь понатужатся и поймут вашу кафрскую премудрость.

— Мой побратим был смел, как лев, и силен, как буйвол, — начал немного нараспев Банга.

— Дальше!

— Но он был недостаточно осторожен, он смеялся, когда при нем говорили о «духе болот», обитающем между реками Лунга и Кафоз, у тростников озера Лунга. И дух покарал его за это. Однажды мой побратим стоял на берегу одной реки, может быть, совсем близко от этого места, где находимся мы, и глядел на воду. И вот вода вдруг закипела, и оттуда высунулась страшная голова, схожая с головой крокодила, с выпуклыми зелеными глазами, с ужасной пастью, с длинным и гибким змеиным языком и с рогом на носу. А зеленые глаза глядели на моего побратима, и ужас сковал все члены его тела, и не слушались его ноги и руки. Он хотел бросить в чудовище ассегам, но рука не поднималась. Он хотел бежать, но ноги словно приросли к земле. Он пытался крикнуть, но его голос умер...

— А дальше?

— А дальше «дух» нырнул, вынырнул за несколько десятков сажень, во мгновение ока схватил подошедшего к воде вола поперек тела и исчез. А мой брат пришел в себя, побежал. Но он умер через неделю, потому что тот, на кого взглянули глаза «духа вод», не переживает этого. Кровь свертывается в жилах и застывает. Сердце распухает и потом рассыпается порошком...

— Фу-у, черт! — ответил Бернштейн. — Что-то ужасно-нелепое, что-то положительно дикое. Если бы я не знал тебя добрых десять лет, я подумал бы, что ты дурачишь мне голову. Но теперь вижу, что по крайней мере ты сам искренне веришь во всю эту чертовщину. Если и ерундить, то, так сказать, добросовестно!

Кафр не отвечал.

Уже несколько секунд он, вскочив на ноги, стоял, прислушиваясь к чему-то. Карабин в его правой руке дрожал.

— Идет «дух вод», «дух болот Лунга»! — пробормотал он.

Почти в то же мгновение до слуха Бернштейна донесся со стороны поселка кафров глухой удар, треск, человеческий вопль, потом понеслись хаотические звуки — крик нескольких десятков перепуганных голосов, ружейные выстрелы, мычанье скота.

Бернштейн, в свою очередь, вскочил, сжимая карабин.

— Нападение на деревню! — сказал он. — Кто-нибудь подкрался во мгле, и вот...

Кайо и Ван-Ховен, лежавшие под теплыми одеялами в стороне от костра, в свою очередь поднялись и присоединились к бодрствующим.

Все четверо держали ружья наготове, опасаясь, что и им, в свою очередь, придется защищаться от нападения неведомого врага.

А в деревне по-прежнему слышались крики, воздух прорезал отчаянный женский вопль, опять хлопнуло два-три выстрела, потом все смолкло. Но через пять минут в кустах опушки послышался треск сучьев, торопливые шаги бегущих, прорывающихся через колючее «держи-дерево» людей.

Замелькали какие-то темные фигуры, скользившие тенями.

— Кто идет? Стой! Буду стрелять! — крикнул Ван-Ховен по-кафрски, поднимая свое тяжелое ружье.

— О, белые люди! О-о-о! Добрые белые люди с большими ружьями! — послышался из кустов плачущий голос.

— Не стреляйте! Мы — мирные люди! Мы спасаем свою жизнь!

— Добрые белые люди с длинными ружьями защитят нас! О-о-о!

Заплакал визгливо ребенок, потом залился удушливым кашлем.

— Идите сюда! Что случилось? На вашу деревню напали? Их много? Как они вооружены? — посылал в кусты вопросы Анри Кайо, опуская ружье.

— О-о-о! Один, только один. Но он страшный, он непобедимый, всесильный... Своим хвостом он убил трех воинов. Он разрушил хижину старшины до основания. Там было одиннадцать человек, и все, все погибли. И он сидит там, и он пожирает трупы.

— Что такое? Кто это «он»? — возрился Кайо, ничего не понимая.

— «Дух вод». Страшный «дух болот Лунга», тот, у которого голова и хвост крокодила, шея змеи, туловище речной лошади. Он, тело которого полкилометра, а в пасть поместится годовалый бык...

Кайо не выдержал и захохотал как безумный.

— Ох-о-хо! — чуть не катался он по земле. — Ха-ха-ха! Голова... ха-ха- ха!.. тигра... Нет, голова и хвост крокодила, зубы кита... Ха-ха-ха! Вот никогда не думал, чтобы негры были до такой степени трусливы! Кому-то во тьме померещилось что-то. Ствол дерева, что ли...

— Не смейся, масса! — пододвинулся к нему Банга. — Не смейся. Это — не бревно, не ствол дерева, как ты говоришь. Это «дух вод».

Кайо обернулся живо к старому товарищу по сотням охот.

— И ты веришь в эту глупость? — сказал он.

В это время с той стороны, где в предрассветной мгле смутно виднелись очертания хижин деревни кафров, опять послышался гул и треск, потом...

Потом над сонной рекой, над притаившимися тростниками и дремлющим лесом понеслись могучим потоком волны каких-то странных, необычайных звуков. Казалось, кто-то огромный, непомерно сильный и властный, ударил в колоссальный барабан, оборвал дробь, потом зарокотал, все усиливая и усиливая зычный крик, покуда он не превратился в неистовый, напоминающий раскаты грома рев. И опять оборвались звуки. Наступила мертвая тишина.

Зато ожил лес. Тысячи голосов перепуганных птиц, мечущихся по ветвям обезьян, разбегающихся в высокой траве мелких ночных животных наполнили дремучий лес гомоном и стоном.

И, казалось, лесу отозвались тревожным, испуганным, молящим о пощаде шепотом тростники.

Трое белых невольно сдвинулись поближе друг к другу. Банга упал на землю, выронив ружье, и лежал, уткнувшись лицом в песок.

Но мало-помалу все успокоилось. Смолк лес, стих шепот тростников. Только у самого костра раздавались странные, жалобные звуки: кто-то плакал, всхлипывая.

Опомнившийся первым, Кайо шагнул к костру и в недоумении остановился: у самых его ног на песке копошилось крошечное, напоминающее обезьянку существо, дрожащее всем телом.

— С прибавлением семейства! — хрипло рассмеялся он.

— Что такое? — откликнулся, тщетно ища упавшие очки, немец.

— У нас ребенок. Кафрское дитя. Очевидно, кто-то потерял его.

Ван-Ховен оглянулся, ища глазами только что стоявших здесь кафров, бежавших обитателей деревушки. Но их не было: они разбежались, может быть, расползлись по траве, по лесу, когда от деревни донесся загадочный рев неведомого животного, напоминающий раскаты грома, грохот тысячи барабанов. И о том, что кафры были только несколь-

ко секунд назад здесь, говорило присутствие оброненного, плачущего ребенка.

— Черт знает что такое! — выругался Кайо.

— Не надо... Не надо произносить имени дьявола в такой час! — отозвался наставительно Ван-Ховен. — Кто знает, может быть, он близок к нам.

— Кто? Идиотский «дух вод»? — спросил Кайо.

— Он, тот, чье имя ты сейчас упомянул. Ну, дух зла!

Кайо побледнел и оглянулся. Потом рассмеялся, но смех его звучал резко-фальшиво.

— Солнце! Слава Богу! — минуту спустя заговорил Ван-Ховен.

В самом деле, ночь прошла, из-за горизонта как-то сразу, стремительно выкатилось лучезарное светило дня. В воздухе уже замелькали разноцветными искрами бесчисленные насекомые. Стайка крошечных крикливых попугаев шумно вспорхнула и пронеслась над рекой, словно купаясь в волнах клубящегося тумана. Откуда-то донеслось жалобное мычанье коровы. Потом из кустов вдруг вынырнуло нагое темнокожее существо и упало к ногам Ван-Ховена с криком:

— О, белый, о, великий охотник! Отдай мне моего ребенка.

* * *

Это была беглянка, мать подобранного Ван-Ховеном у костра кафрского мальчугана.

С наступлением дня как-то быстро потускнели, исчезли кошмарные страхи, словно ночь, уйдя, унесла с собою свои фантастические призраки.

Но, понятно, за завтраком все время говорили о ночном переполохе.

Общее мнение трех белых было таково, что вся история — результат дикости и невежества кафров, их экзальтации,

их склонности объяснять самые обычные явления окружающей жизни вмешательством сверхъестественных сил.

— Они — отчаянные лгуны! — твердил Кайо, раскуривая сигару. — В целом мире не существует народа, столь богатого сказками, как эти черные племена Кафоз. У них даже устраиваются преоригинальнейшие состязания лгунов-артистов. На эти турниры сходятся за сотни и сотни миль прославленные мастера лганья. Что же удивительного, что мало-помалу и сами они перестают разбираться в паутине ими же сочиненных сказок, перестают отличать реальное от фантастического, существующее от выдуманного? И вот, когда ночью кто-нибудь со сна заорал благим матом и вылетел кубарем из своего шалаша, уверяя, что видел этого идиотского дракона или как там они его еще называют, то остальным стало мерещиться Бог знает что. Началась повальная паника. А известно, что это — чрезвычайно благоприятные условия для развития так называемой «массовой галлюцинации».

— Так! Ладно! — резюмировал речь товарища Бернштейн. — Но, надеюсь, мы-то не были подвержены этой вашей «массовой галлюцинации»?

— Да, но мы и не видели ведь ничего! — отпарировал нападение немца Анри Кайо.

— И не слышали? — засмеялся Бернштейн.

Кайо несколько смутился: он вспомнил о том странном звуке, напоминавшем отдаленные раскаты грома, которые слышались перед восходом солнца.

— Звуки? Ах, Боже мой!.. Ну, звуки... Какой вы ребенок, уважаемый товарищ! Какой-нибудь оранг-утанг...

— На острове Борнео? — засмеялся немец.

— Н-ну, я обмолвился. Какая-нибудь горилла, гиппопотам, что-нибудь в этом роде.

Немец опять засмеялся:

— Звуки, которые издает горилла, разве мы не слышали их, когда бродили по джунглям бельгийского Конго? Да, нечто похожее, согласен. Но, мосье Кайо, та горилла, которая кричала этой ночью, должна обладать чудовищной глоткой. Примерно в десять раз большей, чем обыкновенная. Во

всяком случае, мы должны бы расследовать это дело. В существование какого-то ублюдка, среднего между крокодилом, слоном и гиппопотамом я, разумеется, не верю. Но в этой глуши, куда европейцы еще почти не проникали, мы можем наткнуться на животное, которое еще никем не классифицировано. Во всяком случае я, повторяю, с своей стороны дорого дал бы за возможность поглядеть на напугавшего кафров зверя хоть одним глазом, и я предлагаю отправиться на место происшествия.

— Я не пойду! — откликнулся угрюмо Банга. — Я не хочу, чтобы зеленые глаза «духа болот Лунга» выпили мою душу!

— Вы выражаетесь весьма образно! — засмеялся Кайо. — Но, конечно, если у вас душа ушла в пятки...

Кафр блеснул глазами.

— Я готов сражаться со всяким живым существом! — крикнул он. — Но не с призраком. Но не со «злым духом». Я сказал!

И он уселся у потухшего костра.

Трое белых поднялись и тронулись путь к деревне. Оглянувшись, они увидели, что кафр сидит, словно не живой человек, а каменное изваяние.

— Банга! — крикнул ему Бернштейн.

— Оставь его. Он — трус, — вмешался Кайо.

И они пошли.

Десять минут спустя, несколько отставший Бернштейн услышал легкий треск в стороне от тропинки, по которой подвигался маленький отряд. Инстинктивно немец схватился за ружье, но сейчас же опустил его: перед ним стоял Банга.

— Ты не пойдешь туда! — сказал кафр немцу. — Не ходи. Ты никогда не оскорблял меня. Ты подарил мне свои часы, и ты давал мне деньги на покупку одеял, когда я пропивал все. Не ходи туда, где ты погибнешь!

— Ты с ума сошел? — возмутился немец. — Если ты струсил, то, думаешь, должен струсить и я?

И он, тяжело ступая, пошел за скрывавшимся уже за поворотом дорожки Кайо.

Мгновение спустя, кафр шел рядом с ним.

— Ты этого хочешь, и я иду с вами! — сказал он. — Но помни: Банга предупреждал вас! Кровь ваша на ваших глазах! Руки Банга чисты...

— Разумеется, разумеется! — засмеялся немец. — Но ты напрасно беспокоишься, парень! О нашей крови и речи быть не может. Наши ружья заряжены коническими разрывными пулями, которые пробьют любую броню крокодила и разнесут его тушу. Нас четверо. И, наконец, ведь это же все — дикая фантазия, не больше. Держу пари, что, в крайнем случае, мы обнаружим следы какого-нибудь старого помещавшегося слона-отшельника. Одно только и смущает меня, эти действительно загадочные звуки. Но какое-нибудь объяснение, конечно, найдется. Я подразумеваю разумное, естественное, научное, основанное на реальных фактах объяснение.

Банга не отвечал. Он шел или, правильнее, скользил рядом с немцем. Его лицо было угрюмо, зубы стиснуты.

Деревушка кафров, где ночью разыгрался переполох, состояла из двух десятков характерных, напоминающих пчелиные ульи хижин, сплетенных из стволов тростника и обмазанных илом и грязью реки. Тут не было ни единой живой человеческой души: деревушка была покинута своими обитателями на произвол судьбы.

По улице бегала, заливаясь тревожным визгливым лаем, небольшая остроухая собачонка, наружность которой неопровержимо свидетельствовала о ее родстве с лисицей, да из какого-то хлева доносилось жалобное мычанье, должно быть, голодной коровы, тщетно ждущей своих хозяев. Бернштейн подошел к хлеву, распахнул ворота, и довольно тощая кафрская «буренушка» с радостным мычаньем неуклюжим галопом вынеслась на двор, потом метнулась в перелесок, где сейчас же принялась поглощать сочную траву.

— Это произошло, должно быть, здесь! — сказал Бернштейн, показывая в ту сторону, где валялась груда обломков, словно сложенный большой костер, — остатки развалившейся кафрской хижины.

Невольно все подобралось, как-то инстинктивно приблизились друг к другу, но все же подошли к развалинам.

— Человек! — произнес зловещим шепотом Кайо.

— Труп! — отозвался Бернштейн.

В самом деле, под обломками виден был нагой человеческий труп. Собственно, обломками были завалены только голова и грудь. Живот и ноги были свободны, но над ними вилась уже целая стая мух, буквально облепивших тело. Они жужжали на все лады, они то поднимались в воздух, то снова садились на разлагающееся тело.

— Фу, гадость! — пробормотал экспансивный Кайо.

Бернштейн молча подошел к трупу, прикладом ружья сбросил обломки затвердевшего, как камень, ила и щепу, потом, не прикасаясь руками к трупу, перевернул его.

— Ну, видишь? — сказал наблюдавший его работу Кайо. — Труп без наружных ран. Если бы катастрофа была причинена каким-нибудь зверем, то, разумеется, кафр был бы наполовину съеден. Просто его раздавило рухнувшей постройкой.

Бернштейн, не отвечая, шагнул в сторону.

— Посмотрите сюда! — сказал он странным, изменившимся голосом.

Невольно крик вырвался из груди Анри Кайо. Бельгиец даже попятился.

— Что это? Что такое? Голова? Одна голова, словно отрезанная от туловища? — пробормотал он.

И потом добавил, содрогаясь:

— Какой ужас!..

В самом деле, его взору представилось ужасное зрелище: на земле, обильно пропитанной уже почерневшей кровью, стояла человеческая голова, голова негра.

Должно быть, это был сильный, атлетически сложенный, свирепый человек: голова была огромная, с резкими и грубыми чертами лица. Вместо глаз были видны только страшно выпученные белки. Рот широко раскрыт, искажен гримасой, и показывал два ряда мелких, острых белых зубов. Короткие сильно курчавящиеся волосы тронуты сединой.

На искаженном лице застыло выражение неукротимой ярости и в то же время ужаса.

Голова стояла как-то боком, опираясь об осколки камня и изломанные прутья обрубок шеи. Когда Бернштейн слегка прикоснулся ложем ружья ко лбу, голова подалась, упала набок, покатилась в какую-то ямку, словно огромный безобразный мяч, и мелькали в воздухе то свирепо глядящие на пришельцев мертвые глаза, то тупой широкий затылок со старым заросшим рубцом. Потом голова покорно легла среди обломков, как в могиле, выставив вверх обрубок шеи, ключья почти черной кожи, обрывки мускулов и жил, осколки раздробленной кости.

В общем, зрелище было так ужасно, что не выдержали даже закаленные нервы Бернштейна. Он содрогался всем телом и, отвернувшись, отошел в сторону.

Дальнейший осмотр поселка кафров выяснил, что разрушена еще одна хижина или, правильнее сказать, сильно повреждена: в ее грибообразной соломенной крыше на высоте около двух метров от земли было проломлено круглое отверстие диаметром в метр с лишним. На полу хижины виднелись лужи крови, кровавые следы были видны и на крыше у краев отверстия, как будто сквозь дыру протаскивали труп. Земля у хижины истоптана, покрыта разнообразнейшими следами: отпечатки босой человеческой ступни, ямки, врезанные в почву копытцами мелкорослой лошадки, следы ног поросенка и козы.

От этой хижины начинался спуск к песчаной отмели реки, и охотникам не представилось большого труда отыскать на склоне своеобразную дорожку: какое-то животное протащило здесь, ломая на своем пути жидкую изгородь, притаптывая траву и сваливая молоденькие деревца. Здесь и там можно было различить и следы, как будто от ног: это были полуовальные ямы.

— Черт знает что такое! — бормотал озабоченно Бернштейн, разглядывая следы.

— Несомненно, оно прошло тут, а вот место, где оно спустилось в воду. Значит, животное, так сказать, земноводное: гиппопотам или крокодил. Но следы, следы... У

меня голова идет кругом: ноги «речной лошади» и лапы крокодила ведь дают совершенно иные отпечатки.

— Ну, ты зоолог, орнитолог, инсектолог! — засмеялся легкомысленно Анри Кайо. — Тебе все-таки мерещатся какие-то призраки, хотя ночь-то — ау! — ушла! Это — вовсе не следы лап. Негры собирались сажать деревья, патаны, вырыли ямы, и больше ничего. А ты принимаешь это за следы какого-то животного.

Бернштейн хотел что-то возразить, но только оглядел приятеля насмешливым взглядом, потом опять отправился осматривать покинутый кафрами поселок.

— Туловище безволосое! — бормотал он. — Если бы были волосы, то, вне всякого сомнения, хоть клочок шерсти остался бы на кольях и перекладинах изгороди, на обломках разрушенной хижины, на стволах свалившихся деревьев. Но ничего нет. Отсюда вывод: туловище безволосое. Оно должно иметь огромные размеры, ибо след от волочившегося по траве брюха больше двух метров, но ведь едва ли животное, идя, распластывалось совсем по земле, значит, диаметр туловища должен значительно превышать два метра. Получается что-то действительно чудовищное!

Хвост... Да, несомненно, есть хвост. Вот его следы.

Но что же, что за зверь это?

Ба! Где я видел такие следы? Да, да, вспомнил. На островах Тихого океана, где собираются моржи и тюлени. Совершенно верно. Животное, должно быть, ластоное. Гигантский морж, колоссальный тюлень. Кстати, этим объясняется и отсутствие отпечатков когтей. У него нечто вроде плавников, но огромных, сверхъестественных размеров. Но, действительно, я не могу припомнить ни единого животного, известного зоологам, которое подходило бы в данном случае. Надо, непременно надо расследовать. Может быть, удастся открыть что-нибудь... изумительное!

— Будет тебе колдовать, старый ворчун! — окликнул его проголодавшийся бельгиец. — Банга раздобыл козленка, у нас будет отличнейший обед. Иди сюда!

И Бернштейн прекратил свои исследования.

Два дня охотники оставались в покинутой кафрской деревушке, бродя днем по ее окрестностям, а на ночь возвращаясь в поселок. Для ночлега они избрали наибольшую из пустых хижин, окруженную изгородью из непроходимой чащи колючих кустарников. Само собой разумеется, по ночам держали стражу, опасаясь какой-нибудь случайности.

Но и дни и ночи проходили совершенно спокойно, никто и ничто не тревожило искателей приключений.

В конце концов, это становилось скучным, и Анри Кайо запротестовал против дальнейшего пребывания на этом месте.

— Спустимся ближе к «великому озеру»! — твердил он. — Мне кажется, я-таки нашел место, где на дне реки мог быть похоронен со своими сокровищами кафрский царек. Надо будет произвести кое-какие расследования. А здесь тоска смертная. Не очень я люблю кафров, по мне, как-то не по себе в этой брошенной идиотами чернокожими деревушке. Перетрусил черт знает из-за каких-то собственных диких фантазий, удрали, покинув на произвол судьбы дома, утварь, имущество. Право, кретины!

— А следы? А трупы? Ты это забыл? — проворчал Бернштейн.

— Трупы?! — возмутился бельгиец. — Как будто эти дикари не устраивают кровавых побоищ? Какой-нибудь разбойник ночью пробрался в шалаш своего врага, отрубил ему голову, — вот и все!

— А туловище? Куда оно девалось?

Кайо захохотал.

— Господи, какие мы-то идиоты! Да ведь мы видели сначала один труп, потом только голову. Ясно, что тут вышло нечто вроде поединка. Оба дуэлиста с черными шкурами пали в бою. Труп одного из них утащили шакалы, гиены. Наконец, какой-нибудь леопард или что-нибудь в этом роде. А мы ломаем голову!

— А следы? — стоял на своем Бернштейн, — чем ты объясняешь?

— Да ничем не объясняю. Потому что никакого отношения к делу эти ваши пресловутые следы не имеют. К черту!

Повторяю, это становится скучным, и я настаиваю на продолжении розысков «черного Атиллы» вниз по течению. Ван-Ховен! Ты как думаешь? Пойдем?

Боэр молча кивнул головой.

— Итак, в путь. Тра-та-та, та-та, тра-та-та! — весело запел неугомонный бельгиец и поднялся с места.

Часа два спустя, они были уже за три километра от покинутой деревушки кафров. Их было уже не четверо, а пятеро: между людьми вертелась, выделявая курбеты, рыженькая остроухая собачонка, удивительно напоминающая красивую лисичку.

Добродушное животное, соблазненное щедрыми подачками белых охотников, сразу привязалось к ним и теперь шло вместе с ними, по временам исчезая в густой и сочной прибрежной траве, по временам оглашая напоенный зноем и ароматом растений воздух звонким и задорным лаем.

* * *

Прошло полторы недели.

Четверо друзей искрестили территорию между устьями рек Лунга и Кафоз у впадения этих рек в «великое озеро», охотясь за газелями, собирая коллекцию птичьих шкурок, препарировкой которых занимался с исключительной любовью Бернштейн. Ван-Ховену посчастливилось: под его бьющее без промаху длинноствольное ружье подвернулся средней величины молодой слон с великолепными клыками, которые и достались в добычу охотнику. Нетерпеливому бельгийцу уже надоели розыски сокровищ «черного Атиллы», и он потолковывал о том, что здесь становится достаточно скучно и что было бы недурно вернуться на территорию бывшей Оранжевой республики, пробраться в Родезию, побродить по золотоносным полям. Может быть, где-нибудь удастся наткнуться на золотой песок и приняться за добывание золота. И бельгиец приставал к угрюмо молчавшему кафру:

— Ведь ты же знаешь месторождения золота? Знаешь, где его можно намывать из песков какого-нибудь ручья, и знаешь, где можно разрабатывать настоящее жильное золото. Почему же ты не поделишься с нами этими тайнами? Все равно, когда-нибудь кто-нибудь наткнется на эти твои тайники и обогатится. Почему же тебе не помочь нам, твоим старым друзьям?

Банга долго отмалчивался, потом как-то вспыхнул:

— Потому не хочу сказать тебе своего секрета, что, когда белый видит золото, он сходит с ума. Он пьянеет, пьянеет от вида золота, как кафр пьянеет от рома. И на что нам золото? Ружья есть, порох и пули в изобилии, мы — свободные люди. А тогда вы все трое станете гнуть спины, разрывая грудь земли, оскверняя ее. Нет, я ничего не скажу.

— Идиот! — ругался Анри Кайо. — Существа низшей расы, полулюди! Погодите, черти: цивилизация нахлынет сюда потоком и сотрет вас с лица земли. Или... или заставит, наконец, работать!

Лицо кафра побледнело или, правильнее сказать, посерело.

— Да, белые придут, придут и сюда! — сказал он дрожащим голосом. — Когда-то здесь жили могучие племена черных воинов, вольные люди. Но пришли вы, белые, и где теперь те великие бойцы, кликами которых от сотворения мира оглашалась наша земля?

Пришли сначала голландцы. Они были людьми с каменными сердцами, они истребляли и порабощали черных. Потом пришли англичане, принялись истреблять голландцев, но скоро примирились с ними и вместе принялись истреблять моих братьев. Где были великие степи — там теперь стоят фермы буров и англичан. На берегах рек лагеря золотоискателей. Топор валит вековые деревья, обнажая землю. Железным плугом рвете вы грудь земли, роетесь в ее недрах, словно черви. И вы порабощаете всех черных. Вы загоняете их в непроходимые дебри, где они умирают голодной смертью. Вы обращаете их в своих рабов.

Нет рыбы в реках: вы выловили или распугали ее. Нет дичи в степях: вы истребили ее. Где «господин леса» —

слон? Вы скоро убьете последнего «господина леса», чтобы из его могучих клыков наделать детских побрякушек. Исчезает красавица-жирафа. Редок становится носорог. Сгинули стада диких буйволов. Редуют стаи птиц, оживлявших лес. Только обезьян вы еще не истребили. Почему? Почему вы сберегаете их? Я знаю!

— Почему? Скажи, это интересно! — улыбнулся Анри Кайо.

— Потому что вы рассчитываете и их, как кафров и готтентотов, обратить в рабство.

— Ха-ха-ха!

— Не смейся. Вы хотите и их заставить работать для вас, собирать плоды с деревьев, спускаться в пропасти, в вырытые вами в земле ямы, где вы ищете золото и драгоценные камни!

— Хо-хо-хо! — уже положительно катался по земле Анри Кайо. — Блестящая идея! Собрать целую армию обезьян, вымуштровать их, обучить работать, и... Живи себе плантатором, заботясь только о том, чтобы четверорукие рабочие не слишком много воровали. Напиваться, как напиваются негры, обезьяны не будут. Одевать их нет надобности, по крайней мере, пока не вмешаются миссионеры и во имя внедрения добронравия не потребуют, чтобы на самцов шимпанзе натянули панталоны по образцу зуавов, а их верных подруг одели бы в платьица. Ха-ха-ха!

— Не смейся, белый! — утрюмо сказал Банга, отошел в сторону и стал на небольшом пригорке, застыв в позе часового, напоминая своей неподвижностью великолепную бронзовую статую.

— Не дразни его, Кайо! — вмешался Бернштейн. — Банга — верный, испытанный друг. И знаешь что? Ведь в самом деле, в его словах много правды. Разве не на наших глазах идет расхищение колоссальных природных богатств Африки? Разве действительно не белый человек обращает в пустыню все, все те земли, куда только ему удастся проникнуть?

— Вздор, чистейший вздор! — запротестовал бельгиец. — На первых порах, понятно, идет хищническое истребле-

ние природных запасов. Но ведь с наплывом рабочего элемента картина меняется.

Здесь вырастут огромные города, куда будет приходить из переполненной уже населением Европы все молодое, сильное, смелое, работоспособное, чтобы строить свою жизнь на новых началах. Правда, идет лесосоистребление. Но на месте непроходимых лесов, где ютились всякие ядовитые твари, вырастают пашни, продуктами которых будут кормиться сотни миллионов людей. Мы оскверняем природу? Мы насилуем ее? Что за дикий вздор?! Мы только берем у нее то, что она накопила для человека. Правда, неграм приходится круто. Согласен. Но они заслужили эту участь. Африка могла бы тысячелетия назад стать раем земным, но негры знали только одно искусство: колотить друг друга дубинами по головам или перепиливать друг другу глотки.

Что делали еще двадцать лет назад корольки Дагомеи, обладатели знаменитой армии амазонок? На похоронах какого-нибудь Лулу или Пугу убивали сразу пять, десять тысяч пленных. Человеческие жертвоприношения, людоедство... Пфуй, позор! Да, белый скрутит черного. Но он даст в руки разбойнику лопату и скажет: «Работай! Или умирай с голоду!» Он научит миллионы тунеядцев и паразитов, влачащих жалкое существование пасынков природы, пользоваться ее благами, ткать, прясть, возделывать землю, строить гигиенические жилища, проводить дороги через ныне непроходимые топи, прорубать просеки в дебрях.

К черту слонов и носорогов: они, конечно, обречены на истребление, потому что один слон потребляет столько растительной пищи, сколько требуется на целый табун лошадей или стадо коров, а пользы от слона ни на грош. Вам жаль носорога? Но это — свирепое животное, которое умеет только истреблять посевы поселенца да распарывать брюхо лошади.

Разве до европейца здесь человек владел землей, а не земля человеком? К черту!

Разгоряченный бельгиец поднялся и в волнении заходил по лагерю.

Тогда, в свою очередь, заговорил Бернштейн.

— Так, так, все так! — качал он в такт словам своей большой головой. — Все так! Но есть и еще кое- что. И над этим надо бы призадуматься.

— О чем это ты? — обернулся бельгиец.

— На службе у хедива египетского десяти, сотни тысяч суданских солдат. Когда шла русско-турецкая война, египетские, черные полки оказали турецкому султану великую услугу. Никто не дрался так упорно с русскими, как суданцы. Слышишь ты? Черные против белых. Темные и фанатичные — против, все же, европейцев, цель которых была освобождение поработенных турками славян.

— Пфа! Громкие слова!

— Может быть. Может быть, Россия действовала себялюбиво. Не спорю. Но история сильнее ее: история направляла ее руку для совершения великого культурного дела. И нантербованные египетским правительством полки из детей Африки наносили тяжкие удары этому великому делу, тормозя успех людей белой расы.

Потом пойдем дальше.

Французы в Конго, в Алжире, в Тунисе имеют целую армию из черных воинов. Если, не дай Бог, когда-нибудь моей родине придется вести войну с Францией, черные будут проливать потоками кровь белых.

У вас, бельгийцев, — свои черные полки. У англичан — свои. У итальянцев, — свои.

— Да что же из этого?

Бернштейн, глядя в землю, промолвил задумчиво:

— Я читал когда-то один роман. Кажется, это — английского писателя, Уэльса. Ну, фантазия! Он заглядывает в далекое будущее, рассказывает о том, чего *еще* нет, но что *может* быть.

И вот он рассказывает, как люди Европы организуют для собственных целей настоящие полчища уроженцев Африки. Из негров будет состоять тогда, лет через триста, вся полиция, все войска. В момент какой-то народной распри одна партия натравливает на другую, на своих противников, эти орды дикарей, кровожадных, мстящих белому племени за свое порабощение. На развалинах горящих го-

родов чернокожие празднуют свои ужасные оргии. При зареве пожаров льется кровь, совершаются вакханалии. Раб топчет господина.

Бернштейн смолк.

— Что ты этим хочешь сказать? — подошел поближе к нему бельгиец.

Бернштейн устало пожал плечами.

В это время откуда-то, очень, должно быть, издалека, до их лагеря донесся странный звук, напоминающий слабые раскаты грома.

Банга встрепенулся. Бернштейн вскочил на ноги и схватил приставленное к стволу баобаба ружье.

— Что это? Как в ту ночь... там, у поселка кафров! — проормотал он.

Но звук уже умер. Кругом царила тишина. И путники успокоились.

* * *

Несколько дней спустя Кайо, все время бродивший по окрестностям отдельно от занявшихся охотой товарищей, заявил, что он, кажется, окончательно установил место погребения негрского Атиллы.

— Вот настоящее русло реки! — объяснял он. — А вот именно сюда был поток отведен: видите? Здесь уцелело подобие перегораживающей русло реки плотины. На берегу видны ясно следы каменной кладки, спускающейся в воду. Внизу, по течению, есть небольшой, весь поросший тростником островок. Я осматривал все растущие на нем деревья. Нет ни одного, возраст которого превышал бы сто лет. Ясно, — островок образовался уже после погребения царька и его сокровищ.

Но почему он образовался? Очень просто: над местом погребения воды реки намыли отмель, которая мало-помалу выросла в целый остров. Ни вверх по течению, ни вниз — до самого «великого озера» — нет ни единого острова.

Значит, мое предположение имеет все шансы вероятности. Мало того, как раз на берегу, против того места, где стоит островок, я наткнулся на остатки оружия: бронзовые топоры, цепи, палицы. Порывшись в одном, показавшемся мне подозрительным месте, я нашел кучу полуистлевших костей, массу черепов. Знаете, что я обнаружил? Каждый череп имел одну и ту же метку: раздроблена затылочная кость.

Понимаете ли, что это должно означать?

— Нет. Поясни! — отозвался Бернштейн.

— Очень просто.

Кафрская легенда гласит, что при начале работ по отводу вод реки в другое русло, на берегу было принесено в жертву «духу Похади» триста военнопленных, которые убиты ударами боевой палицы, тела же их зарыты там же. Отсюда сам собою напрашивается соответствующий вывод: мы наткнулись на искомое место. Стоит только произвести бурение в почве островка и, я уверен, шуп найдет где-нибудь вытесанную из камня гробницу «черного Атиллы».

— А где ты достанешь шуп? — спросил, иронически подмигивая товарищу, Бернштейн.

Бельгиец рассердился.

— Ей Богу, вы, словно сговорившись, систематически обескураживаете меня! Это не по-товарищески. Больше да-же: это нечестно.

Компаньонам не без труда удалось успокоить не в меру вспыльчивого товарища обещанием, что они отнесутся к его затее самым серьезным образом и окажут ему всевозможное содействие, помогут рыть пробные шурфы в надежде наткнуться на гробницу негрского царька.

В конце концов мир был заключен, и друзья принялись за работу. Потребных инструментов в распоряжении путешественников не было: ни лопат, ни ломов, ни кирок, ни мотыг, само по себе разумеется, в такой глуши раздобыть не было возможности. Но это не остановило привычных к странствованиям по дебрям Африки людей, умевших приспособляться ко всяким обстоятельствам: боевым топором Банга и своими «гиршфэнгэрами» охотники в один час соорудили некоторое подобие маленьких лопаток из ство-

лов молодых деревьев, росших на берегу, и из обломков какой-то доски, прибитой волнами к отмели.

— Но как же мы будем жить? — заинтересовался вопросом Ван-Ховен.

— Поселимся, понятно, на самом острове! — решительно ответил Анри Кайо. — Рукав, отделяющий остров от материка, очень неглубок: полтора метра, максимум, — мы его перейдем вброд.

— Здесь могут оказаться крокодилы! — пробормотал, недоверчиво поглядывая на катившую с тихим ропотом свои мутные воды реку, Бернштейн.

— Вздор! Волков бояться, в лес не ходить! — самоуверенно отозвался Кайо и решительно шагнул в воду. Стоя здесь, он принялся колотить по воде длинным шестом и орать изо всех сил. Банга и Бернштейн помогали ему в этом оригинальном занятии, имевшем целью распугать гадин, если таковые тут водились. В самом деле, несколько в стороне мелькнуло довольно большое тело крокодила, заметно торопившегося уйти от этого места. Едва животное выставило над водой свою голову, как разрывная пуля из карабина Кайо ударилась в короткую шею, взорвалась, отрывая начисто безобразную голову пресмыкающегося. Труп, окрашивая кровью воды потока, был увлечен силой течения.

— Недурно для начала! — засмеялся Кайо и в несколько секунд перебрался на островок. Остальные последовали за ним, не исключая и «Зулуса», как был окрещен привязавшийся к охотникам кафрский песик: его перенес на плечах Банга и, путешествуя, должно быть, первый раз в жизни с таким комфортом, собачка оглашала окрестности веселым лаем.

Когда Банга выбрался уже на берег, Бернштейн вполголоса заметил:

— А ведь, в сущности, человек никогда не перестает быть глупцом. До смерти. Право!

— В чем дело? — насупился Кайо, думая, что эти слова относятся к нему и вызваны его упорным желанием производить раскопки на острове.

— В Нижнем Египте, когда я служил хедиву, — сказал Бернштейн, — я наблюдал сотни раз, как приманивают феллахи и арабы крокодилов, привязывая к берегу козу или собачонку. Крокодил идет на их голос.

— Ну, дальше!

— А мы, только что заботившиеся о том, чтобы прогнать крокодилов отсюда, тащим с собою собачонку, которая своим лаем способна разбудить не только крокодилов, но даже самого «негрского Атиллу» в его каменном гробу.

— Глупости! — оборвал его речь Кайо. — Ты, старый друг, с годами становишься ужасно болтливым. Принимайся за дело!

Повинуясь зову, немец действительно взялся за работу. Первым делом было соорудить на самом высоком пункте островка какое-нибудь подобие жилища: приближался период весенних дождей; не сегодня-завтра должны были начаться тропические ливни, и ночевать под открытым небом было совсем неблагоприятно. Но сооружение шалаша не отняло много времени: четыре ствола живых деревьев были пущены в ход в качестве основных столбов, для чего понадобилось только попросту срубить их верхушки на высоте человеческого роста. Потом из более тонких стволов соорудили перекладины, набрали травы, перекрыли ею сверху хрупкое сооружение, и если не хижина или шалаш, то все-таки порядочный навес оказался вполне готовым. Лучшего, в сущности, и нельзя было желать на несколько дней, потому что все были убеждены во вздорности затеи бельгийца и рассчитывали через два-три дня вновь пуститься в скитания.

Анри Кайо не терпелось немедленно приступить к раскопкам, и он, предоставив товарищам справляться с сооружением шалаша, бродил по островку, тут и здесь пробуя разрывать землю импровизированной лопаткой.

Работа его шла туго: верхний слой почвы островка состоял из напоминавших войлок корешков трав и ползучих растений, сплошь закрывших землю. Но за этим сравнительно тонким слоем находился рыхлый и влажный песок, местами перемежавшийся слоем мягкой слоистой глины.

Тут маленькая лопатка более или менее удовлетворительно исполняла свое назначение, но все же Кайо не удавалось вырывать более или менее глубоких «шурфов», потому что островок в своей большей части был низменный, лопатка очень скоро проникала на глубину уровня воды в реке, и тогда влага проступала наружу, наполняя яму. Бельгиец свирепо ругался, ожесточенно курил, проклинал Африку и перебирался на другое место, где снова брался за свой сизифов труд.

Ночь прошла благополучно, только перед утром вдруг по сооруженной вчера крыше шалаша забарабанил крупный дождь. Бернштейн проснулся и выбрался к месту, где у костра сидел, прикрыв плечи рваным одеялом, кафр Банга, державший между ног верный карабин с заткнутым пучком травы дулом.

— Костер потух, друг! — сказал немец, касаясь плеча кафра.

— Так погаснет скоро и наша жизнь! — глухим голосом ответил кафр.

— Кажется, там, на востоке, бушует гроза? — показал вверх по течению реки Бернштейн. В той стороне на черном горизонте от времени до времени вдруг небо окрашивалось в странный, фантастический иззелена-голубой цвет: где-то, быть может, за сотни километров, с оглушительным треском и грохотом, словно залпы тысяч орудий крупного калибра, бороздили небо грозные молнии, дочери тропической грозы. Но их грохота не было слышно здесь, на утрюмом островке низовья, ни самих молний не было видно, небо освещали только красавицы-зарницы.

Глядя на эту великолепную картину, Бернштейн вполголоса произнес строфу знаменитого стихотворения Гервега:

Ночи июльской царило
Дальней грозы отражение,
Вспыхнет и гаснет зарница,
Мир осветив на мгновение...

— Что ты сказал, белый? — поднял голову кафр.
— Ничего, это я так... Говорю: гроза идет!
— Да, на нас идет гроза. Идет, надвигается страшная беда!

— А, ну тебя! — вспыхнул немец. — Что ты, ополоумел, что ли? Все каркаешь и каркаешь, как зловеший ворон! Я не узнаю тебя, Банга!

Кафр молчал. Он сидел в унылой позе, словно разглядывая что-то на земле, в золе потухшего, залитого дождем костра.

— Я видел этой ночью, когда вы все спали, моего брата! — промолвил он после минутного молчания.

— Приходил сюда? — встрепенулся Бернштейн. — Вплывь, что ли?

— Нет, зачем в плывь? — отозвался Банга. — Мертвые не плавают. Он пришел по воздуху. Он стоял тут.

Банга показал несколько в сторону. Бернштейн почувствовал, как по его спине прокатилась волна холода, вызывая дрожь во всем теле.

— Глупости! Галлюцинации! — чуть не закричал он.

— Он стоял тут! — настаивал на своем кафр. — Он держал в руке свой ассегай. Его глаза были устремлены на меня. Он пел предсмертную песню воинов нашего племени, когда они идут на бой...

— Иди спать! — коротко и сердито пробормотал немец.
— Иди, я посторожу.

— Потом брат ушел, но пришла Кху, та, первая девушка нашего племени, которую я украл у ее старого отца и взял себе в жены. Она была молода и прекрасна, как газель, у нее были блестящие глаза! — продолжал говорить нараспев кафр, погруженный в свои странные думы. — На ее шее было ожерелье из стеклянных шариков, а на руках и на ногах любимые тяжелые медные браслеты. И она глядела на меня полными слез глазами, и она звала меня с собой, звала в страну теней, куда она ушла, заболев съедающей человека «черной болезнью».

— Слушай, ты, черт! Замолчи, ради Бога! — сказал Бернштейн, чувствуя, что и его охватывает какое-то тяжелое настроение, словно предчувствие ужасной беды.

Негр вдруг вскочил на ноги с криком:

— Слушай, белый! Слышишь?

Бернштейн прислушался. Он, казалось, уловил отголоски далекого грома...

— Ты слышал? — протягивал вперед, во мглу ночи, руку кафр. — «Дух озера Лунга». Он оскорблен тем, что мы пришли сюда. Он грозит нам.

— Глупости, говорю тебе, глупости! — ответил немец и, взяв кафра за плечи, толкнул его по направлению к шалашу.

Утром, едва только рассвело, Бернштейн криком поднял заспавшихся товарищей.

— Вставайте! — кричал он. — Черт знает, в какую глупую историю мы, в сущности, вляпались. Да поднимайтесь же!

Во мгновение ока все были на ногах.

— Что случилось? Чего ты кричишь? — обратился к Бернштейну с вопросом Анри Кайо, протирая глаза. — Черт! Я так сладко спал, мне снилось, что я начал копать на том самом месте, где стоит наша хижина, и вдруг натыкаюсь... Каменный гроб, а там — алмазы. Доверху великолепные алмазы, по крайней мере на десять миллиардов франков.

— Ты лучше погляди на реку! — тоном упрека сказал ему Бернштейн.

Кайо машинально взглянул по указанному направлению и пробормотал проклятье: река вздулась, она с шорохом-плеском катила теперь свои мутные волны. Раздулся и рукав, отделявший островок от материка, и по нему тоже бежали короткие сердитые волны. А сам островок, вчера еще простиравшийся по меньшей мере на треть километра по длине и на четверть по ширине, словно растаял: над водой была не больше, как половина его прежней поверхности. По остальному пространству ходили невозбранно те же мутные волны.

— Наводнение! — воскликнул, попятившись, бельгиец.

— Да. И мы отрезаны от материка, — в тон ему отозвался Бернштейн угрюмо. — В верховьях выпал колоссальный ливень. Ну, и вот...

— Вздор! Вода ничего нам не сделает. Напрасная тревога.

— Ты так думаешь? — хрипло засмеялся Бернштейн. — Посмотри! Пять минут назад, раньше, чем разбудить вас, я воткнул прут у берега. Теперь этот прут в воде. Я измерил его высоту. Знаешь, сколько в нем было? Два фута. Теперь осталось не больше фута. За каких-нибудь пять минут вода прибыла на целый фут. Понимаешь? В протоке сейчас по меньшей мере два метра, перейти вброд нет физической возможности.

— Можно переплыть!

— Не советую пробовать. Посмотри, как бурлит, как бешено крутится вода! Самого сильного пловца во мгновение ока затянет в бездну.

— Проклятье! — пробормотал обескураженный бельгиец. — Но мы же можем отсидеться на деревьях. Деревья много лет стоят тут, значит, островок крепок, его не смоет.

— Да. Но нас может смыть и с деревьев. Наконец, ты забываешь, что если мы очутимся в воде, нам придется считаться с крокодилами. Это уже не то, что перейти вброд мелкий рукав, распугав пресмыкающихся хотя бы выстрелами.

— Ты сводишь меня с ума своими попреками! — завопил бельгиец.

— Было бы с чего сводить-то! — пробормотал Бернштейн. — Ты был уже сумасшедшим, когда затягивал нас сюда.

— А, дьявол! — яростно закричал бельгиец. — Чего ты хочешь? Чего ты от меня требуешь? Ну да, ну, я виноват! Вы из-за меня попали в опасное положение...

— Успокойся!

— Я не могу! Я вижу, что я навлек на вас всех беду. Но что же делать? Хотите, я покончу с собой тут, на ваших глазах? Нет, вы этого хотите?

И он схватился за револьвер. Но Ван-Ховен, следивший за каждым его движением, с поразительной быстротой вышиб револьвер из руки Кайо.

Бельгиец затрясся всем телом, потом неожиданно для всех заплакал по-детски, как-то судорожно всхлипывая. Было странно и тяжело слышать звуки его плача. Все отвернулись. Кайо отошел от шалаша и сел на небольшом пригорке, глядя тупо на свинцовое небо и на мутные волны разбушевавшейся реки. Однако через четверть часа он был вынужден покинуть выбранное место, потому что вода уже подступила к подножью холмика и бурлила у самых ног сидевшего.

— Анри! Перестань дурить! — подошел к нему Ван-Ховен. — Надо позаботиться о собственном спасении. Мы утонем тут, как крысы в кадке, если не придумаем какого-нибудь исхода.

— Самое лучшее будет, если я застрелюсь! — сильным голосом ответил упавший духом бельгиец.

— Ты хуже ребенка! Удивительно поможет нам твоя смерть! Четверо всегда сильнее троих. Убить себя, когда товарищи в опасности, — это подло. Разве не переживали мы сотни раз еще худшие опасности? — попрекнул его Бернштейн. — И ведь никто не винит тебя. Собственно говоря, на мне тоже лежит большая доля ответственности: я должен был с вечера заметить, что вода прибывает. Тогда мы, пожалуй, хоть и с некоторым риском, могли бы еще перебраться на материк по протоку. Берега высоки, их едва ли затопит. Наконец, там растут гигантские баобабы, на ветвях которых мы могли бы отлично спастись от волн. Словом, видишь, виноват не один ты, если уже говорить о чьей бы то ни было вине. Успокойся же, лучше помоги нам. Я думаю, без плота мы не обойдемся.

— Плот? — оживился бельгиец. — Давайте строить плот!

Он бросился к первому попавшемуся дереву и с остервенением принялся рубить своим тяжелым охотничьим ножом топкий упругий ствол. Через мгновение деревцо уже рухнуло кудрявой вершинкой на землю, а Кайо, работая с лихорадочной быстротой, очищал ствол от ветвей. Не си-

дели, сложа руки, и другие: они в свою очередь валили на-земь один ствол за другим. К сожалению, в их распоряжении имелся только один топор Банга, который и отдан был могучему боэру, специалисту по части рубки дерев. Ножами же удавалось сваливать только тонкие стволы, но, в общем, конечно, и эта молодежь могла принести свою долю пользы.

— Лишь бы вода не зашла остров раньше полудня. К полудню управимся! — сказал, отрываясь на мгновение от работы, Бернштейн. Он измерил глазом уцелевшую еще поверхность островка.

Нет, вода все прибывала и прибывала с головокружительной быстротой. Теперь в распоряжении охотников имелась только треть прежней поверхности островка, и многие деревья уже были недоступны, потому что и около их стволов, крутясь и пенясь, бурлили речные струи.

Но работа все же быстро подвигалась. Банга умело и ловко связывал срубленные стволы целой сетью ползучих растений. Еще час, и плот, пожалуй, выдержит уже тяжесть четырех человек. А за час остров, наверное, не будет еще покрыт водой.

И опять часто и четко стучал топор, врубаясь в рыхлую древесину, и дерево за деревом ложилось на сырую почву с жалобным стоном, словно жалуясь матери-земле на тех, кто пришел сюда, вторгся и отнял у островка его украшение, пышную растительность, и у них, у молодых деревьев, отнял жизнь...

— Какой туман! — с досадой промолвил, разгибаясь, Кайо. — Смотрите: берегов материка не видно. Кажется, мы плывем на плоту, и кругом вода, вода...

В самом деле, откуда-то наплыл туман. По временам он как будто редел, светлело, тогда смутно рисовались берега реки, но следом туман опять сгущался, берега исчезали из виду, и островок, в самом деле, казалось, плыл в безграничном просторе океана.

В один из таких периодов сгущения тумана, когда отчаянно быстро работавшие над сооружением плота люди как-то невольно держались ближе друг к другу, странный

звук поразил их слух. Казалось, кто-то вздохнул, но вздох вырвался из колоссальной груди, вихрем промчался над островком, всколыхнув волны тумана. Одновременно что-то звучно шлепнуло по воде с такой силой, что короткая, сердитая волна с плеском взбежала на крутой бережок и лизнула ноги стоявшего у края Банги. Кафр с легким криком отпрянул в сторону, дико оглядываясь вокруг. «Зулус», остроухая лисичка-собачка, метнулась следом за своим покровителем, поджав хвост и прижав лапки к головке, потом вскочила, словно искоркой мелькнула, перемахнув через плот, пробежала на самое высокое место островка, забилась там в заросли, и через секунду оттуда понесся ее раздирающий душу вой.

— А, будь ты проклята! — выронил свой нож из рук окончательно изнервничавшийся Кайо. — Пришибите вы этого дьявольского пса, ради всего святого! Душу выворачивает он своим воем.

Никто не ответил. Работали, боясь потерять минуту драгоценного времени, потому что вода все прибывала, часть плота уже была в воде, надо было спешить с его окончанием или отказаться от мысли пользоваться им.

К этому моменту уже выяснилась новая опасность: верхний конец островка, по-видимому, разрушался. Волны размывали рыхлую почву, волны срывали целые пласты вместе с травами, кустарниками и даже деревьями, и поток проносил, кружа в водовороте, свою добычу вниз по течению, к озеру Лунга, словно торопясь принести ему щедрые дары.

Значит, если бы плота не успели устроить, то могло оказаться невозможным пытаться спастись на вершинах деревьев: ведь и деревья падали под напором потока, уплывали. Единственный шанс на спасение по-прежнему представлял только плот, один плот. Но он был уже почти готов. Еще привязать десяток хоть тонких стволов, и тогда можно довериться плоту. Байга мастерски вязал стволы, так что плот обещал выйти на диво крепким. Его не разнесет волнами, разве только он наткнется на какую-нибудь скалу, на торчащий пень, на корчагу, и тогда его мало-помалу размыкает по стволу. Но на это все же потре-

буется известное время, а тем временем можно будет еще что-нибудь придумать для спасения.

«Зулус», забившийся в заросли, смолк.

Прошло пять минут. И вдруг собачка с жалобным визгом выкатилась из зарослей и бросилась под ноги людей.

Бернштейн, всегда ласково обращавшийся с песиком, погладил его по мокрой спине. Собака ответила лаской, лизнув его руку.

— Не мешай же работать, собачка! — сказал добродушный немец.

«Зулус» взвизгнул жалобно и уцепился зубами за рукав кожаной куртки Бернштейна. Невольно тот отмахнулся рукой, поднял голову.

В то же мгновение, выронив ствол дерева, который он тащил к плоту, Бернштейн, согнувшись, шатаясь, словно пьяный, спотыкаясь на каждом шагу, словно слепоу полез на плот и в то же время дрожащими руками хватал товарищей. Его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит, рот раскрылся, язык трепетал, по-видимому, произнося что-то, какие-то слова, но из груди вырывался только стон.

— Там... там...

Это было что-то непонятное, что-то непостижимое.

Тому, кто видел это, казалось, что он сошел с ума.

На высоте около трех, может быть, четырех метров в волнах густого, клубящегося, тянущегося прядями, крутящегося вихрями белесоватого тумана висела в воздухе, словно плавая в нем, отвратительная фантастическая голова неведомого животного. По первому взгляду ее можно было бы принять за голову гигантских размеров крокодила, но крокодила, который во много раз превышает самые крупные по размерам экземпляры этого пресмыкающегося. Но при более внимательном осмотре сходство как-то тускнело, исчезало: голова чудовища казалась сравнительно короткой, тупорылой, с кривым рогом на носу, над раздувающимися ноздрями; челюсти с огромным количеством острых, как зубцы пилы, желтоватых зубов-клыков отличались массивностью. В глазных впадинах приплюснутого, плоского лба помещались два огромных глаза, которые ка-

зались двумя налитыми зеленым, фосфоресцирующим светом стеклянными шарами. Что-то хищное, безжалостное, злое и вместе безнадежно-тупое было в выражении этих глаз.

Но что было особенно фантастичным в этом явлении, — это шея. Длинная, тонкая, гибкая, колыхающаяся, как может колыхаться тело змеи, способной свиться в клубок.

Можно было различить, что шея покрыта как будто щитками или отливающими металлическим блеском чешуйками грязно-бурого цвета. Туловища не было видно: туман был слишком густ, длинная змеиная шея тонула во мгле, и потому действительно можно было подумать, что чудовище держится, плавает в воздухе, безобразная, отвратительная кошмарная голова его свободно держится на весу.

При этом чудовище как-то покачивало шеей, а потому голова тоже колыхалась, но глаза не мигая, не меняя своего выражения, упорно смотрели на замерших, застывших, полумертвых от ужаса людей. Может быть, «зверь из бездны» выбирал себе жертву среди этих полумертвых существ, обреченных на гибель. И он не торопился. Он знал, что им некуда уйти, что если бы и было возможно бегство, то они уже не способны бежать, потому что нечеловеческий ужас сковал их члены и оледенил их кровь, и убил их самосознание.

Кто знает, сколько времени длилась эта немая сцена?

Но вот опять послышался глубокий вздох: плавающая в воздухе голова чудовища открыла огромную пасть, сомкнула ее, опять открыла. Высунулся длинный, тонкий, напоминающий тело угря или змеи язык с острым концом и как-то хлестнул по воздуху. В то же время что-то глухо зарокотало, потом оборвалось.

Когда люди опомнились, пришли в сознание, ничего уже не было: зверь из бездны исчез так же беззвучно, как и появился, словно уплыл по воздуху, по волнам клубящегося тумана. И людям казалось, что и не было, не могло быть этого чудовища. Просто почудилось что-то. Игра света и тени, причудливое сочетание клубов тумана, может

быть, проплывшая по протоку ветвь сорванного волнами с обрывистого берега толстого баобаба или драконового дерева.

Но они стояли, дрожа всем телом, дико озираясь, готовясь броситься бежать, куда глаза глядят, но бежать было некуда, и они стояли, прижавшись друг к другу. Виденное было так ужасно, что даже боэр Ван-Ховен, славившийся своим невозмутимым хладнокровием, какой-то ничем непоколебимой храбростью презирающего смерть человека, держался не лучше других. Зато он быстрее других оправился.

Словно проснувшись после тяжелого кошмарного сна, он провел рукою по глазам, отгоняя ужасное видение, и глубоко перевел дыхание.

— У-уф! Но что же это, в самом деле? — обратился он к товарищам. — Когда я был молод и жил мирной жизнью, мой покойный отец по вечерам читал вслух священные книги — Библию и Евангелие. И там, в Апокалипсисе, говорилось о «коне Бледе» и о «звере из бездны»... Может быть, настают последние дни для мира, и нам первым суждено видеть своими очами рождение этого «зверя из бездны»?

— Мой побратим видел его девять зим назад! — вмешался Банга.

— Плот уносит! — прервал беседу отчаянный крик бельгийца. Все бросились к месту, где, медленно отдаляясь от берега, уходил в неведомые дали с таким трудом сооруженный плот.

Во мгновение ока Кайо вскочил на плот, но поскользнулся и упал, скатился в воду. Его едва удалось вовремя схватить и извлечь на сушу, но плот был спасен: Банга железной рукой схватил наминавший узловатую веревку стебель какого-то ползучего растения, употребленного для связывания вместе отдельных стволов плота, и притянул его к берегу. Торопливо все четверо вскочили на маленькое суденышко, которое погрузилось под тяжестью их тел почти вровень с краями в воду. Вода проступала в щели между стволами, подмачивала ноги, волны захлестывали верхушками его, волны крутили и толкали, словно

играя, собираясь растащить его по бревнышку, но что нужды? Плот держался на воде, плот плыл, удаляясь от проклятого острова, уже почти исчезнувшего под все прибывающей водой Похади. И этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливыми. «Зулус» тоже был вместе со своими покровителями.

С полчаса плот плыл по течению, увлекаемый бурными волнами, то подходя к берегу, то выплывая, видимо, на середину потока.

Пловцов не оставляла мысль о необходимости пристать к земле, не допуская плот уйти в воды озера Лунга: на таком утлом суденышке каждая лишняя минута пребывания представляла собой большую опасность.

Но, с одной стороны, густой туман, скрывавший от взоров берега, препятствовал ориентировке, а с другой — течение было слишком быстрым, причалить плот к берегу было бы возможно исключительно в том только случае, если бы его подтащило к пологой отмели.

Озабоченные странники тщетно глядели по сторонам, ожидая наступления удобного момента: казалось, поток сознательно играл ими, потоку доставляло злое удовольствие смеяться над их тревогой.

Но вот туман стал редеть. Казалось, могучая рука поднимает занавес. Еще несколько минут, и крик восторга вырвался из уст подневольных пловцов: над их головами голубело небо, солнце грело их иззябшие тела, заливая ослепительным светом все вокруг. Омытая ночным дождем зелень блистала яркостью окраски. Сам поток изменил свой характер: вода не клочкотала, не кружилась сотнями водоворотов, а плавно и спокойно неслась среди двух высоких скалистых берегов, словно в огромном коридоре.

— Должно быть, мы совсем близки к устью! — заворочался Кайо.

— Плохо дело! — уныло ответил Бернштейн, машинально поглаживая мокрую спину все жавшегося к нему «Зулуса». — Озера не миновать. Как-то мы вывернемся?

—Авось!..

Кайо вздрогнул и поглядел вперед безумными от ужаса глазами.

— Что с тобою? — встревожился Бернштейн, хватаясь за карабин.

— Нет, так, ничего! — отозвался Кайо. — Господи! До чего у меня разбиты нервы?! Нет, к черту! Брошу эту идиотскую страну, вернусь на родину. Найду себе какое-нибудь занятие, хоть клерком в конторе, управляющим небольшого имения, буду по утрам прогуливаться по улицам с сигарой в зубах, а вечером сидеть за стаканом винца в кафе...

— Что ты видел? Что тебе показалось? — настаивал на своем Бернштейн, тревожно всматриваясь вдаль.

— Ну, то самое! — глухо промолвил Кайо.

Все поняли, о чем он говорил. Их лица побледнели, их руки задрожали.

В это мгновение могучий толчок приподнял утлый плот на воздух, буквально швырнул его. Связи были порваны, бревна рассыпались, люди упали в воду. Грузный Бернштейн пошел, как ключ, ко дну и не показывался больше. Кайо вынырнул на мгновение, но над водой показалась только его голова с белым лицом, вылезающими из орбит глазами и судорожно искривленным ртом. Да еще показалась правая рука, которой он отчаянно взмахнул в воздухе, словно посылая кому-то последний привет. Он даже не успел крикнуть, потому что его тело потянуло на дно с непобедимой силой и волны сомкнулись над ним.

Оставалось два человека: боэр Ван-Ховен и кафр Банга. Оба всплыли на десять или пятнадцать метров ниже того места, где произошла загадочная катастрофа. Боэр держался за какое-то бревно одной рукой, другой отчаянно греб, направляясь к скалам, но течение было слишком сильно, и его явно увлекало потоком. Кафр, на котором в момент катастрофы не было никакой почти одежды, был счастливее своего товарища: он плыл легко и быстро, рассекая воду могучими ударами сильных, мускулистых бронзовых рук. И рядом с ним плыла остроухая маленькая собачка.

— Банга! Банга! — услышал кафр отчаянный, полный тоски крик боэра.— На помощь, на помощь, Банга! Именем всех святых!..

Банга оглянулся, потом еще быстрее взмахнул руками. Его лицо было серо, как пепел, зубы стучали, глаза вылезали из орбит, как за минуту перед тем глаза Кайо. И он плыл, плыл, не оглядываясь...

Он не хотел видеть того, что было там, позади. Он пытался вытравить из сознания ужасное видение: почти рядом с полузатонувшим бревном, за которое судорожно ухватился Ван-Ховен, плыло теперь какое-то фантастическое, призрачное, кошмарное существо, что-то чуждое земле, чуждое ласковым солнечным лучам, какой-то темный дух, истинный «зверь из бездны»?

Трудно было сказать, какими размерами обладало это могучее и безобразное тело, напоминающее тело колоссального гишопотама. Туловище сзади заканчивалось длинным хвостом, на круглых черных плечах поднималась круто шея, сначала толстая, но быстро суживавшаяся и переходившая в какой-то раздувающийся темный рукав, подпиравший чудовищно безобразную и огромную крокодилью голову.

Зияла пасть с крутящимся, словно змеиное тело, длинным языком и бесконечным числом мелких острых зубов, светились зеленым светом выпуклые глаза, раздувались ноздри.

— На по...

Крик оборвался. Что-то громко всплеснуло, послышался отвратительный хряск дробящихся в могучих челюстях костей, потом все стихло.

Тем временем кафр доплыл до подножья скал на берегу, выбрался из воды и, как кошка, полез по откосу. Собачка карабкалась следом за ним. Они обрывались, падали, поднимались и все ползли и ползли вверх, покуда им не удалось, наконец, достигнуть гребня и скрыться за ним.

И так, уже находясь на берегу, они все бежали, не смея оглянуться.

Странный звук прокатился над лоном реки: казалось, прогремел гром. И еще быстрее бежали бронзовотелый человек с искаженным от ужаса лицом и маленькая рыженькая собачка, мелькавшая в густой траве.

* * *

Кафр Банга жив и сейчас. Но кто знал его раньше, тот с трудом узнает Бангу: он сразу обратился в дряхлого старика. Глаза слезятся и глядят с каким-то странным, полубезумным выражением. Кажется, в этих глазах раз навсегда застыл ужас.

На устах его блуждает жалкая растерянная улыбка. Когда Банга идет, он шатается на ходу всем телом, руки и ноги его подергиваются.

При этом Банга часто рассказывает историю про «зверя из бездны».

Он шляется всегда около кабачков, выжидая, когда кто-нибудь кликнет его:

— Гей, черная собака!.. Иди-ка сюда!..

И он бежит, подобострастно и идиотски улыбаясь.

— Я сейчас, сейчас, масса!..

Всюду за ним следует небольшая собачка с черными, как уголь, живыми глазками и острыми ушками.

Рассказывая о «звере из бездны», о драме в бассейне таинственного потока Лунга, кафр обыкновенно заканчивает эту историю словами:

— Если не верите мне, то хоть спросите у «Зулуса»... Он видел, он все видел, благородный масса! Смотрите, слушайте: он вспоминает «зверя из бездны».

В самом деле, с собачкой начинает делаться что-то странное: она поджимает хвост, она дрожит всем телом, она тихо и жалобно визжит.

— Помнишь, «Зулус»? — обращается к ней Банга. — Нет, ты помнишь? У него была голова крокодила, шея питона, тело гиппопотама. И он схватил массу Ван-Ховена,

как маленькую рыбку, хотя масса Ван-Ховен был великан. Он перекусил тело массы Ван-Ховена, как соломинку. Кровь брызнула в воду. Помнишь, песик?

Слушатели покатываются со смеху:

— Господи, какие лгуны, какие отчаянные лгуны эти кафры! Придумаешь же такое? «Зверь из бездны»... Голова крокодила, рог носорога... Ха-ха-ха!

Однако не все относятся с недоверием к рассказам Банги, знакомым всему югу Африки: известный немецкий натуралист Карл Гагенбек серьезным образом уверяет, что слухи о существовании какого-то фантастического животного колоссальных размеров безусловно заслуживают доверия. Карл Гагенбек ссылается на показания не только одного кафра Банги, но еще двух туземцев, лично видевших чудовищного «зверя из бездны». Описания их совершенно тождественны.

По мнению Гагенбека, разделяемому и многими другими учеными Германии, мы имеем дело с единственным, должно быть, на земле уцелевшим представителем давно, бесконечно давно вымершей расы грозных животных допотопного периода, с *динозавром*.

Зимой 1909 года в газете «Bulawayo Chronicle» появилась корреспонденция, автор которой, английский колонист, уверяет, что он отыскал маленький поселок негров, покинувших берега реки Кафоз из-за того, что на их деревню было произведено как-то ночью нападение неведомым животным чудовищных размеров, вышедшим из недр вод и разрушившим две хижины.

Комментарии излишни.

Примечания

М. Твен. Две краткие лекции по науке

Впервые: *The American Publisher*, сентябрь и октябрь 1871, под назв. «A Brace of Brief Lectures on Science». Русский пер. был впервые опубликован в журн. *Наука и жизнь* (1969, № 4).

Эти «лекции» М. Твена (1835-1910) оставались малоизвестными до тех пор, пока виднейший исследователь творчества писателя Ч. Нейдер не опубликовал их в сборнике забытых сочинений Твена «Mark Twain: Life As I Find It» (Garden City, 1960). Вероятно, М. Твен обратился к палеонтологии благодаря впечатлениям лета 1871 г., которое он провел на ферме своей свояченицы; здесь писатель и его друг Д. Гудман увлеклись собиранием окаменелостей. Тема палеонтологии и преистории в творчестве Твена позднее была продолжена эссе «Был ли мир создан для человека?» (1903).

С. 13. ...убийстве Натана – Речь идет об убийстве богатого биржевого дельца и филантропа Б. Натана, который был обнаружен забитым до смерти в своем доме на Манхэттене 29 июля 1870 г.; при этом были похищены драгоценности и небольшая сумма денег. Полицейские следователи заключили, что Натан был убит во время ограбления, однако убийца или убийцы так и не были найдены.

Г. Уэллс. Остров Эпиорниса

Впервые: *Pall Mall Budget*, 1894, 27 декабря. Рассказ вошел в авторский сборник Г. Уэллса (1866-1946) «The Stolen Bacillus and Other Incidents» (London, 1895).

В качестве иллюстраций использована обложка *Pearson's Magazine* (где рассказ был перепечатан в феврале 1905 г.) и рисунки В. Ермолова из отдельного русского издания в серии «Рассказы иностранных писателей» (М., Детгиз, 1937).

С. 42. ...*maximus... vastus ...vastissimus* – соответственно, «огромный», «колоссальный», «громоаднейший» (*лат.*)

А. Конан Дойль. Ужас расщелины Голубого Джона

Впервые: *The Strand Magazine* (1910, август). Иллюстрации к этому рассказу А. Конан Дойля (1859-1930) взяты из первой публикации.

Доминик Грин. Дело из затерянного мира

Впервые: *BBC Cult*, 2004.

Д. Грин (р. 1967) – британский писатель-фантаст, получивший известность благодаря рассказам, опубликованным в журнале фантастики *Interzone*. Номинирован на премию Хьюго (2005).

С. 69. ...*Хэмпстед-хит* – букв. «Хэмпстедская пустошь», старинный парк на севере Лондона, самый обширный парк города.

С. 69. ....«*Текстед*» Густава Холста – гимн английского композитора Г. Холста (1874-1934), назван по имени деревни, где много лет прожил Холст. Здесь автор совершает хронологическую ошибку, так как гимн (вариация темы Юпитера из симфонической сюиты Г. Холста «Планеты») был написан в 1921 г., а под названием «Текстед» стал известен лишь в 1926 г.

С. 72. ...*уинтатерия* – Уинтатерий – вымершее млекопитающее из отряда диноцерат. Уинтатерий достигал размеров носорога и имел три пары характерных роговых выростов на черепе.

С. 74. ...*палеозоонов* – ископаемых животных (от *греч.* *palaios* – древний и *zoon* – животное).

С. 76. ...*Corythosaurus Casuarius* – Коритозавр (буквально «шлемоносный ящер»), представитель семейства «утконосых» гадрозавров; был впервые обнаружен в 1912 г. у реки Ред-Дир в Альберте

американским палеонтологом Б. Брауном (1873-1963), описан и назван им в 1914 г.

С. 78. ...*стране, полной нежности и мира* – Цитируется финальная строка патристического стихотворения С. Спринг-Райса (1859-1918) «Клянусь тебе, страна моя», на слова которого и был написан гимн «Текстед».

С. 80. ...«*Замка Джека Строу*» – «Замок Джека Строу» – старинный постоялый двор с таверной, позднее гостиница в Хэпстед-хит, названная по имени одного из главарей крестьянского восстания конца XIV в. В 1990-х гг. здание было продано строительным подрядчикам и превращено в роскошный квартирный комплекс.

С. 80. ...*гомруля* – Гомруль – движение за автономное самоуправление (Home Rule) Ирландии в конце XIX — начале XX в.

С. 82. *За Ирландию!* – В оригинале Грин произносит «*Fianna Fail!*» («Солдаты судьбы», «Воины Ирландии») – название ирландской республиканской партии, возникшей лишь в 1926 г.

Эден Филлпотс. Архидьякон и динозавры

Рассказ вошел в авторский сборник *Fancy Free* (London, 1901).

Эден Филлпотс (1862-1960) – английский писатель, поэт и драматург, друг Агаты Кристи, регулярно гостившей в его доме. Жил в Дартмуре, которому посвятил популярный «dartмурский цикл» из 18 романов и двух томов рассказов; долгое время возглавлял Общество сохранения памятников Дартмура. По его комедии «Жена фермера» А. Хичкок поставил в 1927 г. одноименный немой кинофильм.

С. 88. ...*телеозавр* – вымершее крокодилоподобное существо, жившее в средний юрский период; телеозавр отличался очень длинными и тонкими челюстями с острыми мелкими зубами.

С. 89. ...*сцелидозавром* – Сцелидозавр – птицетазовый динозавр с покрытым щитками телом, живший в раннем юрском пе-

риоде; его останки были обнаружены в Англии и описаны в 1861 году.

С. 89. ...«допотопных драконов» – см. прим. к с. 99.

С. 89. ...*анхизавра* – Анхизавр (анкизавр) – растительноядный динозавр раннего юрского периода; вопреки утверждению автора, имел скромные размеры (длина тела составляла немногим более 2 м).

С. 89. ...*нового красного песчаника* – Здесь используется британский геологический термин, означающий слои красного песчаника, которые образовались в пермский и триасовый периоды (280-200 млн лет до н.э.) – в отличие от «старого», девонского красного песчаника.

С. 89. ...*клаозавра* – Клаозавр – динозавр из семейства гадрозавров; на самом деле имел в длину около 3,5 м.

С. 92. ...«*Британия первой, по воле Небес*» – строки из патриотической песни «Правь, Британия!» (1740).

С. 95. ...*атлантозавру* – Атлантозавр – сомнительный вид динозавра-зауропода, описанный О. Маршем в 1877 г.

Амброз Бирс. По велению Акунда

Впервые: *San Francisco Examiner*, 1888, 18 марта.

С. 99. «*первобытные драконы... слизи*» – знаменитая цитата из поэмы «In Memoriam» А. Теннисона (1809-1862), которая часто приводится в палеофантастике.

С. 99. ...*Пиком Пайка* – Пик Пайка – пик высотой в 4302 м в Скалистых горах близ Колорадо-Спрингс (США).

С. 100. ...*de novo* – заново (лат.).

Чарльз Катлифф Хайн. Ящер

Рассказ вошел в авторский сборник «Atoms of Empire» (1904).

Чарльз Д. Катлифф Хайн (1855-1944) – британский писатель, плодовитый автор ранней фантастики; публиковался также под псевдонимом Везерби Чесни. В его многочисленных рассказах и романах обыгрывались такие темы НФ, как «затерянные миры», невидимость, роботы, космические путешествия, загадочные существа, будущие войны и т.д.; литературное наследие включает готическую фантастику, рассказы ужасов и пр. Потомству Хайн известен в основном как автор романа «Затерянный континент: История Атлантиды» (1899) и приключенческих рассказов о капитане Кеттле.

С. 108. ...с двенадцатого числа – 12 августа в Англии открывается охота на шотландских и белых куропаток; этот день считается одним из самых важных в охотничьем сезоне и был прозван охотниками «Славным двенадцатым».

Томас Чарльз Слоан. Бог пещер

Впервые: *The Strand Magazine*, 1907, август (под названием «The Pterodactyl»).

С. 124. ...на Хиле – Хила – река длиной 1044 км в американских штатах Аризона и Нью-Мексико, приток реки Колорадо.

С. 124. ...в Юме – Юма – город и одноименный округ на юго-западе штата Аризона.

С. 124. ...*Бога пещер* – Представления о жестоком «Боге пещер», который ассоциировался с летучими мышами (символ смерти, ночи и жертвоприношения) были характерны для культур Месоамерики. Так, у майя существовал Камасоц, бог-летучая мышь (от kame, смерть и soztz, летучая мышь на языке киче). В священной индейской книге «Пополь-Вух» рассказывается о «Доме летучих мышей» в царстве мертвых: «Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца, большого животного».

го. Орудия убийства были у него, как у Чакицама; они были похожи на закаленные острия. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его».

С. 126. ...*Чальмы* – Чальма, в современной Мексике – место христианского паломничества и древних индейских святилищ. По легенде, два монаха-августинца, проповедовавшие в Мексике, в 1539 г. услышали о паломничестве индейцев в Чальму («место пещер»). Паломники, украшенные цветами, совершали длинные пешие переходы, неся дары в пещеру, где поклонялись «темному пещерному богу» Остеотлю (Окстотеотлю). Легенда гласит, что в пещере августинцы наряду с дарами обнаружили идола Остеотля и следы человеческих жертвоприношений, после чего обратились к индейцам с проповедью. Через несколько дней произошло чудо: идол был найден разбитым, а вместо него в пещере появилась статуя распятого черного Христа. Чудесная пещера привлекала растущее число паломников-христиан, и в последней четверти XVII в. здесь был заложен монастырь.

Михаил Первухин. Зверь из бездны

Впервые: *На суше и на море*, 1911, кн. 1, под псевд. М. Алазанцев. Публикуется по этому изданию в новой орфографии, с исправлением некоторых устаревших особенностей правописания и пунктуации.

Михаил Первухин (1870-1928) – русский журналист, писатель, переводчик. Уроженец Харькова; был исключен из университета по политическим мотивам, затем из-за туберкулеза в 1899 г. поселился в Ялте. В 1900-1906 гг. редактировал газ. «Крымский курьер». В 1906 году был выслан из Крыма за оппозиционные настроения, уехал в Германию, через год поселился в Италии. Писал (часто под различными псевдонимами) для многих российских изданий, после 1917 г. – эмигрантских. В числе прочего оставил заметное научно-фантастическое наследие, в том числе ранние романы в жанре «альтернативной истории» – «Вторая жизнь Наполеона» (1917) и «Пугачев-победитель» (1924), а также приключенческие произведения. В конце жизни на почве ярого антибольшевизма запятнал свое имя активной поддержкой итальянского фашизма.

С. 150. ...*боэр* ...*Кронье* – боэр – бур (уст.); Кронье – генерал Питер (Пит) Кронье (1836-1911), один из командующих южноафриканскими силами в англо-бурской войне.

С. 175. ...«*хиришфэнгэрами*» – В современной транскрипции хиршфангер, охотничий клинок (от нем. Hirschfanger).

С. 178. ...*Гервега* – Г. Гервег (1817-1875), немецкий социал-демократический поэт, публицист, переводчик, любовник жены А. Герцена Натальи.

С. 187. ...«*коне Бледе*» ... «*звере из бездны*» – «Конь блед», на котором восседает смерть, описан в Откр. 6:8; о «звере из бездны» говорится в Откр. 17:8: «Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится».

Оглавление

От издательства	7
М. Твен. Две краткие лекции по науке. <i>Пер. Н. Колпакова</i>	8
Г. Уэллс. Остров Эпиорниса. <i>Пер. Н. Надеждиной</i>	22
А. Конан Дойль. Ужас расщелины Голубого Джона. <i>Пер. В. Штенгеля</i>	43
Д. Грин. Дело из затерянного мира. <i>Пер. М. Фоменко</i>	67
Э. Филлпотс. Архидьякон и динозавры. <i>Пер. В. Барсукова</i>	84
А. Бирс. По велению Акунда. <i>Пер. А. Панченко</i>	96
Ч. Катлифф Хайн. Ящер. <i>Пер. М. Фоменко</i>	107
Т. Ч. Слоан. Бог пещер. <i>Пер. А. Шермана</i>	119
М. Первухин. Зверь из бездны	148
Примечания	193

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.